В. Базаровъ.

Анархическій коммунизмъ и марксизмъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Т-ва «Народная Польза». Коломенская ул., соб. д., 39.
1906.

I.

Вмѣсто предисловія.

Въ числѣ многихъ древнихъ и заслуженныхъ столповъ, поддерживающихъ зданіе нашего государственнаго порядка, не послѣднее мѣсто занимаетъ та статья закона, которая трактуетъ о «разрушительныхъ ученіяхъ коммунизма и соціализма, ведущихъ къ ниспроверженію властей и анархіи».

Что касается соціализма, то «разрушительная» сила его давно уже оказалась достаточной, для того чтобы разорвать оболочку этой оффиціальной характеристики и выступить передъ широкой публикой въ своемъ подлинномъ видѣ.

Анархизмъ представляетъ на нашей русской почвѣ болѣе поздній продуктъ. Несмотря на то, что среди европейскихъ анархистовъ играли всегда и до сихъ поръ играютъ крупную роль русскіе эмигранты, въ самой Россіи анархизмъ до самаго послѣдняго времени почти не имѣлъ сторонниковъ. Если старое народничество 60-хъ и 70-хъ годовъ и окрашивалось слегка въ анархическій цвѣтъ, то окраска эта непрочно приставала къ движенію и быстро смывалась условіями политической и общественной борьбы. Чисто анархическія тенденціи и въ то время были очень неглубоки и скоротечны. Они совершенно исчезли уже въ періодѣ народовольчества и не возобновлялись въ позднѣйшія десятилѣтія,

когда гегемонія революціонной борьбы оказалась въ рукахъ соціальдемократіи.

При такихъ условіяхъ мало находилось охотниковъ перевозить черезъ границу транспорты анархистской литературы или размножать ее въ самой Россіи при помощи подпольнаго печатнаго станка. Естественно, что русскій гражданинъ зналъ объ анархизмѣ немногимъ болѣе, чѣмъ можно почерпнуть изъ упомянутой выше статьи закона и издававшихся въ стилѣ ея циркуляровъ на предметъ борьбы съ анархіей. Газетныя свѣдѣнія объ анархистскихъ покушеніяхъ за границей только укрѣпляли навѣянное оффиціальными источниками неопредѣленно устрашающее впечатлѣніе. Анархистъ представлялся изступленнымъ фанатикомъ разрушенія, существомъ, жаждущимъ крови ради крови, хаоса ради хаоса.

Дѣло нѣсколько измѣнилось съ водвореніемъ у насъ «конституціи». Съ одной стороны, начальство стало страдать время отъ времени припадками попустительства книгопечатанію, вслѣдствіе чего на русскій книжный рынокъ проникли произведенія Кропоткина, Э. Реклю и другихъ видныхъ анархистовъ. Съ другой стороны, неслыханное обостреніе политической и соціальной борьбы вызвало къ жизни, на ряду съ другими организаціями, партіями, союзами, образованіе анархистскихъ группъ. Правда, практическія выступленія русскихъ анархистовъ-коммунистовъ, выразившіяся въ рядѣ вооруженныхъ нападеній и грабежей, скорѣе укрѣпляли традиціонное представленіе объ анархистѣ, нежели побуждали къ его пересмотру. Тѣмъ не менѣе интересъ къ анархизму возросъ. Возникла настоятельная необходимость серьезно разобраться въ этомъ теченіи; и необходимость эта особенно настоятельна для соціальдемократовъ, которымъ ближе всего и чаще всего приходится сталкиваться съ анархистами-коммунистами на практикѣ.

Что же такое анархизмъ?

Уничтоженіе государства и всякихъ иныхъ формъ внѣшняго принужденія во имя безграничной свободы индивидуума—вотъ квинтъ-эссенція всѣхъ анархистскихъ программъ. Но само собою разумѣется, что за этимъ чисто отрицательнымъ девизомъ можетъ скрываться почти безконечное разнообразіе положительныхъ требованій, запросовъ, идеаловъ. Весьма мало родственные между собой, порой даже прямо противоположные интересы могутъ вступить въ непримиримый конфликтъ съ государственной организаціей; ради далеко неодинаковыхъ цѣлей могутъ различные индивидуумы поднять знамя возстанія противъ всякой власти и требовать абсолютнаго самоопредѣленія.

И дѣйствительно, подъ анархистскимъ знаменемъ группируется очень пестрая армія.

Тутъ и представители интеллигентской богемы, которые бравируютъ своимъ равнодушіемъ къ соціальнымъ и политическимъ вопросамъ, стараются презрительно не замѣчать политическаго гнета, ищутъ главнымъ образомъ психологической свободы отъ всего, навязаннаго общественнымъ мнѣніемъ, отъ всего общепризнаннаго, обыденнаго, мечтаютъ о новыхъ формахъ мышленія и чувствованія, о новыхъ, никѣмъ еще не испытанныхъ переживаніяхъ.

Тутъ и бунтъ противъ капиталистической «собственности—кражи» со стороны мелкой *трудовой* собственности, бунтъ противъ государства, охраняющаго предпринимателей-эксплуататоровъ, со стороны предпринимателей-работниковъ, мелкихъ буржуа, стремящихся возродить золотое царство экономической справедливости въ свободныхъ союзахъ самостоятельныхъ товаропроизводителей.

Тутъ и полный христіанскаго смиренія анархизмъ

крестьянъ-сектантовъ, анархизмъ самодовлѣющаго «натуральнаго» производства старой деревни, философія патріархальнаго крестьянина, застывшаго въ ужасѣ и недоумѣніи передъ антихристовымъ нашествіемъ городской цивилизаціи съ ея раздѣленіемъ труда, властью денегъ, борьбой классовъ, крушеніемъ всѣхъ прадѣдовскихъ устоевъ.

Тутъ и дикій босяцкій протестъ противъ всякой вообще соціальной организаціи, злобная месть обществу со стороны бывшихъ его членовъ, «бывшихъ людей», безжалостно выкинутыхъ на «дно», за бортъ общественнаго корабля. —И любопытно, какъ разъ въ этой группѣ анархистовъ отчаянія, злобы и мести мы на ряду съ изголодавшимися босяками встрѣчаемъ нерѣдко самыя сливки буржуазнаго общества—изнѣженныхъ, пресыщенныхъ представителей верховъ буржуазіи: въ погонѣ за возбуждающими средствами они не могутъ найти ничего болѣе остраго и пикантнаго, чѣмъ эта атмосфера слѣпой ярости, непримиримой клокочущей ненависти ко всему, на чемъ зиждится ихъ собственное существованіе.

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ, далеко не исчерпывающихъ всѣхъ оттѣнковъ анархизма, ясно, насколько разнообразны охватываемые имъ элементы. Для анархиста интеллигентскаго типа непосредственный гнетъ государственной организаціи представляетъ сравнительно мало замѣтное зло,—главное вниманіе здѣсь направлено на устраненіе косвеннаго, психологическаго результата этого гнета, на борьбу съ тѣмъ «внутреннимъ жандармомъ», котораго, по извѣстному нѣмецкому выраженію, «каждый носитъ въ своей груди». Наоборотъ, для анархизма ремесленнаго или крестьянскаго именно внѣшняя сила капиталистическаго государства есть главный врагъ; а внутренній жандармъ, стоящій на стражѣ вѣками завѣщанныхъ устоевъ нравственности и религіи, какъ разъ

и представляется той святыней, во имя которой ведется борьба съ государственной властью безбожныхъ слугъ антихристовыхъ.

Но не только въ области общихъ мотивовъ анархическаго настроенія, но и въ самой конструкціи безгосударственнаго общежитія возможны крупныя варіаціи. Какъ ни противоположны между собою по своимъ взглядамъ интеллигентъ-эстетъ и крестьянинъ-сектантъ, въ ихъ соціальномъ міровоззрѣніи есть все же нѣкоторое формальное сходство. И тотъ и другой чужды интересамъ господствующихъ классовъ; поэтому и у того и у другого идея индивидуальной свободы дополняется идеей равноправія индивидуумовъ, право на самоопредѣленіе признается за всѣми безъ различія человѣческими существами.

Бываютъ однако случаи, когда анархическія тенденціи окрашиваютъ собой міросозерцаніе самой господствующей группы. Такъ напримѣръ, классическое воззрѣніе буржуазіи на государство, какъ на «городового», призваннаго стоять на стражѣ интересовъ собственности, дѣлало попытки совершить еще одинъ шагъ и отнять у государства даже эту охранительную роль, отнюдь не устраняя, конечно, классового господства буржуазіи. Наиболѣе извѣстная попытка въ этомъ родѣ принадлежитъ Спенсеру, который предвидитъ постепенное вытѣсненіе «военнаго типа» (т. е. государства) «индустріальнымъ типомъ» (т. е. непосредственно и исключительно экономическимъ господствомъ автономныхъ организаторовъ производства). Правда, анти-государственныя тенденціи никогда не охватывали буржуазію сколько-нибудь широко, и въ настоящее время эпоху столь эксцентричныхъ увлеченій юности можно считать окончательно пройденной для капиталистическаго класса. Тѣмъ не менѣе этотъ своеобразный бунтъ буржуазнаго міровоз-

зрѣнія противъ охраняющаго буржуазный міръ гусударства имѣетъ свои объективныя основанія, а отнюдь не является простымъ курьезомъ. Съ другой стороны, въ философіи Ницше нашелъ себѣ воплощеніе аристократическій анархизмъ; попытка реставрировать феодально-іерархическій духъ—«пафосъ разстоянія» —прихотливо сочеталась здѣсь съ самой безудержной ненавистью ко всякимъ освященнымъ исторіей нормамъ, гранямъ и ограниченіямъ.

Въ задачу настоящей работы не входитъ анализъ анархизма во всѣхъ его оттѣнкахъ и развѣтвленіяхъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ анархизмъ къ международному пролетарскому соціализму?—вотъ вопросъ, который насъ здѣсь интересуетъ. Само собою понятно, что при этомъ особенное значеніе пріобрѣтаетъ теорія и практика тѣхъ анархистовъ, которые стремятся связать свою дѣятельность съ освободительной борьбой пролетаріата. Анархическія теченія, открыто враждебныя пролетарскому движенію или совершенно чуждыя ему, мы оставимъ поэтому въ сторонѣ. Мы не будемъ также останавливаться на исторіи развитія анархизма и перейдемъ прямо къ его современнымъ воззрѣніямъ.

II.

Доктрина анархистовъ-коммунистовъ.

Среди современныхъ анархистовъ, пытающихся опереться въ борьбѣ за свои идеалы на пролетарское движеніе, особенно видную роль играютъ такъ называемые «анархисты-коммунисты». Для характеристики ихъ взглядовъ мы воспользуемся работами Кропоткина, Э. Реклю, Черкезова и другихъ писателей, объединившихся подъ общимъ девизомъ «Хлѣбъ и Воля».

Идеалъ анархистовъ-коммунистовъ, какъ видно уже изъ самаго ихъ названія, *безгосударственный соціализмъ*. Вмѣстѣ съ государствомъ отпадаютъ и всѣ иныя формы внѣшняго принужденія, т. е. не только писанные законы, поддерживающіе свое господство при помощи судовъ, тюремъ и висѣлицъ, но и неписанная «авторитарная» мораль, деспотизмъ освященныхъ преданіемъ и религіей нравственныхъ нормъ, которыя подъ страхомъ отлученія навязываются индивидууму общественнымъ мнѣніемъ. Анархисты работаютъ, по словамъ Элизе Реклю [1]), «для рожденія такого общественнаго строя, въ которомъ не будетъ больше никакихъ начальниковъ, не будетъ оффиціальныхъ блюстителей нравственности, не будетъ ни тюремщиковъ, ни палачей, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, а только люди, равные между собой въ правахъ,—братья, имѣющіе каждый свою ежедневную долю хлѣба насущнаго и живущіе въ любви и согласіи не въ силу пресловутаго повиновенія законамъ, сопровождаемаго страшными наказаніями для ослушниковъ, а въ силу всеобщаго уваженія интересовъ другихъ, въ силу научнаго слѣдованія законамъ природы». Этотъ свободный, или, какъ выражаются анархисты, «либертэрный» характеръ будущаго общежитія принято считать исключительной принадлежностью анархистской программы. Либертэрному соціализму противополагается соціализмъ «авторитарный», или государственный, который защищаютъ якобы всѣ остальныя соціалистическія направленія и въ первую голову соціальдемократія.

«Наши стремленія двоякаго рода», читаемъ мы въ первой статьѣ сборника «Хлѣбъ и Воля» [2]), «мы стремимся къ уничтоженію частной собственности и къ пе-

---

[1]) *Э. Реклю.* Анархія, стр. 3.
[2]) Стр. 6—7.

редачѣ всего необходимаго для производства (земли, орудій труда и всѣхъ богатствъ, накопленныхъ человѣчествомъ) въ руки самого народа; въ этомъ мы сходимся съ другими соціалистами. Но въ то же время мы стремимся къ уничтоженію государства и въ этомъ мы съ ними расходимся..... Уничтоженіе частной собственности намъ обезпечитъ экономическое благосостояніе, уничтоженіе государства—свободу личности. Вотъ почему мы говоримъ: «*хлѣбъ и воля*».

Итакъ, по увѣреніямъ самихъ анархистовъ-коммунистовъ различная оцѣнка государства составляетъ корень разногласія между ними и соціальдемократіей. Анархисты-коммунисты непримиримые враги всякой власти человѣка надъ человѣкомъ, тогда какъ соціальдемократы мечтаютъ о «государствѣ будущаго», хотятъ создать централизованную организацію общественнаго производства, подчиненную единой руководящей власти. Въ произведеніяхъ анархистовъ-коммунистовъ не мало теплыхъ словъ расточается по адресу этихъ «якобинцевъ», ведущихъ пролетаріатъ не къ полному освобожденію отъ всякаго рабства, а къ новой системѣ рабства, къ «государственному капитализму». Въ широкой публикѣ также очень распространенъ взглядъ, что именно государственный характеръ соціальдемократическаго соціализма рѣзче всего раздѣляетъ его отъ соціализма анархистовъ.

Мы считаемъ поэтому необходимымъ уже съ самаго начала подчеркнуть, что въ основѣ этого взгляда лежитъ чистѣйшее недоразумѣніе.

Никакихъ симпатій къ «государству» соціальдемократы никогда не выражали. Впрочемъ, о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ представители этой партіи распространяются, какъ извѣстно, не особенно много, быть можетъ даже меньше, чѣмъ бы слѣдовало. Гораздо больше интересуютъ ихъ тѣ массовыя историческія движенія, тѣ

реальныя общественныя силы, которыя направляютъ ходъ исторіи независимо отъ воли и настроенія отдѣльныхъ группъ идеологовъ. Но и съ этой объективной точки зрѣнія положеніе государства отнюдь не представляется соціальдемократамъ особенно блестящимъ и незыблемымъ.

По господствующему въ буржуазныхъ кругахъ воззрѣнію, государство есть «прежде всего» организація порядка. А такъ какъ всякое общественное устройство предполагаетъ какой-нибудь порядокъ, то государственная власть съ развитіемъ общества можетъ мѣнять лишь свою форму, приспособляясь къ новымъ общественнымъ потребностямъ, но никогда не можетъ исчезнуть совершенно. „Пока существуетъ общество, существуетъ и регулирующее его отправленія государство“. По соціальдемократической теоріи государство есть „прежде всего“ организація классового господства. Для поддержанія общественнаго порядка необходима власть лишь постольку, поскольку этотъ общественный порядокъ есть упорядоченное господство надъ обществомъ опредѣленнаго класса. Разъ исчезаютъ классовыя противорѣчія, разъ производство перестаетъ быть организаціей эксплуататоровъ для порабощенія эксплуатируемыхъ и становится союзомъ равноправныхъ производителей для планомѣрной борьбы съ природой, то всякая власть дѣлается излишней. Государство ненужно и невозможно въ соціалистическомъ обществѣ, оно неизбѣжно отмираетъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ классовой борьбы.

Такимъ образомъ, соціальдемократы менѣе всего являются „государственниками“; идея „государственнаго соціализма“ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ марксистской теоріи. И если въ соціальдемократической литературѣ встрѣчается иногда слово Zukunftstaat—„государство будущаго“,—то это свидѣтельствуетъ только о недостаточно критическомъ употребленіи терминовъ. За-

мѣтимъ впрочемъ, что основатели соціальдемократическаго ученія—Энгельсъ и Марксъ—никогда, насколько мы помнимъ, не говорили о государствѣ будущаго, но зато очень часто и недвусмысленно формулировали свой взглядъ на государство, какъ на организацію, специфически свойственную классовому обществу.

Чѣмъ же объяснить тогда нападки анархистовъ на мнимыя „государственныя вожделѣнія“ *якобинцевъ*-соціальдемократовъ? Что это? Незнакомство съ ученіемъ соціальдемократіи, или умышленное искаженіе его, демагогическій пріемъ, имѣющій цѣлью дискредитировать сильнаго противника въ глазахъ недостаточно просвѣщенныхъ рабочихъ?

Въ отдѣльныхъ—и довольно таки частыхъ—случаяхъ бываетъ, конечно, и то и другое. Но въ общемъ и цѣломъ мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь передъ собою совершенно искреннее недоумѣніе, органическую неспособность уяснить себѣ ту связь, которая соединяетъ „безгосударственность» соціальдемократовъ со всѣми остальными положеніями ихъ теоріи и практики. Такъ напр., г. Черкезовъ [1]) съ величайшимъ негодованіемъ на двуличность Энгельса цитируетъ слѣдующія слова послѣдняго: „Общественные классы исчезнутъ, и съ ними вмѣстѣ рушится государство. Когда общество создастъ производство на началахъ свободной ассоціаціи равноправныхъ производителей, тогда всю государственную машину сдадутъ въ музей древностей, вмѣстѣ съ прялкой и бронзовымъ топоромъ». Авторъ совершенно не въ состояніи согласовать эти слова со всей остальной дѣятельностью Энгельса. Вѣдь тотъ же самый Энгельсъ составилъ вмѣстѣ съ Марк-

[1]) «Доктрина марксизма», выпускъ второй. Стр. 10 и слѣд. Къ сожалѣнію, впрочемъ, этотъ писатель менѣе всего обнаруживаетъ склонности безпристрастно разбираться въ мнѣніяхъ противниковъ.

сомъ «Коммунистическій манифестъ», гдѣ государству предъявляется цѣлый рядъ соціальныхъ требованій, гдѣ говорится о политической диктатурѣ пролетаріата. «Какимъ образомъ», негодующе восклицаетъ г. Черкезовъ, «авторы манифеста могли требовать усиленія государства, государственнаго производства, государственной монополіи, созданія государственной арміи труда, если они пришли къ выводу, что государство должно исчезнуть, что прогрессъ ведетъ къ этому, и что всякій другъ прогресса, равенства и соціализма долженъ содѣйствовать ускоренію разрушенія государства, а не его усиленію и увѣковѣчиванію?» И г. Черкезовъ видитъ въ словахъ Энгельса лишь увертку, совершенно *нелогичную* уступку анархизму, —уступку, вызванную якобы тѣмъ обстоятельствомъ, что «всѣ (!) революціонеры оставляютъ знамя государственнаго соціализма и примыкаютъ къ анархистамъ».

И въ самомъ дѣлѣ, какая тутъ «логика»? Участвовать въ парламентской борьбѣ, въ работѣ государственной машины,—и въ то же время стремиться къ тому, чтобы машина эта была «сдана въ музей»!?—Создавать централизованныя организаціи рабочихъ, проводить въ этихъ организаціяхъ строжайшую дисциплину, подчиненіе большинству и центральной власти правленія,—и въ то же время ставить уничтоженіе всякой власти своей конечной цѣлью! Очевидно тутъ что-то нечисто, тутъ есть какой-то подвохъ! Такъ разсуждаетъ анархистъ, такъ разсуждаютъ и большинство обывателей. То, что съ соціальдемократической точки зрѣнія совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ основныхъ посылокъ, для анархиста и средняго обывателя представляется вопіющимъ противорѣчіемъ. Очевидно, дѣло здѣсь не въ содержаніи самого идеала, а прежде всего въ методахъ, въ типахъ осуществленія конечной цѣли. Передъ нами двѣ различ-

ныя партійныя логики, зависящія отъ различнаго пониманія соціальнаго развитія и соціальной борьбы.

Уже съ перваго взгляда бросается въ глаза неодинаковое отношеніе анархистовъ и соціальдемократовъ къ соціальному процессу. Анархисты чрезвычайно любятъ указывать на древнее происхожденіе анархизма. «Во всѣ времена», пишетъ Э. Реклю, «существовали свободные люди, презиравшіе законы, не признававшіе никакой власти надъ собой, и жившіе на основаніи права своего существованія и по велѣніямъ своего разсудка» [1]). Точно также, по Кропоткину, борьба между государственностью и анархизмомъ красною нитью проходитъ черезъ всю человѣческую исторію [2]).—Соціальдемократы, наоборотъ, съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваютъ, что современный соціализмъ является новымъ движеніемъ, что возникновеніемъ своимъ онъ обязанъ специфическимъ особенностямъ новѣйшаго капиталистическаго развитія.

Уже это очень характерно. Анархисты — эти заклятые враги всякихъ традицій — считаютъ, подобно религіознымъ сектамъ, древность своего ученія аргументомъ въ его пользу. Если анархизмъ старъ, какъ само человѣчество, то, очевидно, онъ не есть что-либо случайное, навѣянное даннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, очевидно, анархическія стремленія глубоко заложены въ человѣческой природѣ, неразрывно свяваны съ самой сущностью человѣка. Таковъ смыслъ этого обращенія къ древности. — Соціальдемократа очень мало прельщаетъ

---

[1]) «*Анархія*», стр. 3.

[2]) Ср. также *Жана Грава*: «Быть свободнымъ отъ всякаго принужденія, отъ всякаго стѣсненія—не есть ли это въ самомъ дѣлѣ идеалъ человѣка, и не съ этой ли цѣлью производились всѣ революціи»? («Умирающее общество и анархія» стр, 10).

перспектива провозгласить соціализмъ вѣчнымъ стремленіемъ человѣческой природы. Мало того, если даже обнаруживается древность теченій, родственныхъ современному соціализму, соціальдемократъ прежде всего старается показать, что, несмотря на внѣшнее сходство, старыя движенія имѣли иной источникъ, иныя задачи или, по крайней мѣрѣ, встрѣчали совершенно иную среду. Соціальдемократъ не находитъ ни малѣйшаго утѣшенія въ томъ, что человѣчество вѣчно стремилось къ соціализму, разъ въ силу какихъ-то — быть можетъ, тоже вѣчныхъ и неустранимыхъ препятствій — стремленіе это никогда не было осуществлено. Такіе аргументы, какъ „вѣчность", сообразность человѣческой природѣ и т. п. не дурны, когда дѣло идетъ о метафизическомъ, этическомъ или религіозномъ *оправданіи* идеи, — для партійной программы нужно, по мнѣнію соціальдемократовъ, иное; нужно найти опору не въ вѣчности, а въ данное время и въ данномъ мѣстѣ; нужно имѣть въ окружающей соціальной средѣ такія силы, которыя способны реализовать идеалъ, превратить его изъ благочестиваго вѣрованья въ практическое дѣло.

Но посмотримъ, каковы же итоги этой вѣчной борьбы человѣчества за анархію.

„Во всѣ времена въ человѣческихъ обществахъ боролись два теченія. Съ одной стороны, народныя массы вырабатывали, въ видѣ обычая, рядъ учрежденій, необходимыхъ для того, чтобы общественная жизнь была возможна, - чтобы обезпечить миръ въ своей средѣ, улаживать возникающіе раздоры и помогать другъ другу во всемъ томъ, что требуетъ соединенныхъ усилій. Родовой бытъ у дикарей, сельская община и мірской судъ, охотничья и позднѣе промышленная артель, вольные города республики вѣчевого строя, возникшіе среди нихъ зачатки международнаго права и многія другія учрежде-

нія были выработаны не законодателями, а самимъ народнымъ творчествомъ.

«И во всѣ времена появлялись также среди людей волхвы, шаманы, прорицатели, жрецы и начальники военныхъ дружинъ, стремящіеся установить и упрочить свою власть надъ народомъ. Они сплачивались между собою, вступали въ союзъ и поддерживали другъ друга, чтобы начальствовать надъ людьми, держать ихъ въ повиновеніи, управлять ими—и заставлять ихъ работать на себя.

«Анархизмъ является, очевидно, представителемъ перваго теченія, — то-есть творческой, созидательной силы самаго народа, стремившагося выработать учрежденія обычнаго права, которыя уберегли бы его отъ желающаго властвовать меньшинства. Силою же народнаго творчества и народной созидательной дѣятельности, опирающейся на современное знаніе и технику, анархизмъ стремится и теперь выработать учрежденія, которыя обезпечили бы свободное развитіе общества. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, анархисты и государственники существовали во всѣ времена исторіи» [1]).

Итакъ, хотя анархизмъ всегда являлся выраженіемъ „творческой, созидательной силы“ большинства народа, стремившагося „уберечься отъ желающаго властвовать меньшинства“, тѣмъ не менѣе это меньшинство—волхвы, жрецы, начальники— при всякомъ общественномъ переустройствѣ, во время всѣхъ революцій, неизмѣнно захватывали и упрочивали за собой власть, а большинство неизмѣнно подчинялось этой, по выраженію Кропоткина, «насѣвшей на наго» власти. Авторъ не устаетъ подчеркивать этотъ двойственный характеръ соціальнаго развитія. Всѣ общественныя организаціи, — будутъ ли это

---

1) Современная наука и анархизмъ. П. Кропоткинъ. стр. 3—4.

сельскія общины, цехи, гильдіи или даже средневѣковые республиканскіе города, — представляютъ естественный продуктъ народнаго творчества; всѣ они могли бы, сохраняя свой общій типъ, существовать безъ всякой принудительной власти, опираясь лишь на свободное соглашеніе индивидуумовъ. Исключеніе дѣлается Кропоткинымъ лишь для современнаго централизованнаго, основаннаго на широкомъ раздѣленіи труда, производства. Эта централизація несовмѣстима, по мнѣнію Кропоткина, съ либертэрнымъ строемъ, и именно поэтому она не есть естественное созданіе народа, она искусственно сооружена капиталистами и подлежитъ разрушенію на другой же день соціальной революціи. Но и до капитализма группы насильниковъ всегда ухитрялись къ естественно сложившимся народнымъ союзамъ прилѣпить власть, сковать общежитіе принудительными законами, позволяющими эксплуатировать народъ въ интересахъ властвующей шайки. Такъ напр., Галлы, Лангобарды, Аллеманы, Саксы и наши предки временъ Ярослава выработали «прекрасный обычай платить виру за членовредительство и убійство, вмѣсто того чтобы практиковать законъ возмездія». Законы того времени фиксировали этотъ обычай, но тутъ же они «узаконили и увѣковѣчили едва намѣчавшееся тогда дѣленіе вольныхъ людей на классы», и узаконили его такъ основательно, «что до сихъ поръ, тысячу лѣтъ спустя, мы еще отъ него не освободились».

«И такъ оно шло, черезъ все законодательство всѣхъ вѣковъ, причемъ насиліе предыдущей эпохи переходило, черезъ законъ, въ новое общество, создававшееся на развалинахъ стараго: насиліе Персидскаго царства переходило въ Грецію, насиліе Македонскаго царства — въ Римъ; насиліе и жестокость Римской имперіи—въ средне-

ляетъ положеніе этой теоріи въ ряду другихъ соціально-политическихъ направленій.

Уже не разъ указывалось [1]) на близкое родство анархизма съ ученіемъ французскихъ просвѣтителей второй половины XVIII вѣка и утопическимъ соціализмомъ начала XIX столѣтія. Сходство дѣйствительно бросается въ глаза. И просвѣтители предреволюціонной Франціи и утопическіе соціалисты приписывали всѣ настроенія окружающаго ихъ общества *невѣжеству* народной массы, возлагали всѣ надежды на *познаніе* истинной природы человѣка и общества.

Міровоззрѣніе, на которомъ базируютъ эти взгляды, носитъ названіе «раціонализма». Раціонализмъ, какъ общественная философія, тѣсно связанъ съ успѣхами точныхъ наукъ, и именно эта связь даетъ удобную путеводную нить, для того чтобы сразу подойти къ его характернымъ особенностямъ. Раціонализмъ подводитъ всю общественную жизнь подъ тотъ типъ отношеній, который складывается между людьми въ процессѣ ихъ познавательной дѣятельности и притомъ въ области *точныхъ*, т. е. математическихъ и естественно-историческихъ наукъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ пало могущество феодальной церкви, превращавшей всякую науку въ орудіе своихъ интересовъ, наука о природѣ стала *свободной*, а потому и «точной». Соціальныя противорѣчія новаго общества непосредственно не отражались въ области естествознанія; что же касается государства, то для абсолютизма, боровшагося съ феодальнымъ укладомъ, было даже выгодно надѣвать на себя маску просвѣщеннаго свободомыслія. Абсолютизмъ убивалъ такимъ образомъ сразу двухъ зай-

---

[1]) См., напр., Плеханова: *Анархизмъ и соціализмъ*, а также первыя главы извѣстной работы Зомбарта: *Соціализмъ и соціальное движеніе*.

цевъ: подрывалъ независимый отъ него авторитетъ церкви и возвышалъ свой собственный авторитетъ въ глазахъ всѣхъ друзей независимой мысли. Вотъ почему умные деспоты XVII-го и особенно XVIII-го столѣтія были въ то же время деспотами «просвѣщенными», покровителями свободнаго изслѣдованія,—разумѣется, лишь внѣшней природы. На общественныя и государственныя науки свободомысліе ихъ распространялось съ очень внушительными оговорками.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ выработался мало-по-малу особый «научный интересъ», совершенно независимый отъ какихъ-либо внѣшнихъ директивъ и одинаково направленный у всѣхъ людей, занимающихся изслѣдованіями внѣшней природы. Каково содержаніе этого интереса, мы здѣсь разбирать не будемъ, — это слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ нашей темы.

Достаточно указать просто, что у каждаго онъ имѣется налицо. Человѣку не приходится разыскивать истинное направленіе научнаго интереса, онъ непосредственно *находитъ* его въ себѣ, какъ нѣчто данное, и притомъ легко убѣждается, что и всѣмъ другимъ людямъ, какое бы общественное положеніе они ни занимали, присуще то же самое «направленіе», тѣ же самые запросы.

Споръ можетъ возникнуть лишь изъ-за того, какая изъ наличныхъ научныхъ теорій лучше удовлетворяетъ общую для всѣхъ изслѣдователей научную потребность. Такой споръ всегда разрѣшается въ концѣ концовъ чисто логическимъ путемъ, доводами «разума». Источникомъ упорнаго разногласія здѣсь всегда является невѣжество. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что я могу лишь въ томъ случаѣ отвергать теорію, способную наилучше удовлетворить мой собственный научный интересъ, если я съ нею плохо знакомъ; и достаточно *просвѣтить* меня, достаточно логически доказать мнѣ, что данная теорія пре-

восходитъ всѣ другія, чтобы я вынужденъ былъ признать ее.

Совершенно съ тѣми же пріемами приступаетъ раціоналистъ къ общественной жизни. У него есть извѣстные соціальные интересы, есть извѣстный соціальный идеалъ, какъ наилучшее средство ихъ удовлетворенія. Соціальные интересы онъ находитъ въ себѣ непосредственно, они для него такъ же очевидны, такъ же естественны, какъ и тотъ научный интересъ, который руководилъ имъ въ познавательной дѣятельности. Какъ тамъ, такъ и здѣсь онъ не спрашиваетъ себя о происхожденіи даннаго интереса, онъ просто предполагаетъ его, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, въ одинаковой мѣрѣ свойственное всякому «нормальному» человѣку. Если же нормальные люди не хотятъ признать его идеала, то, очевидно, только потому, что не понимаютъ его, не видятъ его соотвѣтствія съ естественными запросами человѣческой природы; ихъ можно убѣдить логическими аргументами и только *логическими* аргументами.

Отсюда всѣ характерныя противорѣчія раціонализма. Являясь матерьялистическимъ или позитивнымъ въ точной наукѣ, онъ выступаетъ ярымъ идеалистомъ въ общественной жизни: превращенія *матеріи* внѣшней природы онъ кладетъ въ основу своего изслѣдованія, тогда какъ матерія соціальной жизни—соціальныя силы, создающія «интересы»—ускользаютъ изъ поля его зрѣнія, и на аренѣ исторіи остаются только «идеи», подгоняющія общественный строй къ заранѣе опредѣленному, самой природой продиктованному содержанію. Рекомендуя себя, какъ примѣненіе точной науки къ общественной жизни, раціонализмъ въ дѣйствительности дѣлаетъ невозможной всякую общественную науку: исторія человѣчества до открытія истинныхъ началъ обще-

житія превращается въ безсмысленный хаосъ «ошибокъ»,—послѣ открытія, послѣ всеобщаго ознакомленія съ нимъ, истина осуществляется,—и исторія прекращаетъ теченіе свое.

Въ какія же эпохи раціонализмъ имѣетъ наибольшіе шансы на успѣхъ? Очевидно тогда, когда противорѣчія соціальныхъ интересовъ болѣе или менѣе сглаживаются или, по крайней мѣрѣ, затушевываются какими-либо общими для всего соціальнаго цѣлаго запросами. Такъ это было, напримѣръ, во Франціи конца XVIII вѣка, гдѣ отрицательное требованіе уничтоженія абсолютизма диктовалось жизненными интересами всѣхъ классовъ буржуазнаго общества, а тѣ положительныя задачи, которыя должны были расколоть это общество послѣ побѣды, еще не опредѣлились съ достаточной ясностью. Не удивительно, что именно въ предреволюціонной Франціи особенно пышнымъ цвѣтомъ распустилась раціоналистическая общественная философія.

Но торжество классовыхъ противорѣчій буржуазнаго міра надъ «естественной» гармоніей свободы, равенства и братства не убило раціоналистическаго духа. Послѣдній мощно возродился въ ученіи такъ называемыхъ «утопическихъ» соціалистовъ, которые поставили своей задачей исправить «ошибки» французской революціи. Оставаясь вѣрными завѣтамъ просвѣтителей XVIII вѣка, они объясняютъ неудачу революціи тѣмъ, что дѣятели ея были недостаточно свѣдущи, не сумѣли найти тотъ общественный порядокъ, который дѣйствительно удовлетворялъ бы естественнымъ требованіямъ человѣческой природы.

Первая и важнѣйшая задача соціальнаго реформатора состоитъ съ этой точки зрѣнія въ томъ, чтобы детально и основательно разработать планъ идеальнаго общежитія. Разъ такой планъ выработанъ, вся дальнѣй-

шая работа сводится къ его распространенію путемъ пропаганды словомъ и практическими опытами. Въ этомъ и видѣли свое назначеніе соціалисты-утописты. Робертъ Овэнъ, напримѣръ, усиленно предостерегалъ рабочихъ отъ участія въ текущей политической борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ: къ чему впутываться въ эти дрязги, въ эти мелочные происки политикановъ, когда предстоитъ полное переустройство общества сверху до низу. Если овэновскіе рабочіе союзы и вели экономическую борьбу съ фабрикантами, то это отнюдь не было главной задачей ихъ основателей. Экономическая борьба допускалась лишь, какъ неизбѣжное зло; главной миссіей союзовъ было соціалистическое просвѣтительство: они должны были нести въ міръ евангеліе обновленія. На свою колонію въ Нью-Лэнаркѣ и другія подобныя предпріятія Овэнъ смотрѣлъ прежде всего, какъ на пропаганду дѣломъ. Онъ вовсе не думалъ, что производительныя товарищества, усиливаясь и разростаясь, вытѣснятъ капиталистическія фабрики, заставятъ капитулировать передъ собой старую организацію производства. Не какъ орудія въ непосредственной борьбѣ цѣнилъ онъ ихъ, а какъ увлекательные, чарующіе образчики будущаго строя, способные заразить капиталистическій міръ подражаніемъ. Съ пропагандой Овэнъ—и въ этомъ отношеніи онъ не отличался отъ Фурье и другихъ утопистовъ—обращался ко всѣмъ и каждому, къ богачамъ и бѣднякамъ, къ предпринимателямъ и рабочимъ, подавалъ даже докладную записку представителямъ европейскихъ державъ, съѣхавшимся на дипломатическій конгрессъ.

Міросозерцаніе великихъ утопистовъ не могло, конечно, сохраниться до нашего времени во всей своей чистотѣ. Безжалостнымъ потокомъ исторіи многое смыто и безвозвратно унесено въ этомъ стильномъ и стройномъ сооруженіи. Современные анархисты уже не обра-

щаются съ проповѣдью къ капиталистамъ и правительствамъ,—они уже знаютъ, что никакіе соблазны грядущаго царства всеобщей гармоніи не заставятъ власть имущихъ добровольно выпустить изъ рукъ орудія эксплуатаціи и угнетенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ умерла вѣра въ единую человѣческую природу, какъ незыблемую опору соціалистической идеи и гарантію ея торжества въ мірѣ.

Кропоткину исторія представляется, какъ мы видѣли, въ видѣ непрерывной борьбы двухъ діаметрально противоположныхъ человѣческихъ природъ: природы насильниковъ и природы истинныхъ представителей подлиннаго народа. Первая воплощаетъ въ себѣ злое начало соціальной жизни, вторая—доброе начало. Анархизмъ, подобно большинству религіозныхъ ученій, признаетъ злое начало «насквозь ничтожнымъ»: зло внутреннее безсильно, абсолютно не способно къ созидательной работѣ,—оно лишь, какъ червь, подтачиваетъ и разрушаетъ все то, что творитъ геній добра. Доброе начало безконечно могуче и качественно и количественно: оно таитъ въ себѣ неисчерпаемый родникъ творческихъ силъ и полновластно господствуетъ въ душѣ огромнаго большинства людей. Необъяснимой загадкой представляется съ этой точки зрѣнія фактическое торжество зла въ мірѣ. Мощный гигантъ по какому-то совершенно непостижимому добродушію въ теченіе вѣковъ покорно сгибаетъ спину подъ плетью жалкаго карлика. Люди религіозные примиряются съ этимъ абсурдомъ, ссылаясь на неисповѣдимые пути Божіи и загробную жизнь, гдѣ первые будутъ послѣдними. Анархисты, лишенные и этого утѣшенія, стараются стереть противорѣчіе съ лица земли энергичнымъ натискомъ.

Вліяніе уроковъ исторіи сказалось не только въ томъ, что современные раціоналисты, вопреки своимъ предшественникамъ XVIII и начала XIX вѣка, были вынужде-

ны отказаться отъ пропаганды среди угнетателей и властителей. Измѣнился и самый характеръ пропаганды. Практика показала, что детально разработанныя картины и схемы будущаго строя далеко не имѣютъ того значенія, которое имъ склонны были приписывать первые соціалисты. Создавая небольшія замкнутыя секты фанатическихъ приверженцевъ, схемы эти очень мало вліяли на движеніе широкихъ народныхъ массъ. Съ другой стороны, выяснилось, что трудность разрѣшенія соціальнаго вопроса состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы теоретически построить зданіе будущаго общества. Существованіе различныхъ системъ, изъ которыхъ каждая по своему, но совершенно послѣдовательно разрабатывала планъ соціалистическаго строя, наглядно доказывало, что *логически* мыслимо не одно рѣшеніе задачи, а нѣсколько. Въ абстракціи возможно, не впадая въ противорѣчія, различныя производственныя организаціи представить себѣ освобожденными отъ всякой эксплуатаціи и порабощенія человѣка человѣкомъ.

Вѣра въ единоспасающую силу рецептовъ соціальнаго строя угасла. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла необходимость разсматривать всѣ исторически осуществленныя формы общежитія, какъ случайные и уродливые продукты человѣческаго заблужденія. Не только въ умственныхъ построеніяхъ теоретиковъ соціалистическій принципъ оказался совмѣстимымъ съ различными формами производства, но и въ самой жизни при внимательномъ разсмотрѣніи не трудно было отыскать такіе союзы и организаціи, отъ которыхъ возможно «отдумать» связанную съ ними въ исторіи эксплуатацію и власть. Отсюда отмѣченная нами у Кропоткина двойственная оцѣнка всякой исторически данной общественной формаціи: то, что въ данномъ соціальномъ строѣ *логически* совмѣстимо съ идеаломъ безгосударственнаго соціализма,

оказывается творческимъ продуктомъ народной массы, естественнымъ, закономѣрнымъ проявленіемъ неиспорченной природы человѣка,—все, противорѣчащее идеалу анархическаго коммунизма, есть уродливое наслоеніе, искусственно привитое обществу извращенной природой насильниковъ.

Любопытно, что по Кропоткину даже *формы* властвованія не вполнѣ произвольны и случайны:

«Мы утверждаемъ и стараемся доказать, что всякой новой экономической формѣ общежитія надлежитъ выработать свою новую форму политическихъ отношеній. Такъ было въ исторіи, и такъ будетъ, несомнѣнно, въ будущемъ: новыя формы уже намѣчаются.

«Крѣпостное право и самодержавіе, или, по крайней мѣрѣ, почти неограниченная власть короля или царя, шли въ исторіи рука объ руку. Онѣ обусловливали другъ друга. Точно также правленіе капиталистовъ выработало свой характерный политическій строй—представительное правленіе въ строго-централизованной, объединенной монархіи или республикѣ.

«Соціализму, въ какой бы формѣ онъ не проявился и въ какой бы мѣрѣ онъ не подошелъ къ коммунизму, предстоитъ также выработать свою форму политическихъ отношеній» [1])

Казалось бы, при такой точкѣ зрѣнія, уже нельзя говорить о власти, какъ о силѣ, посторонней обществу, „насѣвшей» на него извнѣ. Вѣдь если каждая данная форма властвованія опредѣляется экономической структурой общества, то, очевидно, и самый *фактъ* власти долженъ разсматриваться, какъ необходимый продуктъ извѣстнаго хозяйственнаго строя. Кропоткинъ однако какъ нельзя болѣе далекъ отъ такого взгляда. Для него

[1]) Совр. наука и анархизмъ, стр. 39.

историческая обусловленность государственной власти заключается просто въ томъ, что при недостаточномъ общемъ развитіи, при отсутствіи яснаго представленія о способахъ осуществленія анархическаго строя народъ *неизбѣжно* долженъ былъ стать жертвой коварнаго заговора насильниковъ; насильники же, въ свою очередь, лишенные всякой творческой силы. *вынуждены* были приспособлять формы своего господства къ учрежденіямъ, созданнымъ народными массами.

Такимъ образомъ, закономѣрность формъ эксплуатаціи и власти служитъ не къ возвеличенію дѣла насильниковъ, а лишь къ вящему посрамленію послѣднихъ. Насильниковъ хватаетъ только на то, чтобы класть въ карманъ награбленное и стегать подставленную имъ спину; даже способы угнетенія народа вырабатываются не ими, а самимъ же угнетеннымъ народомъ. Тѣмъ болѣе загадочнымъ становится, конечно, самый *фактъ* насилія,— но у анархиста отсюда лишь одинъ выводъ: съ тѣмъ большей энергіей надо звать народъ на борьбу съ этимъ абсурдомъ.

III.

Программа и тактика анархистовъ-коммунистовъ.

Какъ ни велики тѣ отступленія отъ классическаго утопизма, которыя подъ напоромъ опыта вынуждены были допустить анархисты, основа утопическаго міровоззрѣнія осталась у нихъ незыблемой.

Какъ для стараго утопизма, такъ и для современныхъ анархистовъ, осуществленіе соціалистическаго строя не можетъ натолкнуться ни на какія объективныя, независящія отъ воли людей препятствія. Все дѣло въ субъективномъ отношеніи къ идеалу со стороны народ-

ной массы. Соціализмъ можетъ совершенно незамѣтно и неожиданно подкрасться къ современному обществу «какъ тать въ нощи», говорилъ Овэнъ. Анархисты-коммунисты придерживаются того же взляда. Всегда и вездѣ надо призывать къ перевороту и по возможности начинать переворотъ.

«Прямая—кратчайшее разстояніе между двумя точками», читаемъ мы въ сборникѣ «Хлѣбъ и Воля». «Мы стоимъ за поднятіе краснаго революціоннаго знамени теперь же всюду, гдѣ есть на это силы. Первыя революціонныя попытки, первыя коммуны, быть можетъ, даже навѣрное будутъ подавлены. Но одна изъ коммунъ послужитъ искрой, которая зажжетъ интернаціональный революціонный пожаръ... Ошибками учатся. Не надо бояться ошибокъ, надо рѣшиться начать.... Мы высказываемся, такимъ образомъ, за бунтарство....»

Революція объективно возможна въ каждый данный моментъ. Надо только ясно знать, чего хочешь, и имѣть рѣшимость «начать». Разъ «начало» невозможно за недостаткомъ сочувствующихъ, всякая подготовка къ нему можетъ, очевидно, заключаться только въ пропагандѣ. Проповѣдь и примѣръ,—вотъ альфа и омега подготовительной работы старыхъ утопистовъ. Проповѣдь и примѣръ—альфа и омега современнаго анархизма. Содержаніе проповѣди далеко неодинаково: старые утописты, обращаясь ко всему человѣчеству безъ различія классовъ и общественныхъ положеній, звали къ мирной созидательной работѣ; анархисты, обращаясь къ угнетеннымъ и обездоленнымъ, зовутъ къ возстанію. Но и для тѣхъ и для другихъ между началомъ переворота, осуществляющаго конечную цѣль, и пропагандой конечной цѣли нѣтъ и не можетъ быть никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, никакихъ практическихъ задачъ, за которыя стоило бы бороться. «Если уже проливать кровь,

такъ было бы за что. Кровь не вода. За уступки стоитъ ли?... Наша задача—не ждать уступокъ, не добиваться уступокъ отъ нашей революціонной дѣятельности, а наоборотъ, все усиливать и усиливать интенсивность и силу революціонныхъ ударовъ... Смѣлѣе, рѣшительнѣе, безъ оглядокъ, прямо къ достиженію наивысшаго, полнѣйшаго счастья—къ анархіи» [1]).

Отсюда непримиримая вражда анархистовъ ко всякой программѣ-минимумъ. Одинъ изъ авторовъ сборника «Хлѣбъ и Воля» съ величайшимъ негодованіемъ цитируетъ слѣдующую выдержку изъ № 10 газеты «Впередъ»: «Мы отвергаемъ какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую *при настоящихъ соціально-политическихъ условіяхъ* (курсивъ нашъ. В. Б.) задачу немедленнаго осуществленія максимальной программы, т. е. немедленнаго созданія соціалистическаго строя... пролетаріатъ выступаетъ, чтобы построить буржуазную республику, и онъ построитъ ее такъ, чтобы наилегче было перестроить ее на соціалистическихъ началахъ». «Нигдѣ еще», патетически восклицаетъ авторъ, «соціалистическая мысль не доходила до такого цинизма, нигдѣ и никогда еще, кажется, не бравировала такъ соціальдемократія своими буржуазными взглядами и планами». И ему уже мерещатся соціальдемократическіе трибуналы, которые будутъ примѣнять «всю строгость революціонныхъ законовъ» къ анархистамъ, зовущимъ рабочихъ къ немедленному захвату фабрикъ и заводовъ. Всѣ эти ужасы, конечно, плодъ разстроеннаго воображенія. Не мнимыя буржуазныя симпатіи и не жажда расправляться съ анархистами по всей строгости революціонныхъ законовъ заставила «Впередъ» назвать русскую

---

[1]) «Хлѣбъ и Воля», стр. 135—136.

революцію буржуазной, а наличность «соціально-экономическихъ условій», дѣлающихъ въ данный моментъ соціальную революцію *объективно* неосуществимой въ Россіи. Но если мы на минуту забудемъ объ этихъ «объективныхъ условіяхъ», если мы допустимъ вмѣстѣ съ анархистами, что осуществленіе соціализма зависитъ исключительно отъ доброй воли и энергіи пролетаріата, то протестъ противъ лозунга «буржуазной республики» станетъ вполнѣ послѣдовательнымъ. Цитируемая нами статья сборника «Хлѣбъ и Воля» ссылается на какихъ то «апологетовъ буржуазно-демократическаго строя», которые мотивируютъ умѣренность пропагандируемыхъ ими лозунговъ тѣмъ, что рабочая масса не доросла еще до *пониманія* коммунистическаго идеала. Мы не знаемъ, кто эти «апологеты», но во всякомъ случаѣ они не сотрудники газеты «Впередъ». Среди русской соціальдемократіи давно уже оставлена мысль, будто бы ближайшія, практически осуществимыя при капитализмѣ требованія болѣе доступны *пониманію* рабочихъ, нежели соціалистическая конечная цѣль. Что полное освобожденіе отъ эксплуатаціи лучше смягченія эксплуатаціи, понятно рѣшительно каждому; столь же ясно, что освобожденіе возможно лишь съ устраненіемъ класса эксплуататоровъ и переходомъ производства въ руки самихъ рабочихъ. Въ частности, лозунгъ «буржуазная республика, какъ орудіе борьбы за соціализмъ» совершенно невозможно усвоить себѣ, не зная, что такое соціализмъ. Уже по одному этому соціальдемократическая пропаганда буржуазной республики никоимъ образомъ не можетъ имѣть въ виду *логически* необходимый этапъ въ развитіи пролетарской мысли, неподготовленной якобы къ соціализму. И если бы дѣло шло только о субъективной подготовкѣ пролетаріата къ соціализму, то анархисты были бы вполнѣ правы, утверждая, что всякая

программа-минимумъ не способствуетъ, а мѣшаетъ этой подготовкѣ.

Однако, вредоносность программы-минимумъ имѣетъ еще и другую сторону. Субъективная подготовка къ соціализму заключается не только въ отвлеченномъ пониманіи и платоническомъ сочувствіи соціалистической идеѣ, но и въ практическомъ усвоеніи тѣхъ особенностей и свойствъ характера, которыя необходимы для людей будущаго строя. Это не только просвѣтительная, но и воспитательная задача. Между тѣмъ борьба за такъ называемыя «ближайшія» цѣли, т. е. за цѣли, осуществимыя въ рамкахъ буржуазнаго общества, неизбѣжно должна принимать формы, противорѣчащія этой воспитательной задачѣ. Въ будущемъ предполагается царство свободнаго соглашенія автономныхъ индивидуумовъ,—въ текущей партійной борьбѣ необходима дисциплина; въ будущемъ самое понятіе «авторитетъ» должно исчезнуть,—въ боевыхъ организаціяхъ настоящаго «авторитарный духъ» болѣе или менѣе неизбѣженъ.

Анархисты стараются, правда, доказать, что даже для успѣха въ текущей борьбѣ рекомендуемыя ими «автономныя» формы организаціи несравненно болѣе цѣлесообразны. Въ дальнѣйшемъ мы подробнѣе остановимся на происхожденіи «авторитарнаго» духа въ соціалистическихъ организаціяхъ,—а пока замѣтимъ только, что духъ этотъ диктуется вовсе не формой организаціи, а самой сущностью, самимъ характеромъ современной соціальной борьбы. Даже наиболѣе анархическія по формѣ организаціи немедленно теряютъ свое анархическое содержаніе, разъ онѣ вступаютъ на почву практическаго дѣла; «либертэрный» духъ сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока пропаганда является исключительной задачей организаціи. И любопытно, что тотъ типъ союзовъ, ко-

торый рекомендуютъ анархисты, не представляетъ въ сущности чего-либо специфически свойственнаго анархическому движенію: этотъ типъ проходятъ рѣшительно всѣ революціонныя партіи на той начальной ступени ихъ развитія, когда онѣ, не будучи въ состояніи руководить массами въ ихъ практической борьбѣ, вынуждены ограничить свою работу просвѣтительствомъ.

Главное зло, по мнѣнію анархистовъ—«руководящіе» комитеты; идеалъ организаціи — автономные равноправные кружки, связанные между собой не организаціонно, а только идейно. Въ статьѣ «Организація или вольное соглашеніе» указывается на народничество 70-хъ годовъ, какъ на типъ движенія, близко подходящій къ этому идеалу. Всѣ тогдашніе кружки «находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ между собой, всѣ работали въ одномъ направленіи. Гдѣ бы жандармы ни дѣлали обыскъ, вездѣ они встрѣчали ту же работу и захватывали тѣ же книги и брошюры. При этомъ полнѣйшее отсутствіе централизаціи и верховодства... Играть роль Центральнаго Комитета никому не приходило въ голову... Независимость была полная, а вмѣстѣ съ нею и полное единство дѣйствій»[1]).—Народничество 70-хъ годовъ несомнѣнно раздѣляло многія анархическія идеи и тенденціи. Но только что цитированная характеристика отъ слова до слова примѣнима также къ русской соціальдемократіи 90-хъ годовъ, несмотря на то, что эта послѣдняя съ самаго зарожденія была насквозь пропитана «централистическимъ», «авторитарнымъ», «якобинскимъ» духомъ своихъ нѣмецкихъ учителей. Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія соціальдемократическая «партія» представляла чисто идейное единство. «Верховодствовать» никому не приходило въ голову, каждый кру-

[1]) «Хлѣбъ и Воля», стр. 164.

жокъ работалъ совершенно самостоятельно. Дѣло здѣсь, очевидно, не въ «якобинствѣ», а просто въ томъ, что свободное соглашеніе отдѣльныхъ кружковъ есть единственно цѣлесообразная форма организаціи до тѣхъ поръ, пока работа партіи ограничивается исключительно пропагандой. Въ зависимости отъ вкусовъ и настроеній можетъ, конечно, мѣняться терминологія: можно и въ періодъ чисто просвѣтительной работы *назвать* какое-либо учрежденіе «руководящимъ центромъ», — однако, фактически «руководство» это неизбѣжно приметъ формы чисто идейнаго вліянія на отдѣльныхъ работниковъ.

Но картина принимаетъ совершенно иной характеръ, когда задача расширяется, когда приходится не только распространять идеи, но и организовать практическія массовыя дѣйствія. Группы автономныхъ пропагандистовъ обнаруживаютъ вдругъ непостижимую жажду сковать себя дисциплиной, создается централизованная «лѣстничная» организація, торжествуетъ «якобинство», «верховодство» и прочія зловредныя лжеученія.

Итакъ, автономные идейно связанные между собой кружки представляютъ организаціонный типъ, приспособленный не къ анархической, а ко всякой вообще пропагандѣ. Спеціально анархической эта форма организаціи является лишь постольку, поскольку анархическая теорія не признаетъ до наступленія соціальной революціи никакой иной дѣятельности, кромѣ пропаганды.

Всѣ разобранные нами до сихъ поръ программные, тактическіе и организаціонные взгляды анархистовъ строго логически вытекаютъ изъ ихъ основного воззрѣнія на движущія силы исторіи вообще, соціальной революціи въ частности. Гораздо труднѣе согласовать съ анархической теоріей тотъ тактическій пріемъ, который въ глазахъ широкой публики связанъ съ анархизмомъ по преимуществу,—мы имѣемъ въ виду террористическіе акты.

Революціонный терроръ практиковался и практикуется самыми различными партіями, защищался и защищается самыми разнообразными аргументами. Въ общемъ и цѣломъ всѣ формы не анархическаго террора—поскольку послѣдній мотивируется принципіально и не является актомъ личной мести—могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: 1) устраненіе наиболѣе вліятельныхъ и рѣшительныхъ представителей даннаго режима съ цѣлью «дезорганизовать власть» и облегчить революціонной партіи побѣду надъ ней; 2) разъ терроръ уже не является рядомъ отдѣльныхъ убійствъ или «казней», организуемыхъ партіей, но принимаетъ характеръ массоваго движенія, онъ представляетъ особый видъ вооруженнаго возстанія, своеобразную партизанскую форму гражданской войны.

И тотъ и другой видъ террора не имѣетъ ничего общаго съ «анти-буржуазнымъ» терроромъ анархистовъ. Для анархистовъ, признающихъ терроръ, послѣдній является не исключительнымъ средствомъ въ исключительныхъ политическихъ условіяхъ, а совершенно нормальнымъ методомъ воздѣйствія на буржуазный строй. Поэтому прежде всего направленіе террористическихъ актовъ лишается всякой индивидуальной окраски, — объ «избіеніи тирановъ» нѣтъ и рѣчи. По анархической теоріи террористическій актъ тѣмъ выше, цѣлесообразнѣе, принципіальнѣе, чѣмъ менѣе онъ имѣетъ въ виду отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ болѣе онъ направляется противъ всего буржуазнаго общества въ цѣломъ, т. е. противъ первыхъ попавшихся случайныхъ его представителей въ какомъ-нибудь шикарномъ кафе, ресторанѣ, магазинѣ и т. п. [1]).

---

[1]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что за послѣднее время теорія принципіальнаго, анти-буржуазнаго террора встрѣчаетъ все больше и больше возраженій среди самихъ анархистовъ. Многіе изъ нихъ категорически высказываются противъ такого «немотивированнаго» террора.

При этомъ сторонники такого террора стараются въ связи съ своей общей теоріей истолковать его, какъ особый—и притомъ наиболѣе успѣшный—способъ *пропаганды* анархическихъ идей. Недаромъ они называютъ его «пропагандой дѣйствіемъ».

«Одна удачно брошенная бомба заставляетъ гораздо больше народу обратить вниманіе на анархистовъ и заинтересоваться ихъ ученіемъ, чѣмъ сотни самыхъ краснорѣчивыхъ прокламацій»,—вотъ неизмѣнный аргументъ, которымъ анархисты мотивируютъ цѣлесообразность террористическихъ актовъ. Не трудно замѣтить, насколько плохо вяжется это разсужденіе со всей анархической теоріей. Вѣдь мы все время слышимъ отъ анархистовъ, что народная масса отъ вѣка проникнута анархо-коммунистическими тенденціями, что только невѣжество, неумѣніе «привести свои требованія въ цѣльную соціальную систему» [1]) да зловредная пропаганда соціалистовъ-якобинцевъ сдерживаетъ народныя стремленія въ предѣлахъ буржуазнаго строя. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ анархистская пропаганда, дающая народу эту цѣльную систему и разоблачающая козни якобинцевъ, должна восприниматься массой, какъ манна небесная, должна подѣйствовать на душу народную, какъ искра, брошенная въ бочку сухого пороха,—и вдругъ, по увѣренію самихъ же анархистовъ, народъ оказывается настолько глухимъ, тупымъ и безчувственнымъ къ анархическимъ идеямъ, что только героическимъ средствомъ динамитныхъ взрывовъ удается привлечь къ нимъ его вниманіе. Поистинѣ самоубійственная аргументація. Невольно вспоминаются теоріи нашихъ педагоговъ старой школы, утверждавшихъ, что только энергичное сотрясеніе всѣхъ нервовъ въ формѣ своевременно данной оплеухи

[1]) «Хлѣбъ и Воля», стр. 81.

можетъ сосредоточить вниманіе ученика, по природѣ своей склоннаго къ разсѣянности. Плоха та наука, которая не усваивается безъ помощи оплеухъ!

Анти-буржуазный терроръ связанъ съ анархическимъ ученіемъ не логически, а только *психологически.* Капиталистическое общество съ его кричащими противоположностями нищеты и роскоши, голоднаго труда и празднаго обжорства, неизбѣжно создаетъ кадры безконечно озлобленныхъ людей, не способныхъ вести планомѣрную, выдержанную борьбу,—людей, у которыхъ вся кровь закипаетъ и руки сами хватаются за оружіе при видѣ всякаго сытаго и выхоленнаго буржуа. Анархисты естественно видятъ въ этихъ «непримиримыхъ» высшихъ представителей угнетенныхъ классовъ, желанный прототипъ того бунтаря, какимъ не нынче, завтра станетъ весь народъ, поднявшій знамя соціальной революціи. Оттолкнуть отъ себя такіе элементы анархисты не могутъ; но что же они въ состояніи предложить имъ, разъ въ данный моментъ не только соціальная революція, но и предвѣстники ея, «бунты», практически неосуществимы, и, слѣдовательно, по анархической теоріи остается только заниматься пропагандой? Рекомендовать идейное просвѣтительство массъ человѣку, въ душѣ котораго не осталось мѣста ничему, кромѣ жгучей, клокочущей ненависти! Это похоже на насмѣшку. Конечно, не чтеніе анархическихъ лекцій или распространеніе анархическихъ брошюръ, а только бомба, кинжалъ или револьверъ способны дать надлежащій исходъ его чувству. И анархистамъ приходится всѣми правдами и неправдами санкціонировать бомбу, чисто словесно согласуя ее, какъ «пропаганду дѣломъ», со своей общей точкой зрѣнія.

Надо впрочемъ замѣтить, что нѣкоторые теоретики анархизма не идутъ на этотъ компромиссъ; Э. Реклю,

напр., лишь психологически *оправдываетъ* отдѣльные террористическіе акты, но отнюдь не выступаетъ принципіальнымъ сторонникомъ «пропаганды дѣломъ».

IV.

Какъ надо дѣлать революцію?

Выше мы видѣли, что по анархистской теоріи соціальная революція объективно возможна не только въ каждый моментъ капиталистическаго развитія, но была возможна и раньше, напримѣръ, въ средніе вѣка. Мало того, въ средніе вѣка, когда сравнительно небольшія группы людей составляли самодовлѣющія экономическія организаціи, уничтоженіе всякой власти и угнетенія было даже легче, чѣмъ въ эпоху капитализма съ его колоссальнымъ раздѣленіемъ труда и гигантскими централизованными предпріятіями. Въ средніе вѣка достаточно было спихнуть съ себя власть, оставивъ безъ перемѣны общій характеръ производства. Теперь необходимо сверху до низу перестроить весь механизмъ общественнаго хозяйства, уничтожить ту хозяйственную централизацію, которая, по мнѣнію анархистовъ, искусственно создана капитализмомъ, и совершенно несовмѣстима съ либертэрнымъ строемъ; свободный союзъ небольшихъ, экономически самостоятельныхъ коммунъ долженъ стать на мѣсто современнаго національнаго, и даже интернаціональнаго производства, покоящагося на широкомъ общественномъ раздѣленіи труда. Итакъ, поскольку имѣются въ виду объективныя условія, капиталистическое развитіе не только не приближаетъ соціализма, но напротивъ затрудняетъ соціальную революцію, создавая для нея такія препятствія, которыхъ не зналъ докапиталистическій міръ. И если въ докапиталистическія времена всѣ революціи заканчивались лишь перемѣною формъ власти,

и никогда народу не удавалось уничтожить власть совершенно, то тѣмъ больше шансовъ, что въ настоящее время, при усложнившихся задачахъ соціальнаго переворота, «якобинцы» сумѣютъ обойти народъ и навяжутъ ему во время грядущей революціи казарменный гнетъ государственности на мѣсто свободнаго анархическаго коммунизма.

Какъ же избѣжать этого? *Какъ надо дѣлать истинную революцію?*—вотъ вопросъ, занимающій нѣкоторыхъ изъ современныхъ анархистовъ почти въ такой же степени, въ какой старыхъ утопистовъ интересовалъ вопросъ о разработкѣ детальнаго плана соціалистическаго общества. Кропоткинъ посвятилъ ему одну изъ главныхъ своихъ работъ: «Завоеваніе хлѣба».

Кропоткинъ предполагаетъ, что коммунистическое возстаніе побѣдило на первый разъ въ какомъ-нибудь крупномъ промышленномъ центрѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Послѣдуемъ и мы за нашимъ авторомъ. Итакъ, въ Парижѣ и прилегающихъ къ нему департаментахъ «Сены» и «Сены и Уазы» провозглашена коммуна,—въ остальномъ мірѣ пока еще царствуетъ капиталистическій строй. Что должны дѣлать повстанцы, чтобы упрочить свое положеніе? Вожди политическихъ партій, разныхъ оттѣнковъ радикалы, соціальдемократы попытаются, конечно, образовать новое правительство. Они соберутся гдѣ-нибудь въ ратушѣ, опоясанные красными шарфами, и составятъ изъ себя «комитетъ» или «совѣтъ», претендующій на руководство народнымъ движеніемъ. Однако, по увѣреніямъ Кропоткина, изъ такихъ попытокъ ничего путнаго не выйдетъ, кромѣ нѣсколькихъ широковѣщательныхъ прокламацій, которымъ суждено остаться пустыми фразами. Народъ не пойдетъ за «якобинцами»,—онъ пойметъ, что ближайшая и насущная задача революціи вовсе не въ новыхъ формахъ правленія, которыя никому не нужны, а въ матерьяль-

номъ обезпеченіи коммуны,—въ томъ, чтобы накормить, одѣть и пріютить борцовъ за освобожденіе человѣчества. Встаетъ, такимъ образомъ, необходимость возможно справедливѣе и экономнѣе использовать въ общихъ интересахъ наличный запасъ пищевыхъ продуктовъ, носильнаго платья и жилыхъ помѣщеній.

Революція начинается съ экспропріаціи не орудій труда, а средствъ потребленія; коммунизмъ потребленія есть, по Кропоткину, первый шагъ, ведущій къ разрушенію буржуазнаго строя; коммунистическія организаціи производства возникнутъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе этого перваго шага.

Но вотъ бѣда, вѣдь и тутъ, на почвѣ распредѣленія могутъ сложиться извѣстныя формы власти. Какъ же избѣжать этой опасности? Какую организацію надо придать распредѣленію, чтобы и справедливость была соблюдена, и «авторитарнымъ» руководителямъ не оказалось мѣста?

Прежде всего должно быть разъ навсегда покончено съ системой вознагражденія за трудъ. Сторонниками этой системы «наемнаго труда» являются «коллективисты», т. е. въ первую голову соціальдемократы, которые хотятъ и въ будущемъ обществѣ распредѣлять продукты пропорціонально количеству труда, потраченнаго каждымъ на производство. «Коллективизмъ, какъ извѣстно, вноситъ въ этотъ (т. е. капиталистическій) строй значительныя измѣненія, но сохраняетъ тѣмъ не мѣнѣе наемный трудъ. Только государство, т. е. представительное правительство, національное или коммунальное, становится на мѣсто хозяина. Представители націи или коммуны и ихъ делегаты,—ихъ чиновники,—становятся управляющими промышленностью. Они также оставляютъ за собой право употреблять въ интересахъ всѣхъ прибавочную цѣнность, получаемую изъ производства» [1])

---

[1]) «Завоеваніе хлѣба», стр. 52.

Въ противовѣсъ этимъ вожделѣніямъ коллективистовъ грядущая революція выдвинетъ «коммунизмъ», какъ полное отрицаніе наемнаго труда. Кропоткинъ настойчиво критикуетъ вознагражденіе, пропорціональное труду, съ точки зрѣнія его несправедливости. Пусть даже рабочій получитъ вознагражденіе, равное полному продукту его труда. Но развѣ изготовленный имъ предметъ потребленія въ дѣйствительности созданъ только его трудомъ? Кропоткинъ находитъ, что благодаря раздѣленію труда, благодаря сложной зависимости между дѣятельностью каждаго отдѣльнаго человѣка и дѣятельностью всѣхъ остальныхъ членовъ общества, любой предметъ потребленія долженъ разсматриваться не какъ продуктъ труда того работника, который его непосредственно произвелъ, а какъ результатъ коллективной работы всего общества. Отсюда уже ясна несправедливость вознагражденія, пропорціональнаго труду. Въ противовѣсъ «двусмысленному» лозунгу коллективистовъ Кропоткинъ выдвигаетъ лозунгъ: «довольство для всѣхъ», «каждому по его потребностямъ»[1]). Всѣ произведенные обществомъ предметы потребленія являются, согласно этому требованію, коллективнымъ фондомъ, изъ котораго каждый черпаетъ, что ему надо.

Но къ сожалѣнію потребительный фондъ, поскольку онъ создается человѣческимъ трудомъ, — а что, кромѣ воздуха и текучей воды, не создается трудомъ? — ограниченъ, и ограниченъ именно тѣмъ количествомъ труда, которое общество согласно затратить на каждый данный предметъ потребленія. Какъ же быть, если даннаго про-

---

[1]) Лозунгъ этотъ впервые былъ выставленъ Бабефомъ. Марксъ отнюдь не относился къ нему отрицательно,—онъ находилъ только, что распредѣленіе пропорціональное труду въ соціалистической организаціи, выросшей изъ капитализма, явится неизбѣжной переходной формой къ чисто коммунистическому принципу: «отъ каждаго по потребностямъ,—каждому по способностямъ». См. «Критику Готской программы».

дукта не хватитъ для полнаго удовлетворенія всѣхъ предъявленныхъ на него претензій? Волею или неволею приходится, очевидно, дѣлить его на основаніи какого-либо общаго правила. Этимъ правиломъ долженъ быть, по мнѣнію Кропоткина, раздѣлъ поровну, одинаковыми порціями.

«Каждому по потребностямъ, если продуктъ имѣется въ изобиліи; дѣлежъ по порціямъ, разъ количество продукта ограничено»,—таковъ девизъ, противопоставляемый Кропоткинымъ несправедливому и ложному принципу вознагражденія за трудъ. Легко замѣтить однако, что съ точки зрѣнія справедливости этотъ анархическій девизъ врядъ ли имѣетъ серьезныя преимущества по сравненію съ коллективистской «системой наемнаго труда». Въ самомъ дѣлѣ, фактически потребности людей далеко не одинаковы количественно и уже во всякомъ случаѣ не однородны качественно; поэтому при равной дѣлежкѣ одни неизбѣжно будутъ чувствовать себя болѣе удовлетворенными, другіе менѣе или вовсе не удовлетворенными.

Но вопросъ имѣетъ и другую, съ анархической точки зрѣнія еще болѣе важную сторону. Вознагражденіе, пропорціональное количеству затраченной работы, предполагаетъ точную статистику труда и потребленія. Необходима, слѣдовательно, довольно сложная организація. Но какъ только дѣло заходитъ о сколько-нибудь сложной организаціи, анархисты — эти фанатическіе поклонники творческаго генія народа—тотчасъ же начинаютъ сомнѣваться въ способностяхъ послѣдняго. Сумѣетъ ли народъ самостоятельно, на либертэрныхъ началахъ завѣдывать такой организаціей. А вдругъ лица, которыя станутъ во главѣ ея, пользуясь ограниченностью разума массъ, образуютъ изъ себя своего рода «правительство»? Дѣло народнаго потребленія сосредоточится тогда въ ихъ рукахъ, а самъ народъ по прежнему окажется пассивнымъ матерьяломъ административныхъ мѣропріятій. — Ничего по-

добнаго немыслимо при господствѣ принципа: «каждому по потребностямъ». Такъ какъ только самъ индивидуумъ въ состояніи опредѣлить мѣру своихъ потребностей, то, очевидно, при такой системѣ распредѣленія никакой регулирующей власти не остается мѣста,—тутъ ужъ, что называется, комаръ носу не подточитъ, и никакія ухищренія «коллективистовъ» и прочихъ злоумышленниковъ не смогутъ нарушить свободы и самоопредѣленія отдѣльной личности.—Дѣлежка по порціямъ допускается, какъ неизбѣжное зло, при невозможности брать каждому сколько угодно. Раздѣлъ на равныя части данной «кучи продуктовъ»—операція настолько простая, что даже анархисты считаютъ ее доступной для «творческаго генія» массъ, а потому въ этомъ случаѣ перспектива выдѣленія группы «авторитарныхъ» руководителей представляется имъ не столь угрожающей.

Однако безъ самыхъ тщательныхъ мѣръ предосторожности не обходится дѣло и здѣсь. Вѣдь намъ предстоитъ распредѣлять продукты въ такомъ колоссальномъ городѣ, какъ Парижъ, гдѣ запасы предметовъ потребленія исчисляются десятками и сотнями милліоновъ кило. Даже составленіе простой описи ихъ требуетъ сложной организаціи. «Якобинцы» не особенно пугаютъ Кропоткина, пока они сидятъ въ ратушѣ и препираются между собой насчетъ будущей конституціи. Но вдругъ они окажутся настолько коварными, что примкнутъ къ практическому народному дѣлу революціоннаго переустройства, вдругъ они образуютъ какой-нибудь «комитетъ» для производства описи подлежащихъ раздѣлу продуктовъ. Конечно, статистическое бюро еще не правительство, а статистикъ не генералъ-губернаторъ, но... но только человѣкъ, не извѣдавшій всей глубины черныхъ замысловъ, гнѣздящихся въ душѣ якобинца, можетъ безъ содроганія видѣть его даже въ скромной роли статистика. Анархистъ знаетъ,

что «государственнику» стоитъ протянуть только кончикъ пальца, чтобы онъ завладѣлъ всей рукой. И Кропоткинъ настоятельно предостерегаетъ поэтому отъ всякаго рода центральныхъ комитетовъ и комиссій. Только самостоятельно возникшія, ни изъ какого центра не руководимыя группы гражданъ и гражданокъ смогутъ цѣлесообразно выполнить задачу переписи наличныхъ матерьяльныхъ средствъ возставшей коммуны. Имъ придется, конечно, обмѣниваться результатами своей работы, необходимо будетъ сдѣлать общую сводку. Но если ради послѣдней цѣли и возникнетъ какой-либо центръ, то поскольку онъ будетъ созданъ не якобинцами, а самимъ народомъ, онъ явится лишь центромъ сношеній, а отнюдь не руководящимъ комитетомъ.—Здѣсь проявляется черта, характерная для всякаго вообще соціальнаго утопизма: возможность насилія или угнетенія связывается не съ функціями, которыя выполняетъ данная общественная организація и даже не съ формой этой послѣдней, а исключительно съ индивидуальными особенностями входящихъ въ нее лицъ. Хотя данная форма союза и допускаетъ образованіе «власти», но все можетъ обойтись благополучно, если устранить отъ дѣла политикановъ и якобинцевъ и построить союзъ руками подлиннаго неиспорченнаго народа. — Совершенно такъ же разсуждаютъ, напримѣръ, утописты благожелательнаго народу самодержавія: вы требуете реформъ, вы ссылаетесь на насилія и «злоупотребленія» властей? Но, помилуйте, причемъ же тутъ реформы? Дѣло не въ измѣненіи формъ государственной организаціи, а въ лицахъ. Прогонимъ негодяевъ, назначимъ на ихъ мѣсто добродѣтельныхъ, преданныхъ своему долгу чиновниковъ,—и все пойдетъ прекрасно.

Организовавъ на справедливыхъ и безгосударственныхъ началахъ распредѣленіе, возставшая коммуна должна подумать и о преобразованіи производства. «Кол-

лективисты» увѣряютъ рабочихъ, что послѣ соціалистической революціи общій характеръ производства останется неизмѣннымъ, — рабочіе вернутся на покинутыя ими временно фабрики, для того чтобы производить тѣ же продукты, какъ и раньше. Кропоткинъ съ этимъ не согласенъ. Соціалистическая революція означаетъ полную реорганизацію всего промышленно-техническаго строя. Возстаніе вызоветъ разрывъ промышленныхъ связей не только между отдѣльными государствами, но и между отдѣльными городами. Не забудемъ, что, по предположенію Кропоткина, новый строй на первыхъ порахъ провозглашается въ изолированномъ отъ всего остального міра промышленномъ центрѣ съ прилегающими къ нему окрестностями. Такой центръ зачастую изготовляетъ какой-нибудь одинъ родъ продуктовъ, весьма мало потребляемыхъ или даже вовсе не потребляемыхъ его собственными обитателями. Такъ напримѣръ, Парижъ живетъ почти исключительно на средства, получаемыя отъ продажи тѣхъ предметовъ роскоши, которые онъ готовитъ для богачей всего міра. Отрѣзанный съ наступленіемъ революціи отъ своихъ покупщиковъ, онъ будетъ вынужденъ прежде всего подумать о прокормленіи себя своими собственными усиліями. Какъ этого достигнуть? Очень просто. По расчету Кропоткина, земли для производства хлѣба потребуется очень немного.

Примѣняя наиболѣе интенсивные методы хозяйства, выращивая кое-какіе продукты подъ стекломъ, департаменты Сены и Сены и Уазы въ состояніи прокормить все живущее на ихъ маленькой территоріи населеніе, включая сюда и обитателей Парижа. Всѣ руки, свободныя отъ земледѣльческихъ работъ, вернутся къ обрабатывающей промышленности, но, конечно, не для того, чтобы по прежнему работать на тунеядцевъ всего міра, а для того, чтобы снабжать своихъ товарищей-земледѣльцевъ

орудіями и создавать другіе продукты, необходимые для членовъ самой коммуны.

Весь этотъ колоссальный переворотъ долженъ совершиться съ чрезвычайной быстротой, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ теченіе тѣхъ немногихъ недѣль, которыя возставшій Парижъ въ состояніи прожить на счетъ имѣющихся у него запасовъ, уже поспѣла новая жатва на коммунальныхъ поляхъ.

Успѣхъ первой соціалистической коммуны зажжетъ пламя возстанія по всему земному шару, и черезъ короткій промежутокъ времени весь цивилизованный міръ станетъ ареной торжества безгосударственнаго коммунизма.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ соціальнаго переустройства, развитый Кропоткинымъ. — Само собою разумѣется, «якобинцы» должны быть устранены отъ участія въ реорганизаціи производства съ такою же тщательностью, съ какою они устранялись отъ революціонной организаціи распредѣленія. Иначе все дѣло можетъ погибнуть: революція закончится полной неудачей, или, въ лучшемъ случаѣ, приведетъ къ новой формѣ государственнаго гнета.

V.

Истинно-русскій анархизмъ.

«Якобинцы» являются постояннымъ кошмаромъ анархистовъ,—и кошмаръ этотъ тѣмъ безнадежнѣе тяготѣетъ надъ теоріей и практикой анархизма, чѣмъ таинственнѣе порождающія его причины. Между тѣмъ причины эти совершенно не поддаются раціональному уясненію. Загадочно происхожденіе якобинцевъ, еще болѣе загадоченъ источникъ ихъ успѣха, ихъ власти, неизмѣнно торжествующей надъ враждебными ей тенденціями народныхъ массъ.

Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ пытается пролить

своеобразное анархическое теченіе, возникшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нѣдрахъ нашего отечества и пропагандируемое въ настоящее время группой такъ называемаго «рабочаго заговора» [1]).

По этой теоріи источникъ эксплуатаціи и угнетенія, источникъ всякой власти и господства — цивилизація, знанія, являвшіяся во всѣ времена привилегіей немногихъ. «Пока знанія не сдѣлаются владѣніемъ всѣхъ людей, пока всѣ люди не станутъ одинаково образованными, пока существуютъ ограбленныя массы, знающія одинъ ручной трудъ, до тѣхъ поръ существуютъ господа и слуги, господа и рабы, до тѣхъ поръ существуетъ государство, и до того времени только пустые болтуны могутъ обѣщать уничтоженіе государства» [2]). Господствующій классъ современнаго общества—не буржуазія въ узкомъ смыслѣ этого слова, не капиталисты, владѣющіе орудіями труда, а образованное общество вообще и прежде всего «профессіональная интеллигенція». Всѣ соціалистическія теоріи — какъ соціальдемократическія, такъ и анархическія—выдуманы интеллигенціей только для того, чтобы примирить со своимъ господствомъ пролетаріатъ. Проповѣдуя неизбѣжное торжество соціализма въ будущемъ, интеллигенты въ настоящемъ удерживаютъ пролетаріатъ отъ немедленнаго всеобщаго бунта. «Соціализмъ есть проповѣдь о счастьѣ, о справедливой жизни, о всеобщемъ равенствѣ будущихъ человѣческихъ поколѣній, которая увѣровавшихъ въ нее заставляетъ расширять и укрѣплять вѣковой грабежъ для скорѣйшаго

[1]) Мнѣ извѣстны только два литературныхъ произведенія, отстаивающихъ эту точку зрѣнія: во-первыхъ, «Умственный рабочій» А. Вольскаго, работа по преимуществу критическая съ не вполнѣ еще установившимися собственными взглядами, — во-вторыхъ, «Буржуазная революція и рабочее дѣло», гдѣ философія «рабочаго заговора» является уже вполнѣ завершенной.

[2]) Эта цитата, какъ и всѣ дальнѣйшія, взята изъ брошюры «Буржуазная революція и рабочее дѣло».

якобы достиженія этого будущаго счастья... Соціализмъ есть проповѣдь, подобная той, какую дарили рабамъ всѣ религіи. Соціализмъ есть религія для рабовъ буржуазнаго строя».

Впрочемъ, нѣсколькими страницами ниже интерпретація соціализма, какъ религіи, созданной для одураченія рабочихъ, оказывается уже забытой, утверждается нѣчто діаметрально противоположное, и, конечно, съ тѣмъ же напряженіемъ обличительнаго паѳоса. Интеллигенція, «эта армія бѣлоручекъ, пользуется бунтами рабочихъ, чтобы выторговать себѣ у богачей все большіе и большіе доходы и *въ случаѣ упраздненія класса капиталистовъ, о чемъ мечтаютъ соціалисты,* занять мѣсто частныхъ предпринимателей, командовать рабочими самолично и владѣть всѣми богатствами міра безраздѣльно». Какъ оказывается, соціализмъ выдуманъ не для одураченія рабочихъ, о немъ серьезно мечтаютъ сами соціалисты,— но, конечно, это только увеличиваетъ вину послѣднихъ въ глазахъ строгаго автора. Интеллигентамъ мало того «господства», какимъ они пользуются въ современномъ обществѣ, въ качествѣ высоко оплачиваемыхъ «умственныхъ рабочихъ», они хотятъ всѣ корни и нити сосредоточить въ своихъ рукахъ, стать на мѣсто королей и капиталистовъ.

Стоитъ ли церемониться съ такими людьми!? И авторъ дѣйствительно не церемонится. Анархистская литература вообще не грѣшитъ чрезмѣрной объективностью въ изложеніи взглядовъ соціалистовъ-«государственниковъ»,—но такія искаженія, какими переполнена разбираемая брошюра, не часто удается встрѣтить даже у анархистскихъ писателей. На стр. 43 оказывается, напр., что «по ученію соціальдемократовъ накормить въ настоящее время всѣхъ голодныхъ, *по недостатку промышленнаго развитія,* не въ состояніи никакая человѣческая сила» (курсивъ нашъ. В. Б.).—Всякому, даже не учившемуся

въ семинаріи, извѣстно, что «по ученію соціальдемократовъ» дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ.—Далѣе мы узнаемъ, что русскіе соціальдемократы допускаютъ экономическую борьбу пролетаріата лишь какъ средство втянуть пролетаріатъ въ политическую борьбу за освобожденіе всего буржуазнаго общества. Это писалось въ ноябрѣ 1905 г., въ томъ самомъ мѣсяцѣ, когда соціальдемократы самымъ энергичнымъ образомъ поддерживали экономическую борьбу рабочихъ, несомнѣнно разлагавшую единодушіе освобождающагося буржуазнаго общества.

Не менѣе строгъ и справедливъ нашъ авторъ по отношенію къ современнымъ соціалистамъ-революціонерамъ, анархистамъ и всѣмъ другимъ «интеллигентскимъ» теченіямъ. Онъ не щадитъ даже покойниковъ. Такъ, по его мнѣнію, бунтари 70-хъ годовъ рѣшались говорить крестьянину: «бей во всю, отымай имущество у всѣхъ господъ», лишь потому, что «заранѣе было рѣшено» (кѣмъ?) отымать только землю, а переходъ въ общую собственность земли не уничтожаетъ еще эксплуатаціи и рабства.—Всякому опять-таки извѣстно, что это совершеннѣйшіе пустяки: старые «бунгари» звали народъ къ такому же полному и всеобщему поравненію, какъ и сторонники рабочаго заговора, и были проникнуты не меньшею ненавистью къ буржуазной привилегированной интеллигенціи.

Впрочемъ, нашему автору нельзя не простить нѣкотораго расхожденія съ истиной при характеристикѣ противниковъ,—подпочвой этого расхожденія является не сознательно-клеветническій умыселъ, а глубоко идеалистическое настроеніе, невольно окрашивающее міръ въ цвѣта, не совсѣмъ согласные съ дѣйствительностью.

Передъ нами любопытный образчикъ нашего исконнаго, истинно-національнаго, въ былое время чрезвычайно

распространеннаго на Руси типа «кающагося интеллигента». Отрясти интеллигентскій прахъ отъ ногъ своихъ, проклясть освободительныя «буржуазныя» мечты и спѣшить на помощь народу, чуждому политики, жаждущему прежде всего хлѣба—таковъ былъ лейтъ-мотивъ стараго народничества. И въ то время для этого настроенія дѣйствительно имѣлась почва. «Народъ» дѣйствительно былъ чуждъ политики, «слиться» съ народомъ не представлялось возможности иначе, какъ отрясши прахъ освободительныхъ мечтаній... Да и самый процессъ сліянія, несмотря на всѣ свои трудности, не требовалъ слишкомъ непосильныхъ жертвъ: какъ ни отталкивала городского интеллигента тупая неподвижность крестьянскаго міровоззрѣнія, все же въ этомъ послѣднемъ можно было открыть нѣкоторую патріархальную гармонію, своеобразную «поэзію земледѣльческаго труда».

Нашимъ авторомъ покаянное настроеніе овладѣло въ эпоху, когда отъ былого патріархальнаго консерватизма народныхъ массъ почти не осталось слѣда, когда народъ дружными толпами двинулся подъ знаменами политической свободы, когда только въ черносотенныхъ погромахъ можно усмотрѣть кое-что родственное „народному духу“ добраго стараго времени. И дѣйствительно, для автора черносотенные погромы представляютъ единственное свѣтлое пятно на мрачномъ фонѣ политическихъ всеобщихъ забастовокъ, соціалистическихъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и прочихъ зловѣщихъ симптомовъ, доказывающихъ, что народныя массы крѣпко запутались въ сѣти обманщицы-интеллигенціи. «Чѣмъ больше росла буржуазная революція... тѣмъ реальнѣе ощущали голодныя массы, что «общенародное освобожденіе» ихъ совершенно не касается, тѣмъ больше росла у нихъ злоба къ этой революціи. Такимъ образомъ, политическая революція неизбѣжно должна была готовить противъ себя

черныя сотни изъ голодныхъ русскихъ массъ. Буржуазная революція ничего не могла дать этимъ людямъ; въ черныхъ сотняхъ имъ хоть предоставляютъ иногда богатые инородческіе магазины» [1]).

Какой чудовищной кастраціи долженъ былъ подвергнуть себя этотъ типичный представитель русскаго революціоннаго подполья, для того чтобы «черная сотня» явилась для него единственной отрадой въ атмосферѣ мощнаго подъема революціи! Можно ли претендовать на такого человѣка, если онъ нѣсколько преувеличиваетъ трагическій героизмъ своего положенія, старается увѣрить себя, что онъ первый такъ рѣшительно порвалъ съ традиціями своего привилегированнаго класса, что всѣ бывшіе до него соціалисты, анархисты, бунтари оставались въ душѣ буржуазными «интеллигентами» и только надували народъ въ интересахъ своей соціальной группы?

Соціалистическая интеллигенція тѣмъ скорѣе можетъ простить бѣдному автору «Буржуазной революціи и рабочаго дѣла» его критическія увлеченія, что выводы, къ которымъ онъ приходитъ, далеко не такъ ужасны, какъ можно бы было думать, судя по посылкамъ. Всѣ разговоры о томъ, что рабочіе сумѣютъ когда-нибудь захватить въ свои руки организацію производства и стать господами положенія—нелѣпая болтовня, химера. Пока рабочіе несутъ ярмо ручного труда, имъ некогда пріобрѣсти знанія, необходимыя для управленія производствомъ, а безъ этихъ знаній нельзя стать господиномъ положенія. Рабочіе должны бороться «за достиженіе наивысшей платы за ручной трудъ». Необходимъ всемірный заговоръ, всемірная рабочая стачка - возстаніе, чтобы добиться этой цѣли. «Всеобщая экономическая стачка привлечетъ всѣхъ

[1]) *Бурж. рев. и раб. дѣло*, стр. 50.

безработныхъ, вмѣстѣ съ которыми потребуетъ немедленнаго обезпеченія отъ безработицы, обезпеченія безработнымъ такого же заработка, котораго требуютъ бастующіе занятые рабочіе. Уничтоженіе безработицы означаетъ рѣшительную побѣду рабочей революціи. Нѣтъ тогда силы у господъ удержать рабочихъ на рабскомъ пайкѣ. Борьба можетъ остановиться лишь послѣ экспропріаціи всего господскаго общества, по уничтоженіи всѣхъ господскихъ доходовъ... Одинаковый доходъ дастъ возможность всякому рождающемуся существу получить равное образованіе... Тогда общество перестанетъ воспитывать однихъ господъ, другихъ рабовъ, тогда наростаетъ поколѣніе равныхъ людей». Итакъ, дѣло идетъ вовсе не о поголовномъ истребленіи интеллигенціи, а лишь о томъ, чтобы бурнымъ натискомъ рабочей революціи заставить ее устранить безработицу и неравенство доходовъ. При этомъ рабочіе получаютъ возможность доставить своимъ дѣтямъ ту науку, которую теперь въ теченіе долгихъ лѣтъ изучаютъ сынки буржуазіи въ гимназіяхъ и университетахъ: привилегія знанія—источникъ всяческой эксплуатаціи—исчезнетъ навсегда.—Уничтоженіе безработицы, планомѣрное регулированіе доходовъ предполагаетъ, конечно, планомѣрную организацію производства въ интересахъ общества, т. е. соціализмъ. Итакъ, рабочіе не въ состояніи сами осуществить соціализмъ, но они въ каждый данный моментъ могутъ заставить господствующій классъ ввести его. Le socialisme est mort, vive le socialisme!

И надо сказать, для соціалистической «интеллигенціи» перспектива этой «рабочей революціи» не только не представляетъ чего-либо ужаснаго, какъ, повидимому, думаетъ авторъ, но, наоборотъ, даже весьма заманчива. Вѣдь ни для кого не тайна, что 90 процентовъ интеллигенціи, дѣйствующей въ соціалистическомъ движеніи, напр., у насъ въ Россіи, получаютъ «доходы», не пре-

вышающіе заработной платы квалифицированныхъ рабочихъ ручного труда. А такъ какъ, по увѣреніямъ автора, послѣ всеобщаго поравненія заработная плата поднимется настолько, что каждый рабочій будетъ въ состояніи воспитывать всѣхъ своихъ дѣтей въ гимназіяхъ и университетахъ, то, очевидно, отъ такого поравненія соціалистическая интеллигенція отнюдь не останется въ накладѣ. Кромѣ того, безработица будетъ уничтожена. Допуская даже, что по особому ходатайству нашего строгаго автора мѣра эта не распространится на безработныхъ интеллигентовъ, мы все же получимъ въ области интеллигентнаго труда значительный избытокъ спроса надъ предложеніемъ уже въ силу одной необходимости немедленно приступить къ систематическому всеобщему обученію. Такимъ образомъ, если бы современная соціалистическая интеллигенція дѣйствительно была «господствующимъ» классомъ, если бы она выполняла и способна была выполнять организаторскія функціи въ системѣ общественнаго хозяйства, то, чего добраго, въ случаѣ успѣха «рабочаго заговора», дѣло могло бы уладиться къ обоюдному удовольствію интеллигенціи и пролетаріата ручного труда. Но къ сожалѣнію, соціалистическая интеллигенція только въ воображеніи нашего автора «господствуетъ» надъ производствомъ; въ дѣйствительности она состоитъ изъ представителей хотя и умственнаго, но отнюдь не организаторскаго труда: въ Россіи, напр., это по большей части люди, перебивающіеся уроками, статистикой, случайными литературными работами и т. п. То «образованное общество», которое дѣйствительно занимаетъ «господствующее» положеніе, въ качествѣ собственниковъ или наемныхъ организаторовъ производства— капиталисты, директора, управляющіе, банкиры, высшіе инженеры, администраторы,— это «образованное общество», увы, очень далеко отъ соціализма. И нѣтъ такой силы, которая бы

чисто внѣшнимъ, механическимъ давленіемъ заставила группу современныхъ организаторовъ перестроить производство по соціалистическому плану.

Между тѣмъ, именно такой внѣшней, механической силой долженъ явиться пролетаріатъ, по теоріи «рабочаго заговора». Теорія эта, какъ мы видѣли, исходитъ изъ того положенія, что въ рамкахъ капитализма для рабочаго класса объективно недостижимы тѣ «знанія» и способности, которыя позволили бы рабочимъ сыграть активно-созидательную роль въ соціальномъ переворотѣ. Рабочіе могутъ, согласно нашему автору, только «требовать», «диктовать», но они не въ состояніи взять дѣло обновленія въ свои собственныя руки, они не въ состояніи не только самостоятельно перестроить производство, но даже контролировать ту организацію производства и распредѣленія, которую подъ ихъ могучимъ внѣшнимъ напоромъ должны будутъ создать теперешніе организаторы. Слѣдовательно, эти послѣдніе будутъ имѣть полную возможность такъ построить и такъ вести новый хозяйственный строй, чтобы онъ функціонировалъ хуже стараго и поскорѣе завершился всеобщимъ промышленнымъ крахомъ. А что они используютъ эту возможность, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: вѣдь ихъ кровный, насущный интересъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы наглядно, на опытѣ убѣдить рабочихъ въ нелѣпости всякихъ соціалистическихъ мечтаній, въ нежизнеспособности всякихъ соціалистическихъ организацій, въ преимуществахъ добраго, стараго капитализма. Такой опытъ въ малыхъ размѣрахъ былъ уже, какъ извѣстно, сдѣланъ во время французской революціи 48-го года. Рабочіе, игравшіе крупную роль въ февральскомъ движеніи, представляли внушительную силу, съ которой нельзя было не считаться. Они еще не могли мечтать объ осуществленіи соціализма собственными руками, но

уже достаточно ясно понимали свое классовое положеніе, для того чтобы предъявить буржуазіи рядъ соціалистическихъ «требованій». Въ результатѣ были созданы національныя мастерскія, при помощи которыхъ буржуазія на дѣлѣ демонстрировала негодность соціализма. Ничего другого, кромѣ повторенія въ колоссальныхъ размѣрахъ эксперимента съ національными мастерскими, не вышло бы и изъ всемірной забастовки «рабовъ» капитализма, если даже допустить, что фантастическій планъ международнаго рабочаго заговора можетъ удаться. Извѣстный девизъ: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», имѣетъ не только тотъ смыслъ, что рабочіе должны сами *бороться* за соціализмъ, онъ означаетъ также, что рабочіе должны сами *осуществить* соціализмъ. «Рабы» — поскольку они остаются только рабами—не въ состояніи заставить «господъ» устранить соціальныя предпосылки всякаго господства,—въ лучшемъ случаѣ, они могутъ добиться лишь нѣкотораго облегченія своей рабьей участи. Полное освобожденіе, уничтоженіе всякой возможности господства предполагаетъ, что рабы уже въ періодъ своего рабства выработали въ себѣ способности, необходимыя для того, чтобы стать господами. И если справедливо мнѣніе нашего автора, что рабочіе только послѣ соціалистической революціи въ состояніи пріобрѣсти «знанія», позволяющія имъ стать сознательными и самостоятельными участниками общественнаго производства, то отсюда вытекаетъ лишь, что освободительная пролетарская революція вообще невозможна. Это значитъ лишь, что гнетъ капитализма будетъ вѣчно тяготѣть надъ рабочими массами, сопровождаясь время отъ времени бунтами, которые, смотря по обстоятельствамъ, то нѣсколько ухудшаютъ, то нѣсколько улучшаютъ положеніе капиталистическихъ рабовъ, но никогда не въ состояніи освободить ихъ.

Выводъ этотъ настолько очевиденъ, что бунтарская метафизика «рабочаго заговора» гораздо скорѣе, чѣмъ всякое другое ученіе, грозитъ превратиться въ благочестивый догматъ, въ который не вѣрятъ сами его авторы. Такое превращеніе и совершилось, какъ извѣстно, со старымъ бунтарствомъ народнической эпохи. Нѣкоторые сторонники этого направленія проповѣдывали разгромъ, какъ таковой: мы призваны только разрушать и расчищать почву, говорили они,—что́ построятъ на этой почвѣ будущія поколѣнія, намъ не дано знать, да насъ это, признаться, и не интересуетъ: довлѣетъ дневи злоба его.

VI.

«Индуктивная наука» анархистовъ и «метафизика» соціальдемократовъ.

Названіе «научный» соціализмъ, упрочившееся за соціальдемократическимъ ученіемъ, не перестаетъ, какъ извѣстно, вызывать протесты и возраженія съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Такъ напримѣръ, профессіональные ученые университетовъ и академій отказываются признать научность соціальдемократизма, главнымъ образомъ, за его революціонный духъ. Люди, стремящіеся къ диктатурѣ пролетаріата, къ насильственному ниспроверженію буржуазнаго строя, не могутъ, по ихъ мнѣнію, имѣть ничего общаго съ «научностью» и наукой. Вѣдь истинная, солидная, патентованная наука чужда боевого задора уличной толпы; свивъ себѣ скромное, но уютное гнѣздышко въ тиши комфортабельнаго кабинета, она санкціонируетъ лишь спокойную постепенную эволюцію, лишь неслышный мирный прогрессъ. Съ точки зрѣнія этого «истинно-научнаго», кабинетно-каминнаго настроенія марксистская теорія не наука, а революціонная «метафизика».

Наоборотъ, анархисты усматриваютъ метафизическое грѣхопаденіе соціальдемократіи въ ея недостаточной революціонности, въ недостаточной свободѣ отъ «законовъ». Соціальдемократы, которые такъ любятъ указывать на объективную закономѣрность общественнаго процесса, которые такъ часто ссылаются на раскрытые Марксомъ законы капиталистическаго развитія, не имѣютъ, по мнѣнію Кропоткина, ни малѣйшаго представленія о томъ, что современная индуктивная наука разумѣетъ подъ «закономъ». Соціальдемократы вмѣстѣ съ буржуазными экономистами «не замѣчаютъ, что всякій законъ природы имѣетъ характеръ условный. Онъ всегда выражается такъ:—«Если въ природѣ встрѣтятся такія-то условія, то произойдетъ то-то». «Если одна линія пересѣкаетъ другую, образуя съ нею равные углы по обѣ стороны, то послѣдствія будутъ такія-то». «Если на два тѣла дѣйствуютъ только тѣ движенія, которыя существуютъ въ между-звѣздномъ пространствѣ, и нѣтъ третьяго тѣла на измѣримомъ отъ нихъ разстояніи, то ихъ центры тяжести будутъ сближаться съ такою-то скоростью (законъ тяготѣнія)» и т. д.

Вслѣдствіе этого, всѣ такъ-называемые законы и теоріи политической экономіи въ дѣйствительности ничто иное, какъ выраженіе слѣдующаго: «Допустивши, что въ странѣ всегда имѣется значительный запасъ людей, не имѣющихъ возможности прожить и двѣ недѣли или мѣсяцъ безъ того, чтобы не принять условій, налагаемыхъ на нихъ государствомъ (подати) или предлагаемыхъ имъ тѣми, кто въ силу государственныхъ законовъ владѣетъ землею, фабриками и проч.—то произойдетъ то-то» [1]). Между тѣмъ экономисты говорятъ просто: «мѣрило цѣнности—такой-то трудъ»; какъ будто цѣнность продукта

[1]) Совр. наука и анархизмъ, стр. 34, 35.

опредѣляется какой-то принудительной верховной властью, подчиняющей общественныя отношенія «абсолютнымъ», независимымъ отъ измѣнчивыхъ условій законамъ.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ методомъ Маркса, знаетъ, конечно, что ему особенно чуждо такое метафизическое представленіе о соціальныхъ законахъ. Въ то время, какъ для многихъ буржуазныхъ экономистовъ «запасъ людей», вынужденныхъ продавать свою рабочую силу, дѣйствительно является неизмѣнной предпосылкой всякаго общежитія, естественнымъ результатомъ размноженія человѣческаго рода при ограниченности средствъ существованія, Марксъ вскрылъ тѣ историческія измѣнчивыя «условія», которыя создаютъ этотъ запасъ, поддерживаютъ и развиваютъ его, но въ то же время порождаютъ и развиваютъ новый рядъ «условій», ведущихъ къ устраненію запаса и неразрывно связаннаго съ нимъ капиталистическаго производства. У Маркса всѣ нормы мѣновыхъ отношеній товарнаго міра и всѣ вообще соціальные законы отнюдь не представляютъ изъ себя абсолютныхъ предписаній какой-либо верховной силы, но всегда и всецѣло подходятъ подъ условную формулу Кропоткина: «если имѣются на лицо такія-то условія, то происходитъ то-то». При этомъ даже тѣ положенія, которыя были установлены буржуазными экономистами классической школы и приняты Марксомъ безъ существенныхъ измѣненій, пріобрѣтаютъ у него, несмотря на тожество содержанія, совершенно иной смыслъ, располагаются въ совершенно новой перспективѣ. Тамъ, гдѣ классическая школа ставила точку, доходила до основного, по ея мнѣнію, фундамента всякаго возможнаго общежитія, Марксъ ставитъ вопросительный знакъ; для него именно здѣсь и начинается самая важная область изслѣдованія: изслѣдованіе направленій, или тенденцій развитія, ведущихъ данный общественный строй къ раз-

ложенію и замѣнѣ новымъ. Марксъ не только самъ былъ чуждъ стремленію разыскивать вѣчные и незыблемые устои общества, но впервые съ полной отчетливостью раскрылъ ненаучный «фетишистическій» характеръ всѣхъ «законовъ», которые до него господствовали въ политической экономіи.

Все то, что Кропоткинъ говоритъ о метафизичности буржуазной политической экономіи, было въ свое время несравненно сильнѣе и доказательнѣе сказано Марксомъ. Тѣмъ не менѣе, Кропоткина совершенно не удовлетворяетъ соціалистическая критика буржуазной науки.— «Соціалистическая политическая экономія», пишетъ онъ, «хотя и критикуетъ нѣкоторые изъ этихъ выводовъ, или нѣсколько иначе истолковываетъ другіе, но своего пути она еще не проложила, она все еще остается въ старыхъ рамкахъ» [1]).

Каковъ же долженъ быть этотъ новый путь? Политическая экономія должна, по мнѣнію Кропоткина, «занять по отношенію къ человѣческимъ обществамъ такое же положеніе въ наукѣ, какое занимаетъ физіологія по отношенію къ животнымъ и растеніямъ». «Физіологія растеній (физіологія питанія, размноженія) изучаетъ, какими приспособленіями пользуются растенія, чтобы достигать наибольшихъ результатовъ (сохраненіе особи и вида) при наименьшей затратѣ энергіи» [2]). Политическая экономія должна быть физіологіей общества. «Она должна поставить себѣ цѣлью изученіе потребностей общества и разнообразныхъ средствъ, употребляемыхъ (и употреблявшихся) для ихъ удовлетворенія; разобрать насколько они цѣлесообразны; а затѣмъ, – такъ какъ конечная цѣль всякой науки (это высказалъ уже Бэконъ) ея практическое

---

[1]) Совр. наука и анархизмъ, стр. 35.
[2]) Анархія, стр. 24.

приложеніе къ жизни—заняться изысканіемъ средствъ удовлетворенія этихъ потребностей съ наименьшею безполезною тратою труда (съ наибольшею его экономіею) и съ наибольшею пользою для человѣчества» [1]).

Но позвольте, вѣдь физіологія растеній изучаетъ тѣ, и только тѣ приспособленія, которыми растенія *уже пользуются* въ борьбѣ съ природой. Что сказали бы мы о физіологѣ, если бы онъ, исходя изъ мысли, что «конечная цѣль науки—приложеніе къ жизни», сталъ изобрѣтать идеальныя приспособленія, которыми растенія *должны* воспользоваться, чтобы достигнуть наибольшей теоретически мыслимой экономіи силъ. Всякій, конечно, согласится, что построеніе идеальныхъ, «должныхъ» типовъ растеній не имѣетъ ничего общаго съ наукой. А между тѣмъ именно такими идеальными построеніями и рекомендуетъ Кропоткинъ заняться политической экономіи. Ученіе о томъ, какъ использовать современную технику «съ наибольшей пользой для человѣчества», было бы наукой лишь въ томъ случаѣ, если бы при данномъ общественномъ строѣ, «наибольшая польза всего человѣчества» была дѣйствительной задачей общественнаго производства. Но, какъ извѣстно, дѣйствительнымъ назначеніемъ современнаго производства является созиданіе прибыли для капиталиста; что же касается удовлетворенія человѣческихъ потребностей, то, поскольку дѣло идетъ о рабочихъ, оно сводится къ возстановленію рабочей силы; да и это послѣднее есть отнюдь не цѣль, а необходимое условіе капиталистическаго производства, неизбѣжное зло, съ которымъ капиталистъ вынужденъ мириться. «Политическая экономія» (вѣрнѣе, соціальная технологія) Кропоткина могла бы быть наукой только въ соціалистическомъ обществѣ. Въ настоящее время научное отношеніе

[1]) Совр. наука и анархизмъ, стр. 35.

къ соціалистической проблемѣ можетъ заключаться лишь въ уясненіи тѣхъ тенденцій развитія, которыя подготовляютъ почву для соціалистическаго переворота, а не въ техническихъ совѣтахъ будущему обществу.

Съ «научностью» Кропоткина произошла на нашихъ глазахъ метаморфоза, характерная, какъ мы уже упоминали, для раціонализма вообще. Раціоналисты являются ярыми сторонниками позитивной науки о природѣ; въ области естествознанія они строжайшіе эмпирики, тщательно очищающіе свои взгляды отъ малѣйшихъ слѣдовъ метафизики. Но какъ только раціоналистъ начинаетъ примѣнять эту естественно-научную точку зрѣнія къ общественнымъ отношеніямъ, отъ индуктивной науки остается одна терминологія; методъ ея куда-то исчезаетъ; на мѣсто законовъ сущаго, становятся предписанія должнаго. Метафизичность этихъ моральныхъ декретовъ, конечно, ничуть не уменьшается отъ того, что въ данномъ случаѣ ихъ источникъ — не деспотическая воля какого-либо авторитарнаго божества, а свободный духъ просвѣщеннаго и гуманнаго раціоналиста. — Эта наивная, непроизвольная подмѣна индуктивной науки этической метафизикой неизбѣжна для раціоналиста. Не забудемъ, что исповѣдуемые имъ соціальные принципы не лежатъ до сихъ поръ въ основѣ общежитія исключительно благодаря недостаточной просвѣщенности всего человѣчества или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе значительной «народной» его чэсти. Изслѣдовать «законы», покоящіеся на невѣжествѣ однихъ и безсовѣстности другихъ—трудъ слишкомъ непривлекательный, да къ тому же по существу своему безплодный. Для осуществленія принциповъ, проповѣдуемыхъ раціоналистомъ, детальное изученіе современнаго несовершеннаго общества излишне. Между законами, вытекающими изъ невѣжества, и формами жизни, соотвѣтствующими просвѣщенію, нѣтъ никакой внутренней зави-

симости или связи. Разъ человѣчество достаточно просвѣтилось, оно зачеркиваетъ свое нелѣпое и безсмысленное прошлое и перестраиваетъ жизнь на новыхъ «разумныхъ» освованіяхъ. Результатъ этого переворота извѣстенъ апріори, онъ диктуется правильно понятымъ «идеаломъ» общежитія; и было бы, конечно, нелѣпо предположить, что содержаніе разумнаго идеала хоть сколько-нибудь опредѣляется уродливыми отношеніями эпохи неразумія.

Интересъ къ подробностямъ организаціи несправедливаго и неразумнаго строя настолько чуждъ раціоналисту, что онъ не въ состояніи даже допустить возможность такого интереса въ другихъ людяхъ. Если, напр., соціалистъ обстоятельно изслѣдуетъ современныя «несправедливыя» отношенія, указывая на ихъ неизбѣжность и закономѣрность въ капиталистическомъ строѣ, то онъ уже возбуждаетъ подозрѣніе въ своей искренности.

Доказывать закономѣрность несправедливости и неразумія, хотя бы лишь при данныхъ условіяхъ, значитъ, по мнѣнію раціоналиста, «оправдывать» несправедливость. Интересную съ этой точки зрѣнія полемику съ Марксомъ находимъ мы у Кропоткина. Дѣло идетъ о квалифицированномъ трудѣ и его высокой оплатѣ сравнительно съ простымъ трудомъ. «Укажутъ на буржуазныхъ экономистовъ», пишетъ Кропоткинъ, «а также на Маркса, чтобы доказать, что градація заработныхъ платъ имѣетъ свой смыслъ, потому что «сила труда» (т. е. *рабочая сила*, В. Б.) инженера болѣе стоила обществу, чѣмъ «сила труда землекопа». Въ дѣйствительности «инженеръ, ученый и врачъ просто эксплуатируютъ свой капиталъ—свой дипломъ,—какъ буржуа эксплуатируетъ какую-нибудь фабрику». «Пусть же не говорятъ намъ объ «издержкахъ производства», которыхъ стоитъ сила труда, и о томъ, что студентъ, весело проведшій молодость въ

университетѣ, имѣетъ *право* на заработную плату въ десять разъ большую, чѣмъ сынъ землекопа, чахнущій въ шахтѣ, начиная съ одиннадцатилѣтняго возраста» [1]).

Трудно найти болѣе яркій примѣръ наивнаго раціоналистическаго смѣшенія науки и морали.—Марксъ просто констатировалъ, какъ фактъ, что въ капиталистическомъ обществѣ трудъ обученнаго оцѣнивается, какъ помноженный простой трудъ. О несправедливости такой оцѣнки, о томъ, что въ будущемъ обществѣ она должна быть уничтожена, онъ не имѣлъ основанія особенно распространяться, ибо это понятно само собой. Въ соціалистическомъ обществѣ, гдѣ среднее и высшее, общее и профессіональное образованіе становятся достояніемъ всѣхъ и каждаго, квалификація труда невозможна. Монополія знанія исчезаетъ, воспитаніе любого гражданина стоитъ обществу одинаковыхъ затратъ, а потому различія въ оплатѣ труда различныхъ категорій просто неосуществимы на практикѣ, совершенно независимо отъ того, представляются ли онѣ съ той или другой точки зрѣнія справедливыми или несправедливыми, желательными или нежелательными. Но для Кропоткина всѣ эти соображенія не существуютъ. Марксъ устанавливаетъ закономѣрность, присущую квалификаціи труда въ современномъ обществѣ, онъ воздерживается отъ тирадъ морализирующаго негодованія по этому поводу,—ясно, что онъ *оправдываетъ право* инженера на заработную плату въ десять разъ большую по сравненію съ углекопомъ.

Итакъ, въ двухъ направленіяхъ проявляется принципіальная противоположность между анархическимъ и соціальдемократическимъ отношеніемъ къ соціальной дѣйствительности. Всякое объективное изслѣдованіе «законовъ» существующаго строя воспринимается анархистами

---

[1]) Завоеваніе хлѣба, стр. 154, 155.

съ одной стороны, какъ измѣна идеалу, какъ апологія современнаго зла, съ другой стороны, какъ ненужная, оторванная отъ жизни схоластика. Вся критика анархистовъ, всѣ ихъ опроверженія научности соціальдемократизма сводятся къ варіаціямъ этихъ двухъ основныхъ мотивовъ. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи брошюра Черкезова «Доктрины марксизма». Къ сожалѣнію, авторъ задался несчастной мыслью доказать, что Энгельсъ и Марксъ были не ученые и оригинальные мыслители, а невѣжественные плагіаторы, сумѣвшіе одурачить весь міръ, кромѣ г. Черкезова, который и взялъ на себя непріятную задачу вывести на чистую воду этихъ искусныхъ обманщиковъ. Для наиболѣе полнаго и наиболѣе хлесткаго достиженія послѣдней цѣли авторъ прибѣгаетъ къ такимъ наивнымъ, чисто словеснымъ аналогіямъ и сопоставленіямъ, что всякій хоть сколько-нибудь знакомый съ дѣломъ человѣкъ невольно начинаетъ видѣть въ брошюрѣ умышленную спекуляцію на невѣжество читающей публики. Мы думаемъ однако, что въ большинствѣ случаевъ г. Черкезовъ является совершенно искренней жертвой тѣхъ недоразумѣній, которыми загромождена его брошюра,—мы думаемъ, что для него самого, какъ вѣрующаго анархиста, должны представляться несущественными и прямо-таки непримѣтными крупнѣйшія различія между Марксомъ и тѣми его предшественниками, которыхъ онъ, по мнѣнію г. Черкезова, обокралъ.

Возьмемъ для иллюстраціи такой кардинальный вопросъ, какъ ученіе о прибавочной цѣнности. Фактъ эксплуатаціи былъ, конечно, открытъ не Марксомъ. Что богачи живутъ на счетъ труда бѣдняковъ, было извѣстно очень давно,— съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ фактически появились праздные богачи и работающіе на нихъ бѣдняки: тѣмъ не менѣе, раскрыть происхожденіе при-

были въ капиталистическомъ обществѣ удалось далеко не сразу. Физіократы считали, какъ извѣстно, единственнымъ источникомъ прибавочной цѣнности производительную силу земли, отрицая производительный характеръ обрабатывающей промышленности. Позднѣйшіе экономисты классическаго и мелкобуржуазнаго направленія признавали уже не природу, а человѣческій трудъ источникомъ всякой цѣнности, а слѣдовательно, и прибавочной цѣнности; но происхожденіе послѣдней все-таки оставалось невыясненнымъ, такъ какъ подъ «цѣнностью труда» разумѣлась одновременно и цѣнность, произведенная трудомъ, цѣнность самого труда, т. е. его оплата; было ясно, что прибыль капиталиста есть разница между цѣнностью, произведенной трудомъ, и оцѣнкой труда, т. е. неоплаченный трудъ; но выходило такъ, что эта недоплата есть результатъ продажи труда ниже его дѣйствительной цѣнности; а такъ какъ въ капиталистическомъ обществѣ товары продаются, вообще говоря, по ихъ дѣйствительной цѣнности, то трудъ представлялся исключеніемъ изъ всѣхъ другихъ товаровъ, условія его продажи казались систематической «кражей». Марксъ впервые съ полной отчетливостью выяснилъ разницу между цѣнностью, создаваемою трудомъ рабочаго, и цѣнностью продаваемой послѣднимъ рабочей силы, впервые доказалъ, что продажа рабочей силы, а слѣдовательно, и образованіе прибавочной цѣнности совершается не съ нарушеніемъ законовъ товарнаго обращенія, а, наоборотъ, на точномъ основаніи этихъ законовъ; источникъ прибыли не «кража», не надувательство рабочаго капиталистомъ при обмѣнѣ, а «честная» торговая сдѣлка, продажа рабочей силы по ея полной цѣнности, опредѣляемой совершенно такъ же, какъ цѣнность любого иного товара.

Этотъ теоретическій анализъ имѣетъ огромные практическіе результаты. Въ самомъ дѣлѣ, если источникъ

прибыли—производительная сила земли, то, очевидно, для устраненія эксплуатаціи достаточно отдать въ руки общества распоряженіе этой производительной силой, т. е. объявить землю или, по крайней мѣрѣ, земельный доходъ (ренту) національной собственностью и обратить полученныя такимъ образомъ средства на покрытіе общественныхъ потребностей. На этой точкѣ зрѣнія и стоятъ, какъ извѣстно, сторонники націонализаціи земли.—Если прибыль есть кража, нарушеніе законовъ обмѣна при продажѣ товара «трудъ», то весь соціальный вопросъ сводится къ борьбѣ съ этимъ видомъ воровства; нѣтъ, значитъ, никакой надобности уничтожать товарное производство, достаточно его *урегулировать*, т. е. изобрѣсти мѣропріятія, обезпечивающія рабочимъ полное вознагражденіе за трудъ. Къ этому и сводится проектъ Прудона «конституировать» цѣнность, упорядочивъ товарное обращеніе при помощи національнаго банка. — Наконецъ, разъ выяснена неразрывная связь между самыми основами товарно-капиталистическаго хозяйства и эксплуатаціей, то тѣмъ самымъ доказана невозможность устраненія послѣдней до тѣхъ поръ, пока существуетъ товарное производство въ какой бы то ни было формѣ. Послѣ Маркса стремиться къ освобожденію пролетаріата отъ эксплуатаціи—значитъ стремиться къ уничтоженію анархическаго рынка и къ планомѣрной, непосредственно общественной организаціи производства и распредѣленія.

Уже изъ сказаннаго ясно, какая глубокая,—не то что разница, а прямо таки пропасть лежитъ между ученіемъ Маркса о прибавочной цѣнности со всѣми вытекающими изъ него выводами и соотвѣтственными ученіями Прудона и физіократовъ. Но ничего этого не видитъ г. Черкезовъ. Съ неподражаемымъ по своему непроизвольному комизму задоромъ уличаетъ онъ Маркса въ томъ, что послѣдній укралъ свою теорію прибавочной цѣнности

и у физіократа Тюрго, и у Прудона, и еще у цѣлой массы экономистовъ самыхъ разнообразныхъ направленій: у Дж. Ст. Милля, Томсона, А. Смита, Бланки, Рикардо и т. п. Въ приводимыхъ авторомъ цитатахъ подчеркнуты слова, свидѣтельствующія, что цитируемые писатели относились къ факту эксплуатаціи неодобрительно, квалифицируя его, какъ «насиліе», «обманъ», «кражу», «награбленный трудъ» и т. п. Что источникъ «кражи», ея соціальную роль упомянутые экономисты опредѣляютъ далеко неодинаково, и ни одинъ изъ нихъ не опредѣляетъ ее такъ, какъ Марксъ,—эта несущественная подробность совершенно исчезаетъ изъ поля зрѣнія почтеннаго анархиста.

Пріемы анализа научныхъ системъ сведены здѣсь къ той классической упрощенности, какая, по свидѣтельству Гоголя, господствовала при принятіи казаковъ, впервые вступавшихъ въ запорожскую сѣчь: «въ Бога вѣруешь?—А ну, перекрестись!»—и, если новоприбывшій вѣровалъ и крестился, онъ уже считался добрымъ казакомъ. Такъ и тутъ: «Эксплуатацію ненавидишь?—А ну, выругайся». Кто хлестко выругался, тотъ и добрый революціонеръ. Жаль только, что г. Черкезовъ, ослѣпленный своей ненавистью къ Марксу, не замѣтилъ, что съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ бы уничтожить любого изъ тѣхъ предшественниковъ и современниковъ Маркса, которыхъ онъ противопоставляетъ этому «діалектическому» плагіатору, въ качествѣ серьезныхъ «индуктивныхъ» ученыхъ. Вѣдь если теорія прибавочной цѣнности Маркса тождественна со всѣми другими, указанными авторомъ, то, очевидно, и эти послѣднія также тождественны между собой. Если Марксъ укралъ свою теорію одновременно у Тюрго, Прудона, Милля, Рикардо, то, очевидно, Прудонъ, Милль, Рикардо въ свою очередь обокрали Тюрго и другъ друга. Да и можно ли считать физіократовъ творцами ученія о

прибыли? Вѣдь еще Августинъ блаженный рѣзко осуждалъ прибыль и процентъ и громилъ эксплуататоровъ въ рѣчахъ, по своей сосредоточенной силѣ и неподдѣльному паѳосу далеко превосходящихъ фразеологію современнаго анархизма!

Совершенно въ томъ же духѣ ведется анархистами критика матерьялистическаго пониманія исторіи. Анархистамъ нравится въ историческомъ матерьялизмѣ только одно, а именно: утвержденіе, что экономическая структура общества опредѣляетъ собой политическій строй. Своеобразно упрощая это положеніе, анархисты формулируютъ его такъ: «экономическія перемѣны предшествуютъ политическимъ» и создаютъ, такимъ образомъ, несокрушимый, по ихъ мнѣнію, аргументъ противъ политической программы соціальдемократіи. «Какимъ образомъ можете вы стремиться къ захвату государственной власти, какъ орудію соціалистическаго переворота, если по вашему же собственному ученію политическій переворотъ можетъ быть только результатомъ экономическаго?»—побѣдоносно заявляютъ анархисты. Не трудно однако убѣдиться, что побѣдоносность эта всецѣло опирается на подмѣну понятій. «Опредѣлять» и «обусловливать» еще не значитъ непремѣнно «предшествовать». Опредѣляющее можетъ и совпадать съ опредѣляемымъ во времени,—причемъ въ разсматриваемомъ случаѣ все зависитъ отъ конкретныхъ особенностей даннаго соціальнаго процесса. Можетъ ли соціалистическое переустройство производства совершиться ранѣе соотвѣтственнаго политическаго переворота, или же производственная революція неизбѣжно должна совпасть съ политической и реализоваться именно въ формѣ политической революціи,—этотъ вопросъ рѣшается не примѣненіемъ голой общей формулы, а анализомъ тѣхъ реальныхъ тенденцій, которыя подготовляютъ соціалистическій переворотъ. Впрочемъ, и сами анархисты

далеки отъ мысли, что экономическая революція будетъ предшествовать политическому перевороту, т. е. совершится въ рамкахъ современнаго политическаго строя; и у нихъ политическая революція сопровождаетъ экономическую и служитъ ея орудіемъ; но она мыслится не какъ примѣненіе государственной организаціи для созданія соціализма, а какъ полное и немедленное уничтоженіе государства въ первый же день коммунистическаго возстанія. Такимъ образомъ, центръ разногласія сводится къ различному представленію о *формѣ* грядущаго политическаго переворота,—и поскольку эта форма также опредѣляется «экономикой» даннаго періода, постольку именно анархисты забываютъ здѣсь о первородствѣ экономики и, какъ мы покажемъ впослѣдствіи, декретируютъ политическія отношенія упрочившагося соціализма для періода обостренной борьбы за соціализмъ.

Въ остальномъ критика историческаго матерьялизма носитъ тотъ же характеръ, какъ и критика политической экономіи Маркса.

На первомъ планѣ моральное осужденіе. Разбирая неразрывно связанную съ историческимъ матерьялизмомъ теорію классовой борьбы, г. Черкезовъ находитъ, что она есть «реакція противъ соціализма». Соціалисты—Овэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье—*противопоставляли* историческимъ классамъ съ ихъ интересами «идеалъ» безклассового общества,—Марксъ самую борьбу за соціализмъ разсматриваетъ, какъ борьбу опредѣленнаго класса. Г. Черкезовъ чрезвычайно недоволенъ этой безнравственной «проповѣдью» классовой борьбы. «Не шагъ ли это назадъ къ буржуазнымъ идеаламъ», восклицаетъ онъ,—«вѣдь бороться классы могутъ за самые разнообразные интересы и даже предубѣжденія» и т. д. и т. п.

Съ другой стороны, марксистскій анализъ классового строенія общества непріятно поражаетъ анархиста своей

детальностью и скрупулезностью. «Самое понятіе о классахъ и ихъ численности стало крайне смутнымъ», жалуется г. Черкезовъ,—«Марксъ насчитываетъ до 14 классовъ»... [1]) Въ самомъ дѣлѣ, къ чему такъ много? Для чего изслѣдовать, напр., противорѣчія интересовъ земельной аристократіи и промышленной буржуазіи, промышленной и финансовой буржуазіи и т. п.? Вѣдь все это эксплуататоры и насильники, вѣдь всѣ виды этихъ угнетателей подлежатъ немедленному искорененію въ первый же день соціалистической революціи! Къ чему, далѣе, раздѣлять мелкую ремесленную буржуазію и пролетаріатъ, разъ не нынче завтра вспыхнетъ анархо-коммунистическое возстаніе, и всѣ недоразумѣнія между этими одинаково эксплуатируемыми группами прекратятся сами собой? «Въ настоящее время борются», по мнѣнію г. Черкезова, «не классы, а партіи, объединяющія подъ своимъ знаменемъ людей различныхъ классовъ». «Понятіе о классѣ уступило мѣсто принципамъ, идеаламъ». [2]) Мы знаемъ, что анархизмъ насчитываетъ такихъ идеаловъ два: идеалъ эксплуататоровъ-насильниковъ и идеалъ угнетеннаго народа—этого прирожденнаго, хотя и безсознательнаго анархиста-коммуниста. Къ этой элементарной противоположности и сводятся для анархиста всѣ заслуживающія вниманія соціальныя противорѣчія. Не даромъ г. Черкезовъ въ поискахъ за источниками Марксовскихъ плагіатовъ нападаетъ между прочимъ на счастливую мысль, что теорія классовой борьбы украдена Марксомъ у Бланки, формулировавшаго свой взглядъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «шагъ за шагомъ прослѣдилъ я всѣ историческія событія... неизмѣнно въ нихъ участвовали только двѣ партіи: одна—людей, желающихъ жить своимъ трудомъ, другая—стремящихся жить трудомъ другихъ»... [3])

---

[1]) Доктрины марксизма, стр. 24.
[2]) Доктрины марксизма, стр. 25.
[3]) Доктрины марксизма стр. 27.

Какъ и теорія прибавочной цѣнности, теорія классовой борьбы одобряется анархистами лишь постольку, поскольку она даетъ поводъ высказать моральное негодованіе по адресу эксплуататоровъ. «А что сверхъ сего, отъ лукаваго».

Итакъ, всегда и вездѣ отношеніе анархистовъ къ соціальной наукѣ характеризуется двумя указанными выше особенностями: 1) крайнимъ упрощеніемъ вопроса и 2) моральнымъ заподозриваніемъ тѣхъ лицъ, которыя къ такому упрощенію не склонны. Мы считаемъ нелишнимъ еще разъ отмѣтить, что обѣ эти особенности вытекаютъ отнюдь не изъ индивидуальныхъ свойствъ того или другого анархиста, но изъ самыхъ основъ анархистскаго міросозерцанія. Дѣло здѣсь не въ невѣжествѣ или недобросовѣстности. Люди несомнѣнно просвѣщенные, съ тонкимъ аналитическимъ умомъ и не подлежащею сомнѣнію добросовѣстностью, каковъ, напр., Э. Реклю, становятся поверхностными и вульгарными въ области обществознанія. Чтобы ясно и тонко разграничить данное явленіе отъ всѣхъ другихъ, недостаточно имѣть общую способность различенія, — для этого данное явленіе, какъ таковое, должно вызвать къ себѣ специфическій интересъ, должно фиксировать на себѣ вниманіе, должно «выдѣлиться» изъ окружающей среды («sich abheben»), какъ говоритъ Авенаріусъ. Но именно возникновенію такого специфическаго интереса къ явленіямъ современнаго грѣшнаго строя и мѣшаетъ анархистское міросозерцаніе.

Достается историческому матерьялизму также и за его «діалектичность».

«Мы много слышали,—пишетъ Кропоткинъ,—о «діалектическомъ методѣ», который рекомендовался для обоснованія соціалистическаго идеала. Мы такого метода не признаемъ, какъ его не признаетъ и все современное

естествознаніе. Современному естествоиспытателю «діалектическій методъ» напоминаетъ о чемъ-то давно прошедшемъ, давно пережитомъ наукою. Открытія девятнадцатаго вѣка въ механикѣ, физикѣ, химіи, біологіи, физической психологіи, антропологіи и такъ далѣе были сдѣланы не діалектическимъ методомъ, а методомъ естественно-научнымъ, — индуктивно-дедуктивнымъ. А такъ какъ человѣкъ—часть природы, и такъ какъ его «духовная» жизнь, какъ личная, такъ и общественная—такое же явленіе природы, какъ и ростъ цвѣтка, или умственное развитіе муравья и его общественной жизни, то нѣтъ причины мѣнять методъ изслѣдованія, когда мы переходимъ отъ цвѣтка къ человѣку, или отъ поселенія бобровъ къ человѣческому городу» [1]).

Этотъ единственно научный, одинаковый для бобровъ и для людей методъ и лежитъ въ основѣ коммунистическаго анархизма. Но, къ сожалѣнію, не только его одного: какъ извѣстно, тотъ же методъ, и съ такою же непререкаемою увѣренностью въ его научности, примѣняли къ анализу общественнаго развитія многочисленные буржуазные «дарвинисты», «спенсеристы» и т. п., приходя къ результатамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ анархическимъ коммунизмомъ. Кропоткинъ, конечно, очень недоволенъ этими изслѣдователями. По его мнѣнію, они односторонне поняли Дарвиновскую «борьбу за существованіе», принявъ за доказанное, что сохраненію вида всего болѣе благопріятствуетъ ожесточенная борьба всѣхъ противъ каждаго и вытѣсненіе слабыхъ сильными. Кропоткинъ напоминаетъ, что самъ Дарвинъ писалъ въ «Происхожденіи человѣка»: «Тѣ животные виды, среди которыхъ наиболѣе развиты чувства взаимной симпатіи и общественности, имѣютъ наибольшіе шансы сохранить свое

[1]) Совр. наука и анархизмъ, стр. 27, 28.

существованіе и оставить по себѣ многочисленное потомство».—Если бы буржуазные дарвинисты не забыли о благодѣтельности для человѣческаго вида «чувствъ взаимной симпатіи», если бы они подъ угломъ зрѣнія этихъ чувствъ оцѣнивали формы общежитія, они неизбѣжно пришли бы къ коммунистическому анархизму, который такимъ образомъ и является единственнымъ послѣдовательнымъ результатомъ правильнаго примѣненія научнаго метода къ соціальной жизни.

Не трудно замѣтить, что эта критика, какъ и всякая вообще анархическая критика, сводится въ сущности къ голому морализированію.

Интенсивное развитіе соціальныхъ чувствъ и соціальныхъ связей безспорно полезно для сохраненія вида. Для всякаго животнаго вида теоретически можно представить себѣ такую систему соціальныхъ связей, при которой видъ сохранялся бы лучше, нежели при разрозненной индивидуальной борьбѣ за жизнь. И тѣмъ не менѣе, фактически развитіе вида далеко не всегда приводитъ къ расширенію соціальныхъ связей. Извѣстно, напр., что общественныя чувства процвѣтаютъ среди травоядныхъ животныхъ, имѣющихъ всегда передъ собою болѣе или менѣе обильный запасъ пищи, но они совершенно—или почти совершенно—чужды хищникамъ, вынужденнымъ ожесточенно конкуррировать изъ-за добычи. Конечно, и для тигровъ система планомѣрнаго сотрудничества, основанная на взаимной симпатіи, была бы въ высшей степени полезна,—однако на практикѣ эта польза неосуществима уже по одному тому, что соотвѣтственныя чувства не могутъ сразу охватить всѣхъ тигровъ, а единичныя уклоненія въ сторону соціальности у отдѣльныхъ представителей вида, принесли бы этимъ послѣднимъ только вредъ, способствовали бы не выживанію, а вымиранію ихъ. Не всѣ теоретически мыслимыя полез-

ныя приспособленія могутъ быть усвоены видомъ; характерные для даннаго вида способы борьбы за жизнь и сложившіеся на этой почвѣ отношенія между отдѣльными его представителями опредѣляютъ, какія именно приспособленія усвояемы въ каждомъ данномъ случаѣ, куда ведетъ тенденція развитія вида.

Но тѣ общія методологическія соображенія, которыя справедливы по отношенію къ виду «тигръ», примѣнимы и къ развитію вида «человѣкъ». И здѣсь ссылка на полезность соціальныхъ симпатій вообще представляетъ лишь невинное благопожеланіе, моральное увѣщаніе заблудшаго человѣчества и не имѣетъ ничего общаго съ опроверженіемъ буржуазно-дарвинистскаго или какого нибудь иного пониманія общественнаго развитія. Для того, чтобы это благопожеланіе пріобрѣло реальное значеніе, необходимо доказать, что данная форма соціальныхъ симпатій или соціальныхъ связей диктуется дѣйствительной тенденціей общественнаго процесса, т. е. находитъ себѣ все болѣе и болѣе прочную почву по мѣрѣ того, какъ подъ давленіемъ объективныхъ условій борьбы за жизнь мѣняется структура даннаго общества. Именно такъ и ставится вопросъ для ненаучнаго историческаго матерьялизма,—въ то время, какъ истинно научный «индуктивно-дедуктивный» методъ претерпѣлъ, какъ мы только что видѣли, свое обычное превращеніе въ нормативную морализирующую метафизику.

Противопоставленіемъ историческаго матерьялизма, какъ «метафизики», естественно-научному методу занимаются далеко не одни анархисты. На этой струнѣ не устаютъ наигрывать противники соціальдемократіи изъ разныхъ лагерей. Человѣчество есть часть животнаго міра; поэтому общіе «біологическіе» методы должны быть примѣнимы и къ анализу человѣческаго развитія; историческій матерьялизмъ не имѣетъ ничего общаго съ

естественной наукой, это—метафизическая схема; — таково весьма распространенное мнѣніе.

Между тѣмъ въ дѣйствительности историческій матерьялизмъ, несмотря на свою «гегеліанскую», метафизическую внѣшность, не только не противорѣчитъ «біологическому» методу Дарвина, но какъ разъ и представляетъ изъ себя примѣненіе этого метода къ человѣческому общежитію, и притомъ примѣненіе несравненно болѣе послѣдовательное, несравненно болѣе вѣрное духу дарвинизма, нежели большинство спеціально «дарвинистскихъ» соціологическихъ построеній. [1])

У соціологовъ-«дарвинистовъ» формы развитія всякаго человѣческаго общества отожествляются обыкновенно съ формами борьбы, свойственными товарно-капиталистическому обществу, и на первый планъ выступаетъ соперничество конкуррирующихъ между собою индивидуумомъ, какъ источникъ всякаго мыслимаго прогресса. При этомъ оказываются совершенно неразрѣшимыми вопросы: почему же въ другія эпохи господствовали иныя формы борьбы за жизнь? что именно вызываетъ смѣну этихъ формъ? и т. п. Между тѣмъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ есть, очевидно, первая и основная задача всякой соціальной теоріи.

Согласно историко-матерьялистической теоріи, основу соціальнаго развитія составляетъ ростъ производительныхъ силъ. Новые методы приложенія труда и соотвѣтствующія имъ формы экономическаго строя могутъ вытѣснять старые лишь въ томъ случаѣ, если они несутъ съ собою повышеніе производительности труда, т. е. уменьшаютъ количество человѣческой энергіи, необходи-

---

[1]) Само собою разумѣется, мы отнюдь не утверждаемъ, что основатели теоріи историческаго матерьялизма почерпнули свои идеи у Дарвина. Историческій матерьялизмъ возникъ, какъ извѣстно, гораздо раньше дарвинизма. Дѣло идетъ здѣсь не о заимствованіи, а о принципіальномъ единствѣ двухъ совершенно независимо развившихся методовъ изслѣдованія въ двухъ самостоятельныхъ сферахъ изслѣдованія.

мой для производства данныхъ средствъ существованія. Такимъ образомъ, уменьшеніе энергіи, затрачиваемой на производство единицы предметовъ потребленія данной категоріи, или пониженіе *трудовой стоимости* предметовъ потребленія есть наиболѣе общій результатъ и въ то же время объективный регуляторъ человѣческаго прогресса, причемъ субъективно этотъ регуляторъ можетъ вовсе не восприниматься людьми, дѣйствовать въ полномъ смыслѣ «за ихъ спиной», или же восприниматься въ искаженной «фетишистической» формѣ.

Не трудно убѣдиться, что въ примѣненіи къ человѣческому обществу «развитіе производительныхъ силъ» составляетъ основу тѣхъ «приспособленій къ средѣ», которыя по Дарвину подхватываются и упрочиваются естественнымъ отборомъ, обусловливаютъ прогрессъ въ мірѣ растеній и животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія именно измѣненія органовъ обезпечиваютъ данному организму и его потомству преимущества въ борьбѣ за жизнь по сравненію съ другими представителями того же вида? Въ общемъ и цѣломъ къ этому приводятъ лишь тѣ измѣненія, благодаря которымъ организмъ въ состояніи, при прочихъ равныхъ условіяхъ, поддерживать свое существованіе съ меньшими затратами энергіи, нежели его сородичи; такимъ образомъ, и здѣсь результатъ и мѣра прогресса—производительность борьбы за жизнь.

И какъ въ животномъ, такъ и въ человѣческомъ мірѣ прогрессъ отнюдь не является силой, дѣйствующей самопроизвольно—закономъ, присущимъ самой природѣ организма или общества.

Въ растительномъ и животномъ царствѣ прогрессъ есть результатъ совмѣстнаго дѣйствія трехъ факторовъ: измѣнчивости организмовъ, наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ измѣненій и интенсивнаго размноженія. Нѣтъ никакого закона, заставляющаго организмы выра-

батывать именно полезныя измѣненія. Подъ вліяніемъ безчисленныхъ перекрещивающихся воздѣйствій среды измѣненія организаціи, уклоненія ея отъ родительскаго типа совершаются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ: какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ съ точки зрѣнія экономіи силъ въ борьбѣ за жизнь. И всѣ эти измѣненія въ той или иной степени могутъ передаваться потомству. До тѣхъ поръ, пока представители даннаго вида находятъ болѣе или менѣе обильный запасъ пищи и вообще сравнительно легко могутъ поддерживать свое существованіе, никакого односторонняго преобразованія по линіи прогресса не происходитъ; видъ расчленяется, дифференцируется по всевозможнымъ, какъ полезнымъ, такъ и вреднымъ линіямъ. Однако, интенсивное размноженіе быстро кладетъ конецъ такому положенію вещей. По мѣрѣ возрастанія числа представителей вида, борьба за жизнь требуетъ отъ каждаго изъ нихъ все большей и большей затраты силъ. Въ концѣ концовъ территорія оказывается *перенаселенной* организмами даннаго вида: послѣднихъ имѣется налицо больше, чѣмъ можетъ прокормить занятая ими площадь. Вотъ тутъ-то—когда борьба за существованіе требуетъ наивысшаго напряженія энергіи—пріобрѣтаютъ огромное значеніе «полезныя» уклоненія отъ господствующаго типа, даже самыя ничтожныя. Всѣ менѣе приспособленные гибнутъ, малѣйшія преимущества по сравненію съ среднимъ уровнемъ даютъ уже шансы на болѣе продолжительное существованіе и болѣе многочисленное потомство. Только на почвѣ перенаселенія естественный отборъ вступаетъ въ свои права, направляя въ односторонне прогрессивномъ духѣ свободную игру «случайныхъ» измѣненій, отсѣкая косою смерти все «неприспособленное», подхватывая и развивая въ ряду послѣдовательныхъ поколѣній всякія «полезныя» приспособленія.

Существенная особенность развитія человѣческаго общества обусловливается тѣмъ, что люди воздѣйствуютъ на окружающую среду не голыми, а вооруженными органами. «Человѣкъ есть животное, употребляющее орудія». Изобрѣтеніе новыхъ орудій труда и вообще новыхъ методовъ и пріемовъ производства играетъ въ исторіи человѣчества ту же самую роль, которая въ животномъ и растительномъ мірѣ принадлежитъ измѣненіямъ въ самихъ органахъ. При этомъ человѣческое изобрѣтеніе далеко не всегда есть продуктъ сознательной планомѣрной дѣятельности, одушевленной идеей прогресса; зачастую оно—аналогично прогрессивнымъ измѣненіямъ животнаго или растительнаго организма—является одною изъ тѣхъ «случайныхъ» комбинацій, въ которые человѣкъ соединяетъ предметы природы съ самыми разнообразными цѣлями, иногда просто ради забавы, игры. Такъ, напримѣръ, въ періодъ охотничьяго хозяйства человѣкъ «ради забавы» приручилъ рядъ дикихъ животныхъ, что впослѣдствіи (при переходѣ къ скотоводству) позволило ему во много десятковъ разъ увеличить производительность своего труда; ради забавы же онъ началъ разводить растенія задолго до того, какъ земледѣліе стало источникомъ его существованія. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ великихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Что касается *примѣненія* къ дѣлу уже найденныхъ изобрѣтеній, то и здѣсь, какъ мы указывали, разбирая Кропоткинскую «физіологію общества», не существуетъ силы, направляющей человѣчество по кратчайшей линіи теоретически мыслимаго прогресса. Не всякія открытія, способныя повысить производительность труда, могутъ, вообще говоря, быть усвоены обществомъ. Однако условія, опредѣляющія прогрессивное развитіе общества, нѣтъ возможности формулировать въ такомъ

общемъ видѣ, какъ для растеній и животныхъ. Дѣло въ томъ, что перемѣны въ строеніи организмовъ совершаются обыкновенно лишь съ чрезвычайною медленностью; ростъ производительности жизненной борьбы, вызываемый прогрессивными измѣненіями органовъ у растеній и животныхъ, ни въ коемъ случаѣ не въ состояніи компенсировать то ухудшеніе условій борьбы, которое создается размноженіемъ вида. Поэтому растительные и животные организмы всегда стремятся перейти границу максимальной при данныхъ обстоятельствахъ густоты разселенія; перенаселеніе является здѣсь постояннымъ факторомъ, регулирующимъ поступательный ходъ развитія. Наоборотъ, измѣнчивость орудій человѣческаго труда не ограничена никакими рамками. Примѣненіе вновь открытыхъ методовъ производства способно зачастую во много разъ и даже во много десятковъ разъ повысить производительность труда, способно, такимъ образомъ, надолго избавить общество отъ абсолютнаго перенаселенія. Въ человѣческомъ обществѣ перенаселеніе отнюдь не является поэтому такимъ всеобщимъ и неизмѣннымъ стимуломъ прогресса, какъ въ остальномъ мірѣ организмовъ. Абстрактный законъ размноженія существуетъ, говоритъ Марксъ, только для растеній и животныхъ; въ человѣческой исторіи каждая соціально-экономическая формація имѣетъ свой собственный, ей только свойственный законъ размноженія. Каждая соціально-экономическая формація имѣетъ и свою особенную «формулу прогресса», свой типъ развитія производительныхъ силъ.

VII.

Типы развитія производительныхъ силъ, характеризующіе натуральное, товарное и соціалистическое хозяйства.

Развитіе человѣческаго общества представляло чисто «біологическій типъ» въ періодъ такъ называемаго нату-

ральнаго хозяйства, т. е. въ тотъ періодъ, когда производство велось небольшими, вполнѣ самостоятельными группами лично связанныхъ между собою производителей, которые удовлетворяли собственнымъ трудомъ всѣ свои потребности.

Въ чистомъ видѣ натуральное хозяйство осуществлялось лишь въ рамкахъ первобытно-родового строя, который и является, такимъ образомъ, классической формой натурально-хозяйственной общественной организаціи. Представляя самодовлѣющее въ экономическомъ смыслѣ цѣлое, родъ характеризуется отсутствіемъ какихъ-либо внутри-общественныхъ противорѣчій, какой-либо внутриродовой борьбы. Общественно организованное, коммунистическое хозяйство регулировалось однако не «принципами», сознательно исповѣдуемыми людьми. Пріемы и способы производства и всѣ обусловленныя ими общественныя отношенія переходили изъ рода въ родъ въ застывшей, неподвижной формѣ непререкаемой традиціи. Они представлялись людямъ не свободно установленными «институтами», а совершенно неустранимыми, почти физически неизбѣжными формами жизни, внѣ которыхъ самое существованіе немыслимо. Человѣкъ былъ не «личностью», а органомъ недѣлимаго родового организма. Такъ, напримѣръ, обычай кровной родовой мести связывалъ данное дѣйствіе не съ индивидуумомъ, а съ обществомъ, къ которому послѣдній принадлежалъ,—въ отмщеніе за убійство уничтожался не его дѣйствительный виновникъ, а любой изъ равноцѣнныхъ съ нимъ органовъ виновнаго организма рода.

Понятное дѣло, что при такой прочности застывшихъ общественныхъ формъ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо тенденцій, разлагающихъ эти формы изнутри, только могучее внѣшнее давленіе могло нарушать установившееся соціальное равновѣсіе. Всякія изобрѣтенія, какіе бы гро-

мадные результаты въ смыслѣ повышенія производительности труда они ни сулили, могли добровольно усваиваться обществомъ лишь въ томъ случаѣ, если они укладывались въ рамки сложившихся формъ производства. Какъ мы уже упоминали, прирученіе животныхъ и разведеніе растеній было извѣстно первобытному человѣку задолго до появленія скотоводческаго и земледѣльческаго хозяйства. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ растенія и животныя разводились «для забавы», а единственнымъ источникомъ средствъ къ жизни по прежнему оставалась охота и рыбная ловля. И только тогда, когда, вслѣдствіе размноженія людей или вымиранія дичи, для даннаго племени оказывалось абсолютно невозможнымъ прокормиться охотой на занятой имъ территоріи,—только тогда «забава» мало-по-малу, съ величайшими треніями превращалась въ «производство». Только подъ давленіемъ абсолютнаго перенаселенія земледѣліе и скотоводство отвоевывали себѣ почву, оттѣсняя на второй планъ охоту, видоизмѣняя соотвѣтственно всѣ общественныя отношенія. Насколько затруднительна перемѣна формъ хозяйства въ первобытно-родовой періодъ, видно изъ того, что кочевыя скотоводческія племена подъ давленіемъ земельной тѣсноты отнюдь не сразу переходятъ къ земледѣлію, во много разъ повышающему емкость территоріи; сначала они стараются обыкновенно вооруженной рукой пробить себѣ путь на новыя земли, переселяются иногда со своими стадами за многія тысячи верстъ, и только при абсолютной невозможности найти подходящую для кочевья землю медленно осѣдаютъ и превращаются въ земледѣльцевъ. Именно на этой почвѣ совершались тѣ массовыя передвиженія кочевниковъ, которыя извѣстны въ исторіи подъ именемъ «великаго переселенія народовъ». Во времена Цезаря, послѣ многолѣтнихъ странствованій германскія племена въ основной своей массѣ все еще

были кочевниками-скотоводами, занимаясь земледѣліемъ лишь случайно, урывками; и лишь съ того времени, когда римская имперія построила по линіи Рейна и Дуная рядъ крѣпостей, остановившихъ потокъ варварскаго нашествія, когда переселяться было уже абсолютно некуда, среди германцевъ быстро стало упрочиваться земледѣліе.

Этотъ застойный консерватизмъ сложившихся общественныхъ формъ характеренъ и для позднѣйшей эпохи, когда натуральное хозяйство подъ напоромъ растущаго обращенія товаровъ, широкаго раздѣленія труда и обостренныхъ общественныхъ противорѣчій сдавало одну позицію за другой. Не малое упорство въ борьбѣ съ техническими изобрѣтеніями, несовмѣстимыми съ господствующей организаціей производства, проявляли, напримѣръ, средневѣковые ремесленные союзы,—цехи, которые работали на заказчиковъ и представляли, слѣдовательно, форму, промежуточную между производствомъ на неопредѣленный рынокъ и самопотребительнымъ натуральнымъ хозяйствомъ.

Итакъ, натуральному хозяйству присущъ тотъ же самый «законъ» развитія, какой господствуетъ въ животномъ и растительномъ мірѣ. Случайныя полезныя «уклоненія», случайно сдѣланныя изобрѣтенія—поскольку приложеніе ихъ требуетъ перемѣнъ въ методахъ хозяйства—вовсе не развиваются, а сохраняются въ зародышевой формѣ до тѣхъ поръ, пока есть хоть какая-нибудь возможность жить по старому. Абсолютная невозможность обезпечить себѣ существованіе при данномъ уровнѣ производительныхъ силъ—вотъ единственный стимулъ прогресса. Только на фонѣ абсолютнаго перенаселенія—и, слѣдовательно, спорадически—выступаетъ трудовая стоимость, въ качествѣ регулятора экономическаго рязвитія; при этомъ она ни въ коемъ случаѣ не является созна-

тельнымъ принципомъ экономической дѣятельности человѣка, но направляетъ послѣднюю извнѣ, какъ посторонній и враждебный человѣку «законъ природы».

Совершенно иныя движущія силы направляютъ развитіе товарно-капиталистическаго общества. Не трудность добыванія, а трудность реализаціи уже готовыхъ предметовъ потребленія является здѣсь рѣшающимъ моментомъ. Соперничество товаровъ, выбрасываемыхъ производителями на неопредѣленный, неорганизованный «рынокъ» сбыта, стимулируетъ экономическій прогрессъ въ буржуазномъ обществѣ.—Побѣдить соперника на товарномъ ристалищѣ можно только путемъ пониженія цѣны товара; но для того, чтобы такая побѣда не оказалась Пирровой, чтобы она не разрушила предпріятія самого побѣдителя, пониженіе товарной цѣны не должно сопровождаться пониженіемъ прибыли изготовляющаго товаръ капиталиста. *При прочихъ равныхъ условіяхъ* прибыль капиталиста тѣмъ выше, чѣмъ дешевле обходится ему самому изготовленіе товара, чѣмъ ниже его издержки производства, а издержки производства—опять таки «*при прочихъ равныхъ условіяхъ*»—тѣмъ ниже, чѣмъ меньше труда затрачено на изготовленіе товара. Казалось бы, въ товарномъ хозяйствѣ повышеніе производительности труда должно быть постояннымъ стремленіемъ производителей, неизмѣннымъ руководящимъ принципомъ ихъ хозяйственной дѣятельности. Въ дѣйствительности однако это не такъ. Дѣло въ томъ, что фактически далеко не всегда имѣется налицо то «равенство прочихъ условій», при которомъ всякое повышеніе производительности труда въ предпріятіи выгодно для капиталиста. Невыгоднымъ можетъ оказаться техническое усовершенствованіе въ томъ случаѣ, если оно, повышая производительность труда, въ то же время удлиняетъ періодъ полнаго оборота капитала; еще чаще эта невыгода обусловливается необходимостью за-

мѣнить болѣе простой и, слѣдовательно, хуже оплачиваемый трудъ трудомъ обученнымъ, болѣе дорогимъ. Это послѣднее обстоятельство служитъ главнымъ тормазомъ техническаго прогресса въ капиталистическомъ строѣ; до тѣхъ поръ, пока цѣна рабочей силы стоитъ низко, технические усовершенствованія, требующія примѣненія квалифицированнаго труда, вводятся весьма туго,—наоборотъ, повышеніе цѣнъ на рабочемъ рынкѣ—въ силу ли уменьшенія безработицы или въ результатѣ побѣдоносной борьбы рабочихъ организацій—всегда даетъ толчокъ интенсивному техническому прогрессу.

Не всякія изобрѣтенія, не всякіе методы, повышающіе производительность труда, фактически примѣняются въ капиталистическомъ строѣ; но какъ бы то ни было, здѣсь ростъ производительныхъ силъ значительно обгоняетъ ростъ населенія. Абсолютное перенаселеніе отходитъ въ область преданій, и мѣсто его заступаетъ «относительное перенаселеніе», выражающееся въ созданіи арміи безработныхъ, какъ «резервнаго фонда» капиталистическаго производства. Теперь люди умираютъ съ голоду не потому, что они не въ состояніи при данномъ уровнѣ техники производства добыть средства, необходимыя для жизни, но потому, что они находятся вообще внѣ производства, потому что для нихъ закрыта возможность приложить свои силы къ производительному труду. Не абсолютный недостатокъ предметовъ потребленія, а относительный избытокъ ихъ по сравненію съ покупательной способностью потребителей создаетъ критическій моментъ въ развитіи производства, вызываетъ интенсивную перестройку сложившихся экономическихъ организацій.

Задача организаторовъ капиталистическаго производства—не повышеніе производительности труда, а повышеніе прибыли. Но для капиталиста прибыль вы-

ступаетъ прежде всего, какъ разница между цѣной произведеннаго товара и цѣной затраченныхъ на его изготовленіе средствъ производства. Поэтому трудовая стоимость, являющаяся мѣриломъ производительности труда, становится постояннымъ регуляторомъ хозяйственнаго развитія,—правда, не прямо и непосредственно, а въ превращенной и искаженной формѣ рыночной цѣны.

Итакъ, при капитализмѣ — въ противоположность всѣмъ болѣе раннимъ хозяйственнымъ формамъ— развитіе производительныхъ силъ не встрѣчаетъ уже болѣе никакихъ препятствій въ технической организаціи производства. Въ ремесленномъ цехѣ среднихъ вѣковъ, въ древней земледѣльческой общинѣ, въ патріархальномъ скотоводческомъ родѣ установившіяся формы разгдѣленія и сочетанія труда представляютъ тѣ прочныя, окостенѣвшія границы, въ рамкахъ которыхъ только и можетъ совершаться ростъ производительныхъ силъ. Наоборотъ, въ капиталистическомъ обществѣ нѣтъ никакихъ заранѣе установленныхъ предѣловъ для измѣненія технической организаціи производства: всѣ теоретически возможные типы сотрудничества и раздѣленія труда здѣсь одинаково примѣнимы и дѣйствительно немедленно примѣняются на практикѣ, разъ въ данномъ конкретномъ случаѣ этого требуетъ основная задача капиталиста—повышеніе прибыли.

Отсюда вытекаютъ два важныхъ вывода по отношенію къ соціалистическому производству будущаго.

1. Очевидно, что соціалистическое производство не можетъ развиться путемъ постепеннаго «вростанія» въ капитализмъ.

Какъ извѣстно, защитниками этой идеи вростанія являются крайніе правые элементы соціалистическихъ и крайніе лѣвые элементы буржуазныхъ партій. Соціализмъ, по ихъ мнѣнію, возникаетъ уже въ нѣдрахъ капитали-

стическаго общества въ видѣ маленькихъ ячеекъ, въ видѣ отдѣльныхъ, немногочисленныхъ ассоціацій, основанныхъ на товарищескихъ началахъ. Мало-по-малу ассоціаціи эти завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе обширную арену дѣйствій, преобразовываютъ весь общественный строй, и такимъ образомъ соціализмъ овладѣваетъ обществомъ путемъ незамѣтнаго, безболѣзненнаго процесса мирной эволюціи. Любопытно, что и большинство анархистовъ, несмотря на всю свою революціонность, въ оцѣнкѣ реформаторской роли свободныхъ ассоціацій вполнѣ сходятся съ защитниками идеи мирнаго соціальнаго обновленія.

Теорія постепеннаго перерожденія капитализма въ соціализмъ построена по аналогіи съ тѣмъ процессомъ, при помощи котораго средневѣковое хозяйство превратилось въ капиталистическое. Промышленный капитализмъ дѣйствительно «вросталъ» въ цеховое ремесло въ видѣ отдѣльныхъ, сначала ничтожныхъ вкрапленій, возникавшихъ въ порахъ и трещинахъ средневѣковой производственной организаціи. Капиталистическія предпріятія, стѣсняемыя средневѣковымъ законодательствомъ, основывались въ деревняхъ, гдѣ не было цехового ремесла, или ютились близъ крупныхъ центровъ за городской чертой, куда не распространялись цеховыя ограниченія. И по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія эти маленькія деревушки быстро превращались въ шумные населенные города, фабрики и мануфактуры предмѣстій вытѣсняли цеховое ремесло центра или вносили въ него элементы внутренняго разложенія. Подобно тому, какъ вода, забираясь въ поры гранита, разрываетъ его при замерзаніи на мелкіе кристалики,—капитализмъ, расширяясь въ порахъ средневѣкового строя, шагъ за шагомъ разрушалъ всѣ основы тогдашняго общежитія, подготовляя почву для новаго соціально-экономическаго уклада.—Почему была возможна такая эволюція? Да только потому, что каждое отдѣль-

ное капиталистическое предпріятіе было экономически сильнѣе всего цехового производства, взятаго въ цѣломъ. Примѣняя техническія изобрѣтенія, повышающія производительность работы, капиталисты-предприниматели вводили соотвѣтственныя формы сотрудничества и раздѣленія труда, которыя для цеховъ были абсолютно недоступны, такъ какъ противорѣчили самой формѣ организаціи цехового производства. Никакого иного орудія борьбы съ капитализмомъ, кромѣ внѣшняго давленія законодательной власти не было у цеховъ; естественно, что, несмотря на юридическія препятствія, капитализмъ одерживалъ одну побѣду за другой, частью оттѣсняя и разоряя цеховое ремесло, частью ассимилируя его себѣ, превращая богатыхъ ремесленниковъ въ настоящихъ капиталистовъ-предпринимателей.

Для соціализма такой путь развитія совершенно невозможенъ. Товарищескія ассоціаціи не въ состояніи усвоить себѣ такіе методы производства, которые, повышая производительность труда, были бы въ то же время принципіально недоступны капиталистамъ, ибо такихъ методовъ вообще не существуетъ. Капиталистическія предпріятія ограничены въ примѣненіи техническихъ усовершенствованій лишь однимъ условіемъ: техническій прогрессъ долженъ сопровождаться повышеніемъ предпринимательской прибыли. Освободить себя отъ этого единственнаго ограниченія не можетъ и товарищеская ассоціація; она не можетъ продавать свои товары дороже, не можетъ тратить на расширеніе предпріятія меньшій процентъ, чѣмъ конкуррирующіе съ ней капиталисты, такъ какъ въ противномъ случаѣ гибель ея неизбѣжна. «Ячейка соціализма», возникшая въ нѣдрахъ капиталистическаго общества, вынуждена бороться съ этимъ послѣднимъ его же собственнымъ оружіемъ, вынуждена руководствоваться законами капиталистическаго рынка. Въ результатѣ она

или убивается капиталистической конкурренціей, или, приспособившись ко всѣмъ требованіямъ товарнаго производства, превращается въ капиталистическое предпріятіе. Судьба «соціалистическихъ» вкрапленій въ капитализмъ діаметрально противоположна судьбѣ капиталистическихъ предпріятій въ средневѣковомъ строѣ. Послѣднія ассимилировали себѣ ту среду, въ которой возникали, первые, наоборотъ, неизбѣжно сами ассимилируются въ окружающей ихъ средѣ. Соціализмъ возможенъ — если онъ вообще возможенъ—не какъ постепенный ростъ внѣдренныхъ въ капитализмъ зачатковъ, а какъ одновременное переустройство по новому плану всего производственнаго цѣлаго.

2. Второй выводъ, вытекающій изъ характера капиталистическаго развитія, заключается въ томъ, что новый строй сможетъ стать на смѣну капитализма лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ совершенно свободенъ отъ какихъ бы то ни было нормъ, ограничивающихъ развитіе производительныхъ силъ.

«Ни одна общественно-экономическая формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьетъ всѣ доступныя для нея производительныя силы»,—говоритъ Марксъ. Съ другой стороны, новый соціально-экономическій строй побѣждаетъ старый лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку онъ въ состояніи устранить тѣ тормазы въ развитіи производительныхъ силъ, которые въ извѣстный моментъ дѣлаютъ невозможнымъ экономическійл прогрессъ на почвѣ стараго строя. И само собою разумѣется, новый строй не можетъ одной рукой разбивать цѣпи, сковавшія ростъ производительности труда при старомъ строѣ, а другой рукой реставрировать еще болѣе старыя цѣпи, съ которыми давно покончилъ уже его предшественникъ. Капиталистическій строй, какъ мы видѣли, знаетъ лишь одно ограниченіе развитія производительныхъ силъ,—

ограниченіе, вытекающее изъ неорганизованности общественнаго производства, изъ его *товарнаго* характера. Соціализмъ, замѣняя эту «промышленную анархію» планомѣрной организаціей, уничтожаетъ послѣднее ограниченіе роста производительныхъ силъ. Повышеніе производительности труда должно теперь стать единственнымъ критеріемъ, опредѣляющимъ собою размѣры и формы общественнаго производства; никакіе заранѣе установленные, независимые отъ этого критерія предѣлы и нормы въ этой области недопустимы; трудовая стоимость впервые сознательно примѣняется, какъ регуляторъ производства,—и притомъ не въ искаженной «фетишистической» формѣ рыночной цѣны, а въ своемъ чистомъ видѣ, какъ абстрактное мѣрило производительности человѣческаго труда.

Между тѣмъ анархисты-коммунисты и нѣкоторыя другія соціалистическія теченія какъ разъ и стараются предписать будущей производственной организаціи опредѣленныя формы и размѣры, исходя притомъ почти исключительно изъ соображеній моральнаго порядка. Какъ мы уже видѣли выше, анархисты—враги централизаціи производства, враги сколько-нибудь широкаго общественнаго раздѣленія труда. Только небольшія производственныя ассоціаціи могутъ, по ихъ мнѣнію, организоваться на основѣ свободнаго товарищескаго соглашенія, въ то время какъ обширные размѣры хозяйственнаго цѣлаго неразрывно связаны съ необходимостью выдѣлить на вершинѣ общества особую группу «руководителей». Послѣдніе могутъ быть, конечно, выборными, могутъ быть связаны самымъ тщательнымъ контролемъ и самой строгой отвѣтственностью передъ избирателями, но въ рамкахъ своихъ полномочій они все-таки явятся «властью», издающей въ той или другой формѣ предписанія, обязательныя для всѣхъ членовъ общества. Мы получимъ,

слѣдовательно, не свободный союзъ «автономныхъ» личностей, но «авторитарный» строй, покоящійся на принудительной «дисциплинѣ». Кромѣ того, детально проведенное раздѣленіе труда непосредственно калѣчитъ и уродуетъ личность, лишаетъ ее способности къ всестороннему развитію.—Эта послѣдняя сторона дѣла лишь мимоходомъ затрогивается въ литературѣ анархистовъ-коммунистовъ, но она была подробно разработана и возведена въ систему нѣкоторыми изъ нашихъ народниковъ,—въ особенности Н. К. Михайловскимъ.

Наибольшее раздѣленіе труда между органами и полнѣйшая, по возможности, однородность индивидуумовъ—вотъ та задача, къ осуществленію которой, согласно Михайловскому, стремится соціальный прогрессъ, имѣющій въ основѣ своей «борьбу за индивидуальность». Въ защиту этого идеала Михайловскій приводилъ между прочимъ то соображеніе, что здѣсь отнюдь не исключается развитіе производительныхъ силъ, но постулируется только особый типъ этого развитія. Все, укладывающееся въ рамки сотрудничества, или «простой кооперації», совмѣстимо съ этимъ типомъ развитія; отсѣкается лишь то, что требуетъ кооперації сложной, или раздѣленія труда. Само собою понятно, что такая аргументація не убѣдительна. Какъ мы уже видѣли, для защиты данной системы хозяйства, какъ возможнаго преемника капитализму, еще очень недостаточно доказать, что система эта не является абсолютно застойной и допускаетъ *нѣкоторый* типъ техническаго прогресса, — необходимо, чтобы она осуществляла всевозможные типы развитія производительныхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ на минуту, что принципъ Михайловскаго восторжествовалъ: создана система производства, обезпечивающая путемъ строжайшей регламентації послѣдовательное проведеніе и исключительное господство начала простой кооперації.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что воспрещенный типъ развитія сумѣлъ бы въ той или другой формѣ обойти всѣ юридическія препоны и, опираясь на свои непосредственныя экономическія преимущества, ассимилировалъ бы себѣ въ концѣ концовъ систему чистаго сотрудничества, — совершенно такъ же, какъ въ свое время капитализмъ ассимилировалъ цеховое производство, разрушивъ всѣ его ограниченія. И если бы даже мнѣніе Михайловскаго объ отрицательномъ вліяніи системы раздѣленія труда на человѣческую личность было правильно, если бы раздѣленіе труда всегда и при всякихъ условіяхъ вело работника къ деградаціи, къ физическому и умственному вырожденію, то это отнюдь не было бы аргументомъ въ пользу соціализма простой кооперації. Какъ разъ наоборотъ, — это значило бы лишь, что соціализмъ вообще невозможенъ, что по мѣрѣ развитія капитализма рабочій класъ становится все менѣе и менѣе способнымъ побѣдоносно бороться за свое освобожденіе. Къ счастью, однако, дѣло обстоитъ вовсе не такъ плохо. Только въ начальный періодъ капиталистическаго развитія, когда рабочіе были особенно беззащитны въ борьбѣ съ эксплуатаціей, а техническіе методы фабричнаго производства сравнительно грубы, раздѣленіе труда превращало рабочаго въ отупѣвшее, безразличное ко всему существо, способное лишь играть роль пассивнаго придатка къ машинѣ. Тѣ поразительные примѣры одичанія фабричнаго пролетаріата, которые приведены въ первомъ томѣ «Капитала», относятся именно къ этому начальному періоду. Въ дальнѣйшемъ развитіи измѣняются самыя требованія, предъявляемыя къ рабочему техникой производства, и параллельно съ этимъ ограничивается эксплуатація подъ вліяніемъ систематической борьбы пролетаріата. Чѣмъ больше совершенствуются машины, тѣмъ значительнѣе та подготовка, которая требуется отъ рабо-

чаго; но въ отличіе отъ мануфактурнаго и ремесленнаго періода подготовка эта состоитъ не въ спеціализаціи работника, не въ односторонней виртуозности его рукъ, а въ умственномъ развитіи. По мѣрѣ того, какъ машина беретъ на себя одну за другой тѣ функціи, которыя прежде выполнялись ручнымъ трудомъ, механизмъ ея усложняется, и роль рабочаго, приставленнаго къ машинѣ, сводится къ общему надзору за ходомъ этого чрезвычайно сложнаго механизма. Спеціальная сноровка рукъ, необходимая для работы на *данномъ* станкѣ, становится все болѣе легкой, и параллельно съ этимъ повышается уровень общаго развитія и техническихъ знаній, необходимыхъ для управленія всякой машиной вообще [1]).

Что касается той политической, «авторитарной» опасности, которой, по мнѣнію анархистовъ, грозитъ общественное раздѣленіе труда, то на этой сторонѣ вопроса мы еще остановимся впослѣдствіи; теперь же отмѣтимъ только тѣ соображенія, при помощи которыхъ анархисты стараются согласовать свой идеалъ съ требова-

---

[1]) В. Зомбартъ въ своемъ «Соціализмѣ и соціальномъ движеніи» пытается оспаривать наличность этой тенденціи. Въ качествѣ примѣра высокосовершенныхъ машинъ, требующихъ большой спеціализаціи работника, онъ приводитъ наборную машину и сельскохозяйственныя орудія. Но наборная машина представляетъ совершенно исключительный случай, и, кромѣ того, техника труда на усовершенствованныхъ наборныхъ машинахъ очень близка къ техникѣ труда на пишущихъ машинахъ. Правда, въ настоящее время пишущія машины далеко еще не вошли во всеобщее употребленіе, однако, едва ли можно сомнѣваться, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ они сдѣлаются такой же неотъемлемой принадлежностью всякаго пишущаго человѣка, какъ теперь перо и чернила; вмѣстѣ съ тѣмъ и техника ихъ употребленія станетъ всеобщимъ достояніемъ. Что касается сельскохозяйственныхъ машинъ, то трудность найти для нихъ подходящихъ рабочихъ зависитъ именно отъ недостатка общаго и техническаго образованія среди деревенскаго пролетаріата. Работа при помощи сельскохозяйственныхъ орудій требуетъ не спеціальной виртуозности рукъ, а умѣлаго обращенія съ этими сложными и сравнительно хрупкими механизмами. Здѣсь требуется, слѣдовательно, не физическое приспособленіе къ машинѣ, а пониманіе ея конструкціи.

ніемъ неограниченнаго развитія производительныхъ силъ Кропоткинъ, проектируя раздробленіе современнаго общества на экономически самодовлѣющія коммуны, указываетъ на то, что въ настоящее время централизація производства обусловлена чисто капиталистическими потребностями. Въ примѣръ онъ приводитъ Парижъ, производящій преимущественно предметы роскоши для капиталистовъ всего міра. — Весьма возможно, конечно, что въ соціалистическомъ строѣ не будетъ имѣть мѣста такое сосредоточеніе въ одномъ пунктѣ мірового законодательства изящнаго вкуса. Однако, въ очень многихъ случаяхъ національное и даже интернаціональное объединеніе производства явится технической необходимостью. Совершенно несомнѣнно, напримѣръ, что каждая отдѣльная коммуна не въ состояніи собственными силами добывать всѣ необходимые для нея металлы, просто потому, что богатыя залежи рудъ самою природой сосредоточены въ немногихъ пунктахъ земного шара. Равнымъ образомъ, отнюдь не по винѣ капитализма кавказская и американская нефть удовлетворяетъ въ настоящее время міровую потребность въ этомъ продуктѣ; и даже анархо-коммунистическая революція врядъ ли въ состояніи заставить нефтяные источники равномѣрно распредѣлиться по всѣмъ коммунамъ. Въ міровыхъ размѣрахъ необходима организація транспортнаго и почтоваго дѣла. Даже съ такимъ повсемѣстнымъ занятіемъ, какъ земледѣліе, дѣло обстоитъ далеко не такъ благополучно, какъ это представляется съ перваго взгляда. Кропоткинъ рекомендуетъ коммунамъ будущаго наиболѣе интенсивныя системы земледѣльческой культуры, разсчитывая при этомъ на колоссальное повышеніе производительности труда. Къ сожалѣнію, однако, разсчеты его, построенные на единичныхъ примѣрахъ, весьма мало убѣдительны. Массовыхъ систематизированныхъ данныхъ по этому во-

просу, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ; но цѣлый рядъ косвенныхъ соображеній заставляетъ предполагать, что высоко интенсивные методы земледѣлія, въ громадной степени повышая производительность земли, отнюдь не повышаютъ, а скорѣе понижаютъ производительность человѣческаго труда. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже тотъ—столь утѣшающій всякаго рода оппортунистовъ—фактъ, что капитализмъ оказывается «несостоятельнымъ» въ области интенсивнаго земледѣлія. «Несостоятельность» эта выражается, какъ извѣстно, въ томъ, что капиталисты находятъ невыгоднымъ для себя вести интенсивное земледѣльческое хозяйство и потому предоставляютъ мелкимъ хозяйчикамъ густо населенныхъ странъ воздѣлывать свои поля огороднымъ способомъ, а сами организуютъ въ широкихъ размѣрахъ экстенсивное хозяйство гдѣ-нибудь въ свободныхъ степяхъ Америки. И хлѣбъ, произведенный за океаномъ этимъ «несовершеннымъ» способомъ, весьма успѣшно вытѣсняетъ съ рынка мѣстный продуктъ самой «совершенной», архиинтенсивной культуры. Существуетъ цѣлый рядъ другихъ указаній, заставляющихъ предполагать, что интенсификація земледѣлія за извѣстными предѣлами приводитъ къ чисто хищнической растратѣ человѣческаго труда. Мелкій самостоятельный производитель, ковыряющій лопатой свой клочекъ земли, вынужденъ мириться съ такимъ расхищеніемъ своей энергіи просто потому, что онъ все равно не въ состояніи употребить ее болѣе производительнымъ способомъ; сей блестящій представитель «прогрессивныхъ» теченій въ сельскомъ хозяйствѣ, если попристальнѣе къ нему приглядѣться, оказывается въ сущности представителемъ резервной арміи капитала въ той ея формѣ, которую Марксъ называлъ «скрытой». Очень возможно, такимъ образомъ, что соціалистическому хозяйству придется не покровительствовать интенсивнымъ

культурамъ, а, наоборотъ, организовать въ широкихъ размѣрахъ расчистку и распашку свободныхъ земель и обслуживать густо населенныя страны хлѣбомъ, добытымъ путемъ экстенсивной обработки дѣвственныхъ почвъ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что централизація производства технически необходима въ очень и очень многихъ отрасляхъ производства. Но такія отрасли вовсе не должны быть даже многочисленны для того, чтобы сосредоточеніе соціалистическаго производства въ рамкахъ небольшихъ коммунъ стало невозможнымъ. Если въ соціалистическомъ строѣ хоть одна отрасль массоваго производства требуетъ міровой организаціи, то и всѣ остальныя отрасли должны быть организованы въ тѣхъ же размѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, работники интернаціонально организованнаго производства нуждаются въ продуктахъ всѣхъ другихъ производствъ, и, наоборотъ, работники этихъ послѣднихъ нуждаются въ продуктахъ, вырабатываемыхъ интернаціональнымъ производствомъ. Но поскольку между участниками всѣхъ вѣтвей и подраздѣленій производства необходимъ обмѣнъ въ интернаціональномъ масштабѣ, постольку съ уничтоженіемъ товарнаго рынка необходима планомѣрная интернаціональная организація, охватывающая все производство. Итакъ, соціалистическая организація не можетъ ограничиться не только коммунальными, но и національными рамками. Соціалистическое производство есть организація всемірная.

VIII.

Техническія и отрицательныя общественныя предпосылки соціализма.

Мы разсмотрѣли нѣкоторыя условія, внѣ которыхъ немыслима побѣда соціализма. Соціализмъ не можетъ по-

степенно развиться въ нѣдрахъ капиталистическаго общества, соціализмъ не можетъ санкціонировать нормъ, ограничивающихъ заранѣе установленными рамками развитіе производительныхъ силъ. Но изъ этого, конечно, отнюдь еще не вытекаетъ, что торжество соціализма въ какой бы то ни было формѣ неизбѣжно, или хотя бы только возможно. Каковы же тѣ силы, которыя фактически подготовляютъ почву для соціалистической революціи, каковы «предпосылки» соціализма?

По Марксу эти предпосылки осуществляются въ слѣдующихъ «тенденціяхъ развитія». По мѣрѣ того, какъ растетъ капитализмъ, разрушая и поглощая болѣе раннія производственныя формы, обостряется присущее ему противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ присвоеніемъ продуктовъ; тотъ же самый процессъ роста производительныхъ силъ, который приводитъ къ расширенію производства, автоматически сокращаетъ рынокъ сбыта; вслѣдствіе этого, кризисы, непосредственно обусловленные анархіей производства, все болѣе и болѣе обостряются, и наступаетъ, наконецъ, производственная катастрофа, отъ которой капитализмъ не въ состояніи оправиться собственными силами, — передъ обществомъ встаетъ альтернатива: или погибнуть или взять въ свои руки планомѣрную организацію производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ создаются условія, облегчающія эту послѣднюю задачу. Съ одной стороны, благодаря вытѣсненію мелкихъ капиталистовъ крупными средства производства сосредоточиваются въ концѣ концовъ въ рукахъ немногихъ магнатовъ капитала, и, такимъ образомъ, производство уже самимъ капитализмомъ централизуется по чтивъ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, которые необходимы для соціалистической его организаціи; на ряду съ этимъ число лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ сохраненіи стараго строя, сводится къ ничтож-

ной кучкѣ промышленныхъ королей. Съ другой стороны, пролетаріатъ, включающій въ свои ряды все большую и большую часть населенія, все интенсивнѣе испытываетъ на себѣ капиталистическую эксплуатацію: растетъ угнетеніе пролетаріата, но въ то же время растетъ его матерьяльная сила, его организованность, создаваемая самой техникой фабричнаго труда, его озлобленіе противъ господствующаго строя; увеличивается, слѣдовательно, революціонная рѣшимость рабочихъ массъ бороться за соціализмъ и въ то же время ихъ способность побѣдоносно завершить эту борьбу, т. е. захватить въ свои руки государственную власть и при ея помощи организовать производство на новыхъ началахъ.

Какъ извѣстно, эти положенія Маркса вызвали громаднѣйшую критическую литературу,—прежде всего въ буржуазномъ лагерѣ, а затѣмъ и среди самихъ соціалистовъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться съ надлежащей обстоятельностью на этой «ревизіонистской» работѣ, и потому мы попытаемся лишь въ самомъ сжатомъ видѣ формулировать ея итоги.

Попытка подвергнуть критическому пересмотру теорію кризисовъ Маркса была сдѣлана въ Россіи въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Туганъ-Барановскимъ и Булгаковымъ. Эти писатели—въ то время ярые «марксисты»—старались побить Маркса самимъ же Марксомъ, доказать возможность безграничнаго развитія самодовлѣющаго капиталистическаго производства, исходя изъ теоріи реализаціи, изложенной во II томѣ «Капитала». Основная мысль ихъ заключается въ томъ, что сокращеніе рынка для предметовъ непосредственнаго потребленія отнюдь еще не способствуетъ само по себѣ обостренію промышленныхъ кризисовъ. Кризисъ обусловливается не абсолютными размѣрами сбыта предметовъ потребленія, а неправильнымъ распредѣленіемъ капитала

между производствомъ средствъ существованія и производствомъ средствъ производства. И если весь общественный капиталъ будетъ затрачиваться на эти два подраздѣленія производства въ опредѣленномъ, строго установленномъ соотношеніи, то капиталистическое хозяйство, даже вполнѣ изолированное и замкнутое въ самомъ себѣ, можетъ развиться безпредѣльно.

Расчеты, положенные въ основу этого вывода, вызвали цѣлый рядъ возраженій, на которыхъ мы не будемъ останавливаться. Замѣтимъ только, что теорія Т.-Барановскаго-Булгакова была бы мало убѣдительна даже въ томъ случаѣ, если бы сокращеніе рынка предметовъ потребленія дѣйствительно не отражалось на ходѣ развитія капиталистическаго производства. Очевидно въ самомъ дѣлѣ, что строгое соблюденіе пропорціи, обезпечивающей безпрепятственную реализацію товаровъ на рынкѣ, возможно только при планомѣрной общественной организаціи производства. Капитализмъ же можетъ приспособляться къ этой пропорціи лишь стихійно, т. е. подъ давленіемъ кризиса, вызваннаго отклоненіемъ отъ нея; поэтому кризисъ, хотя быть можетъ и не столь рѣзкій, какъ это представлялъ себѣ Марксъ, долженъ стать хроническимъ состояніемъ самодовлѣющаго капитализма.

Быстрое и неправильное расширеніе производства, характерное для капитализма, происходитъ безпрепятственно лишь до тѣхъ поръ, пока имѣются налицо некапиталистическія области, на счетъ которыхъ осуществимо такое же быстрое и такое же неправильное расширеніе сбыта. Такимъ образомъ, завоеваніе внѣшнихъ рынковъ—«внѣшнихъ» не въ смыслѣ «заграничныхъ», а въ смыслѣ «некапиталистическихъ»—имѣетъ самое жизненное значеніе для развитія капитализма. Разъ эта перспектива исчезаетъ, разъ весь міръ уже захваченъ капитализмомъ, періоды продолжительнаго и интенсив-

наго расцвѣта становятся все менѣе и менѣе возможными,—поскольку, разумѣется, капитализмъ остается капитализмомъ, т. е. «анархическимъ» производствомъ. Итакъ, въ сущности теорія реализаціи доказываетъ возможность безпредѣльнаго развитія не для самодовлѣющаго капитализма, а для нѣкотораго совершенно фиктивнаго общественнаго строя, соединяющаго въ себѣ капиталистическую эксплуатацію и соціалистическую планомѣрность производства.

Впрочемъ, въ литературѣ—и даже соціалистической—не было недостатка въ произведеніяхъ, которыя стремились доказать, что такая капиталистически-планомѣрная организація производства не фикція, а дѣйствительная тенденція развитія. Указывалось на то, что съ развитіемъ средствъ сообщенія и повышеніемъ освѣдомленности анархія производства устраняется самимъ капитализмомъ,—процессъ, которому въ особенности благопріятствуетъ сосредоточеніе производства въ рукахъ предпринимательскихъ союзовъ—трестовъ, картелей и т. п. Э. Бернштейнъ, выступившій защитникомъ этого взгляда, утверждалъ даже категорически, что отнынѣ кризисы невозможны, что кризисы—это дѣтская болѣзнь капитализма... и утверждалъ это какъ разъ наканунѣ кризиса, охватившаго въ 1900—1901 г.г. міровую промышленность.

Въ настоящее время даже человѣкъ, настолько далекій отъ «ортодоксальнаго» марксизма, какъ профессоръ Зомбартъ, признаетъ, что марксова теорія кризисовъ въ основѣ своей выдержала испытаніе полувѣковой теоретической и практической критики. Опытъ свидѣтельствуетъ только, что рессурсы капитализма исчерпываются далеко не такъ быстро, какъ думали Марксъ и Энгельсъ въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Съ другой стороны, тотъ окончательный кризисъ, который рисовался Марксу въ видѣ мощнаго девятаго вала, разбивающаго

въ щепы современный общественный корабль, долженъ, повидимому, принять менѣе рѣзкій, но гораздо болѣе затяжной характеръ. Капитализмъ стремится не къ острой катастрофѣ производства, а къ хроническому застою, мало-по-малу разлагающему производительныя силы общества.

Если эта поправка, отодвигающая конечный кризисъ и смягчающая его форму, почти не затрагиваетъ теоретической стороны произведеннаго Марксомъ анализа, то практически она, конечно, чревата весьма важными послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, если капиталистическому обществу уже въ ближайшемъ будущемъ грозитъ полное экономическое крушеніе, исключающее всякій иной выходъ, кромѣ соціализма, то, очевидно, подъ давленіемъ этой внѣшней желѣзной необходимости соціализмъ осуществимъ и дѣйствительно будетъ осуществленъ, несмотря на очень серьезныя внутреннія сопротивленія. Общество въ его цѣломъ *вынуждено* будетъ перейти къ соціализму, разъ оно не хочетъ умереть; при такихъ условіяхъ защитники стараго строя быстро исчезнутъ или потеряютъ всякую почву подъ ногами; всѣ интеллектуальныя и матерьяльныя силы общества будутъ направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе возстановить нарушенный хозяйственный процессъ на новомъ, единственно возможномъ основаніи, и соціализмъ восторжествуетъ неизбѣжно, восторжествуетъ, хотя бы концентрація производства была еще недостаточна, а рабочій классъ далеко не достигъ той сознательности и организованности, которыя ему необходимы для того, чтобы собственными силами совершить переворотъ.—Наоборотъ, хроническій застой, хотя и приводитъ въ конечномъ счетѣ къ разложенію и смерти общества, не можетъ вызвать такой рѣшительной перегруппировки общественныхъ силъ. Въ исторіи извѣстны примѣры обществъ,

медленно разлагавшихся въ теченіе ряда вѣковъ, при полномъ равнодушіи къ этому процессу гніенія со стороны господствующихъ классовъ, при систематическомъ подавленіи всякаго рода реформаторскихъ попытокъ снизу. Поэтому, разъ тенденція капиталистическаго развитія приводитъ лишь къ медленному разложенію производства, а не хозяйственной катастрофѣ, то особенную важность пріобрѣтаетъ вопросъ: нарождаются ли параллельно съ такимъ процессомъ распада творческія силы, стремящіяся разбить оковы умирающаго строя, создать новое общество? и если да, то могутъ ли они пріобрѣсти достаточно мощи, чтобы на дѣлѣ совершить этотъ переворотъ?

Мы подошли къ общественнымъ предпосылкамъ соціализма. Возраженія, пытающіяся подвергнуть сомнѣнію наличность этихъ предпосылокъ, опираются обыкновенно на статистическія данныя и вкратцѣ сводятся къ слѣдующему. Концентрація производства, хотя и совершается въ области обрабатывающей промышленности, но далеко не особенно быстро; въ большинствѣ странъ даже тѣ отрасли промышленности, гдѣ крупное производство имѣетъ несомнѣнныя преимущества, все еще отличаются раздробленностью и во всякомъ случаѣ очень далеки отъ сосредоточенія въ рукахъ единаго централизованнаго управленія. Притомъ—и это особенно важно—число капиталистовъ отнюдь не уменьшается въ той же пропорціи, въ которой концентрируется производство. Сосредоточеніе производства совершается не путемъ вымиранія болѣе слабыхъ капиталистовъ, а путемъ объединенія ихъ съ болѣе сильными въ общія предпринимательскія ассоціаціи; развитіе акціонернаго дѣла приводитъ къ тому, что увеличеніе числа собственниковъ идетъ параллельно концентраціи предпріятій. Такимъ образомъ, численность и сила класса, стоящаго на стражѣ капитализма, не уменьшается, а возрастаетъ. Далѣе,

численность мелкой буржуазіи, т. е. самостоятельныхъ мелкихъ товаропроизводителей все еще остается огромной—даже въ обрабатывающей промышленности наиболѣе развитыхъ и быстро прогрессирующихъ странъ, какова, напримѣръ, Германія. Наконецъ, въ сельскомъ хозяйствѣ капиталистической концентраціи производства вовсе не наблюдается; здѣсь имѣетъ мѣсто скорѣе обратный процессъ раздробленія: мелкое производство торжествуетъ надъ крупнымъ по всей линіи.

Эти поправки къ «марксистской догмѣ» выдвигаются впередъ всѣми противниками революціонной соціальдемократіи; причемъ выводы изъ нихъ дѣлаются совершенно различные, въ зависимости отъ того, какой именно сторонѣ соціальдемократическаго движенія не сочувствуетъ данная группа критиковъ.

Критики изъ буржуазнаго лагеря умозаключаютъ отсюда, что соціализмъ вообще—вредная утопія, что соціальдемократическая пропаганда только мѣшаетъ рабочимъ всецѣло отдаться единственно «реальной» политикѣ реформъ на почвѣ существующаго строя; наиболѣе радикальные и объективные изъ этой группы критиковъ соглашаются условно признать законность соціальдемократизма, какъ преходящаго «настроенія» рабочихъ, вызваннаго эксцессами слишкомъ прямолинейной классовой политики буржуазнаго государства.

Оппортунистическое крыло соціалистовъ, принимая посылки буржуазныхъ критиковъ, пытается смягчить ихъ выводы; согласно этому ученію, невозможенъ не соціализмъ вообще, а только «ортодоксальный», т. е. революціонный путь осуществленія соціализма; въ чемъ заключается «возможный» неортодоксальный путь, остается, къ сожалѣнію, тайной оппортунистовъ (теорія «вростанія» большинствомъ изъ нихъ уже не защищается),—извѣстно только, что путь этотъ долженъ быть «мирный».

Наконецъ, анархисты и близкія къ нимъ группы, указывая на возрастающую мощь капитала, настаиваютъ на томъ, что съ соціалистической революціей надо спѣшить; каждый дальнѣйшій шагъ въ развитіи капитализма не облегчаетъ, а затрудняетъ возможность переворота.

Всѣ эти теоріи съ одинаковой побѣдоносностью противопоставляютъ себя «обанкротившейся» ортодоксіи,— но уже одинъ тотъ фактъ, что столь разнообразные выводы дѣлаются изъ однѣхъ и тѣхъ же посылокъ, заставляетъ усумниться въ прочности позиціи многочисленныхъ могильщиковъ марксизма.

Въ марксистской литературѣ не разъ подвергались обстоятельному разбору фактическія данныя, положенныя въ основу теорій, ниспровергающихъ ортодоксію; при этомъ зачастую оказывалось, что даже самый цифровой матерьялъ, на который опираются «поправки» къ установленнымъ Марксомъ тенденціямъ развитія, далеко не безспоренъ. Однако мы не можемъ здѣсь подвести итоговъ этой полемикѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы углубиться въ детали, несовмѣстимыя съ общимъ характеромъ настоящей работы. Мы допустимъ поэтому самое неблагопріятное для революціоннаго соціализма, - допустимъ, что въ общемъ и цѣломъ всѣ цифровыя данныя критиковъ правильны, и посмотримъ, въ какой степени это должно отразиться на нашемъ практическомъ отношеніи къ «проблемѣ соціализма».

Итакъ, прежде всего вопросъ о концентраціи производства. Какъ далеко должна подвинуться концентрація въ данной отрасли промышленности для того, чтобы послѣдняя могла войти въ составъ соціалистически организованнаго производства?—Уже съ перваго взгляда очевидно, что соціалистамъ вовсе нѣтъ необходимости дожидаться того момента, когда само капиталистическое

развитіе сосредоточитъ всѣ предпріятія каждой отрасли производства подъ руководствомъ единаго центральнаго управленія. Тѣ, которые считаютъ утопіей быстрое «революціонное» объединеніе въ одно организованное цѣлое отрасли производства, раздробленной между десятками самостоятельныхъ капиталистовъ, забываютъ, что утопія эта неоднократно и притомъ съ большою легкостью осуществлялась на практикѣ. Она осуществлялась каждый разъ, когда возникалъ новый предпринимательскій трестъ. Организаторы трестовъ менѣе всего придерживаются той мирной «реальной» политики, которую солидные буржуазные ученые такъ рекомендуютъ рабочимъ; они отнюдь не склонны выжидать, пока естественная эволюція капитализма устранитъ всѣ мелкія и технически несовершенныя предпріятія, но обнаруживаютъ пагубную наклонность дѣйствовать путемъ насильственныхъ переворотовъ. Захвативъ всѣми правдами и неправдами власть въ данной отрасли производства, они однимъ революціоннымъ ударомъ уничтожаютъ десятки отсталыхъ и несовершенныхъ предпріятій, пуская въ ходъ лишь нѣсколько наиболѣе совершенныхъ фабрикъ. И при этомъ, благодаря строго раціональной постановкѣ дѣла, эти нѣсколько объединенныхъ подъ центральнымъ руководствомъ треста предпріятій начинаютъ производить продукта больше, чѣмъ производилось раньше многими десятками самостоятельныхъ капиталистовъ.

Было бы, конечно, нелѣпостью утверждать, что для соціалистическаго режима технически недоступно то, что на каждомъ шагу совершаютъ капиталистическія компаніи. Нельзя, наоборотъ, не согласиться съ мнѣніемъ Каутскаго, что побѣдоносный пролетаріатъ встрѣтитъ при выполненіи этой задачи гораздо меньше затрудненій, чѣмъ встрѣчаютъ ихъ въ настоящее время тресты.—

Тресту приходится при своемъ возникновеніи преодолѣвать двоякаго рода препятствія: во-первыхъ, со стороны отдѣльныхъ предпринимателей, которые иногда до послѣдней капли денегъ борются за свою самостоятельность,— во-вторыхъ, со стороны рабочихъ, которые массами выбрасываются на улицу, вслѣдствіе закрытія цѣлаго ряда фабрикъ. Между тѣмъ при соціалистическомъ объединеніи отрасли производства занятые въ ней рабочіе получаютъ непосредственную выгоду отъ самаго раскассированія несовершенныхъ предпріятій,—не говоря уже о другихъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, которыя несетъ съ собой соціализмъ. При трестификаціи рабочіе закрытыхъ технически отсталыхъ фабрикъ въ значительной своей массѣ вовсе теряютъ заработокъ, при соціализаціи они всѣ переходятъ въ болѣе совершенныя предпріятія,—и уже одно это даетъ возможность сильно сократить рабочій день, расширяя въ то же время размѣры производства, т. е. повышая жизненный уровень рабочихъ. Такимъ образомъ, имѣя въ рукахъ достаточную соціальную силу, всегда возможно быстро устранить въ каждой данной отрасли отсталыя предпріятія и организовать производство, пользуясь исключительно самыми высшими формами существующей техники.

Условіе, необходимое для быстраго «революціоннаго» превращенія капиталистической анархіи въ планомѣрную организацію, заключается не въ фактическомъ объединеніи каждой данной отрасли производства, а въ *технической цѣлесообразности* такого объединенія и въ наличности достаточнаго числа предпріятій, которыя легко могутъ быть приспособлены къ требованіямъ наивысшей техники.

Но вотъ вопросъ: имѣется ли во всѣхъ отрасляхъ производства хотя бы эта минимальная техническая предпосылка соціализма?—или, по крайней мѣрѣ, под-

готовляется ли она ходомъ капиталистическаго развитія? На этотъ вопросъ мы уже согласились отвѣтить отрицательно. Мы уже допустили, что въ такой важной отрасли хозяйства, какъ земледѣліе, не наблюдается концентраціи производства. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или соціализмъ вообще невозможенъ до тѣхъ поръ, пока новыя изобрѣтенія или какія-либо иныя обстоятельства не измѣнятъ коренным образомъ характеръ развитія земледѣльческаго хозяйства,—или же для осуществленія соціализма вовсе не требуется, чтобы только что формулированная нами техническая предпосылка имѣлась во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ производства. На первомъ выводѣ настаивалъ г. Булгаковъ, критикуя программную часть книги Каутскаго «Аграрный вопросъ». По мнѣнію г. Булгакова, соціализація обрабатывающей промышленности при сохраненіи индивидуальнаго производства въ земледѣліи была бы соціальнымъ чудомъ. Соціальдемократы, вообще говоря, придерживаются второго взгляда, т. е. допускаютъ возможность успѣшнаго соціалистическаго переворота, оставляющаго неприкосновеннымъ мелкое производство въ земледѣліи и даже нѣкоторыхъ областяхъ обрабатывающей промышленности.—Но не противорѣчитъ ли такой взглядъ тому, что мы говорили раньше о невозможности постепеннаго вростанія соціализма въ товарное производство, о необходимости одновременно подчинить все общественное хозяйство единой цѣлесообразной организаціи?

Для того, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, уяснимъ прежде всего самую постановку его.

Постепенное завоеваніе современнаго производства соціалистическими организаціями является, какъ мы видѣли, неосуществимымъ потому, что въ рамкахъ современнаго строя всякое рѣшительно предпріятіе, съ какими бы благими соціалистическими намѣреніями оно ни осно-

вывалось, должно приспособляться къ требованіямъ капиталистическаго товарнаго рынка, должно, слѣдовательно, само превратиться въ товарно-капиталистическое предпріятіе, разъ оно хочетъ жить и развиваться. Соціализмъ долженъ немедленно овладѣть обращеніемъ товаровъ, устранить анархію рынка.

Но для планомѣрной организаціи обращенія продуктовъ вовсе не требуется, чтобы всѣ они безъ исключенія производились въ общественно организованныхъ предпріятіяхъ. — Представимъ себѣ, что все общественное хозяйство распадается только на три строго спеціализированныя отрасли промышленности: А — производство орудій труда, В — производство одного вида предметовъ потребленія (напримѣръ, какой-нибудь одежды) и С — производство другого вида предметовъ потребленія (напр., какого-нибудь пищевого продукта) [1]). Допустимъ сначала, что технически подготовлено къ соціализаціи и дѣйствительно соціализировано только одно подраздѣленіе А, въ то время какъ въ подраздѣленіяхъ В и С господствуютъ по прежнему отдѣльныя самостоятельныя предпріятія. При такихъ условіяхъ обобществленная часть производства имѣетъ мало шансовъ овладѣть рынкомъ и подчинить его себѣ. Ибо, хотя всѣ участники подраздѣленій В и С нуждаются въ продуктахъ А, но далеко не всѣ продукты В и С покупаются подраздѣленіемъ А. Значительная и, быть можетъ, даже доминирующая масса продуктовъ В потребляется въ С и наоборотъ. Такимъ образомъ, соціалистическое А лишено возможности непосредственно

---

[1]) Я прекрасно понимаю, что никакое общество не въ состояніи удовлетвориться однимъ видомъ орудій, однимъ видомъ одежды и пищи,—но приближеніе къ дѣйствительности въ данномъ случаѣ только усложнило бы расчеты, не внося никакихъ измѣненій въ ходъ аргументаціи по существу.

регулировать обращеніе продуктовъ и скорѣе вынуждено само подчиниться регулирующему вліянію товарнаго рынка, т. е. вынуждено утратить свой соціалистическій характеръ.

Предположимъ теперь, что соціализировано и А и В, и только въ С сохраняется индивидуальное производство. Не забудемъ, что по нашему предположенію отрасли производства строго спеціализированы, т. е. въ В производится только одинъ видъ одежды, въ С только одинъ видъ пищи. На рынокъ выносится только то, что не потребляется самими производителями, а слѣдовательно, обмѣнъ существуетъ лишь между А+В и С, но не въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго подраздѣленія. Очевидно, въ этомъ второмъ примѣрѣ всѣ продукты, изготовленные индивидуалистической частью производства, потребляются въ соціалистической его части. А+В составляютъ единственную область сбыта для С, а такъ какъ А+В соціализированы, подчинены планомѣрной организаціи, то они выступаютъ по отношенію къ С не въ качествѣ «рынка», а въ качествѣ единаго *заказчика*, который не только можетъ, но даже вынужденъ регулировать производство работающихъ на него поставщиковъ,— вынужденъ прежде всего заранѣе опредѣлить количество необходимаго для него продукта и, слѣдовательно, уничтожить анархическій, товарный характеръ обращенія. Итакъ, соціалистическій переворотъ осуществимъ, разъ соціализированная часть производства сможетъ взять на себя роль заказчика на главнѣйшіе продукты массового потребленія, изготовляемые внѣ ея.

Если съ этимъ критеріемъ въ рукахъ подойти къ современному капитализму, то нельзя не признать, что уже въ настоящее время въ большинствѣ культурныхъ странъ соціалистическій переворотъ не встрѣтилъ бы на своемъ пути непреодолимыхъ техническихъ препятствій.

Не забудемъ прежде всего, что въ расчетъ должны быть приняты лишь тѣ отрасли производства, которыя выбрасываютъ свой продуктъ на широкій капиталистическій рынокъ массового сбыта. Слѣдовательно, совершенно остаются въ сторонѣ виды промышленности, носящіе характеръ личныхъ услугъ или работы на заказчика, т. е. такія, напримѣръ, профессіи, какъ парикмахеры, полотеры, трубочисты, безчисленныя категоріи мелкихъ ремесленниковъ, занимающихся починкой и т. п. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что въ положеніе этихъ лицъ соціализмъ не внесетъ никакихъ измѣненій. Отнюдь нѣтъ; такъ какъ немедленнымъ результатомъ введенія соціализма будетъ значительное повышеніе жизненнаго уровня рабочихъ, занятыхъ въ соціализированныхъ предпріятіяхъ, и такъ какъ при соціалистическомъ веденіи производства каждый новый работникъ —желанный гость въ любой отрасли труда, то будущему обществу удастся сохранить перечисленныя выше профессіи лишь въ томъ случаѣ, если матерьяльное и моральное положеніе ихъ участниковъ будетъ не ниже, чѣмъ во всѣхъ другихъ областяхъ промышленности. Мы говоримъ только о томъ, что типъ отношеній между производителями данной категоріи и потребителями можетъ сохраниться прежній безъ малѣйшаго ущерба для дѣла соціалистическаго переустройства.

Но преобладающая масса мелкихъ самостоятельныхъ производителей въ обрабатывающей промышленности принадлежитъ именно къ профессіямъ, носящимъ характеръ работы на заказчика (ремесленники-одиночки) или личныхъ услугъ. Что касается производства продуктовъ массового потребленія, то здѣсь лица, которыхъ оффиціальная статистика регистрируетъ, какъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, относятся, за самыми ничтожными исключеніями (за исключеніемъ, напр., нѣкото-

рыхъ видовъ художественнаго ремесла), къ слѣдующимъ двумъ категоріямъ работниковъ. Это, во-первыхъ, представители резервной арміи капитала въ ея скрытой формѣ, — одиночки, пытающіеся конкуррировать съ крупнымъ производствомъ путемъ чрезмѣрнаго удлиненія рабочаго дня и чрезмѣрнаго сокращенія потребностей. Поступить на фабрику,—не соціалистическую, а современную, капиталистическую, эксплуататорскую фабрику, —вотъ завѣтная мечта этихъ «самостоятельныхъ» производителей. Во-вторыхъ, передъ нами подъ видомъ «самостоятельныхъ» фигурируютъ наемные рабочіе такъ называемой «домашней системы промышленности», т. е. рабочіе, занимающіеся производствомъ у себя на дому, но изъ матерьяла, принадлежащаго капиталисту. Въ работѣ Зомбарта «Современный капитализмъ» читатель найдетъ данныя, съ полной убѣдительностью доказывающія, что въ Германіи именно эта форма капиталистической зависимости фактически господствуетъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ статистика указываетъ преобладаніе мелкаго самостоятельнаго производства. Даже «лавочникъ» — этотъ синонимъ типичнаго мелкаго буржуя—не составляетъ исключенія: и онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывается лишь рабочимъ домашней системы промышленности, во главѣ которой стоитъ то крупный купецъ, то богатый домовладѣлецъ.

Широкое распространеніе домашней промышленности объясняется не тѣмъ, что сосредоточеніе производства въ данномъ случаѣ не повысило бы производительности труда, а исключительно тѣмъ, что такое сосредоточеніе капиталистически не выгодно при низкой оплатѣ труда рабочихъ домашней промышленности. Во всякомъ случаѣ, такихъ отраслей труда, гдѣ система домашней промышленности господствовала бы исключительно, уже очень немного. Но даже тамъ, гдѣ это имѣетъ мѣсто, быстрое

сосредоточеніе производства не представляетъ непреодолимыхъ техническихъ трудностей. Многіе —и при томъ не только соціалисты, но и буржуазные филантропы—доказываютъ, что уже теперь, при господствѣ капитализма, вполнѣ осуществимъ былъ бы законъ, воспрещающій раздачу работы на домъ и обязывающій всѣхъ безъ исключенія предпринимателей отводить собственное помѣщеніе для работъ. Въ обрабатывающей промышленности развитыхъ капиталистическихъ странъ мы едва ли встрѣтимъ хоть одну отрасль массового производства, въ которой соціализація была бы технически невозможна.

Остается, такимъ образомъ, только земледѣліе, которое на первыхъ порахъ несомнѣнно должно было бы сохранить индивидуалистическій характеръ, если бы соціалистическій переворотъ произошелъ при современныхъ условіяхъ производственной техники. И при томъ только земледѣліе въ узкомъ и строгомъ смыслѣ слова: такъ называемыя побочныя отрасли сельскаго хозяйства, какъ напр., производство молочныхъ продуктовъ, мяса и т. п., уже теперь — при капитализмѣ — пріобрѣтаютъ мало-по-малу крупную централизованную организацію. Но, само собою разумѣется, продукты чистаго спеціализированнаго земледѣлія, поскольку они не потребляются на мѣстѣ самими производителями, могутъ потребляться только участниками обрабатывающей промышленности. И разъ послѣдняя, за ничтожными исключеніями, соціализирована, она имѣетъ полную возможность взять на себя роль заказчика на всѣ продукты земледѣльческаго производства. Не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ области, въ которыхъ объединеніе производства уже теперь технически цѣлесообразно и фактически осуществимо, могли бы при соціализаціи подчинить своему контролю все обращеніе про-

дуктовъ. Другими словами, техническія предпосылки соціализма уже имѣются налицо; съ технической стороны переворотъ уже въ настоящее время достаточно подготовленъ въ передовыхъ странахъ капиталистическаго міра.

Какъ же обстоитъ дѣло съ тѣми соціальными силами, которыя должны сыграть активную роль въ этомъ переворотѣ?

Количество собственниковъ, говорятъ намъ, растетъ, несмотря на концентрацію производства, растетъ ихъ экономическая мощь, растетъ, слѣдовательно, сила сопротивленія капитализма. — Такъ ли это? Вѣрно ли, что сотня акціонеровъ объединеннаго предпріятія представляетъ столь же крупную соціальную силу, какъ и сотня независимыхъ капиталистовъ, самостоятельно ведущихъ каждый свое дѣло?

Соціальная сила данной группы людей опредѣляется не только численностью, но также—и это прежде всего—общественной ролью группы. Энергія, находчивость, стойкость, способность къ организаціи — всѣ эти качества, необходимыя для успѣшной соціальной борьбы, не отпускаются природой въ равномъ количествѣ каждому человѣческому экземпляру, но всецѣло зависятъ отъ тѣхъ функцій, изъ которыхъ складывается общественная жизнь человѣка. И само собой разумѣется, капиталистъ-организаторъ самостоятельнаго производства безконечно болѣе способенъ къ энергичной борьбѣ, нежели капиталистъ-паразитъ, отрѣзыватель купоновъ. А вѣдь именно къ такому превращенію класса организаторовъ производства въ классъ бездѣятельныхъ паразитовъ и приводитъ разбираемая нами тенденція развитія. Управленіе производствомъ все болѣе и болѣе сосредоточивается въ немногихъ рукахъ,—нерѣдко руководящая роль въ цѣлой отрасли промышленности принадлежитъ наемной дирекціи,—

вмѣстѣ съ тѣмъ бывшіе организаторы устраняются отъ активнаго участія въ хозяйственной жизни страны, становятся мирно почивающими на лаврахъ держателями процентныхъ бумагъ. При этомъ не можетъ не атрофироваться способность данной соціальной группы къ *самостоятельной* жизненной борьбѣ. Это не значитъ, конечно, что уже теперь, при капиталистическомъ строѣ, удѣльный вѣсъ класса капиталистовъ уменьшается по мѣрѣ развитія въ немъ паразитныхъ элементовъ. Въ капиталистическомъ обществѣ соціальная и политическая вліятельность опредѣляется не личной активностью и жизнеспособностью людей, а количествомъ сосредоточенныхъ въ ихъ рукахъ «цѣнностей». Полная удовлетворенность держателей цѣнностей, спокойное, довѣрчивое отношеніе ихъ къ общему ходу дѣлъ есть необходимое условіе правильнаго функціонированія капиталистическаго механизма. Промышленнымъ рантье нѣтъ надобности лично отстаивать свои интересы, нѣтъ даже надобности уяснять себѣ, какія именно мѣры лучше всего гарантируютъ ихъ благосостояніе; сотни услужливыхъ головъ среди бюрократовъ промышленности и государства неусыпно думаютъ за нихъ, предупреждая малѣйшіе поводы къ неудовольствію съ ихъ стороны, стараясь обезпечить устойчивость ихъ доходовъ. Пока существуетъ капиталистическая система хозяйства, паразитизмъ властителей купона есть высшая форма приспособленія къ средѣ,—затрата энергіи, необходимая для поддержанія жизни, сведена здѣсь къ предѣлу теоретически мыслимаго минимума, къ нулю. Но дѣло совершенно измѣняется съ наступленіемъ момента, когда самая капиталистическая система оказывается подъ знакомъ вопроса, когда бумажныя «цѣнности» грозятъ утратить свою магическую силу и начинаютъ импонировать столь же мало, какъ и всякіе другіе, неквалифицированные клочки бумаги. Вотъ тутъ то, подъ уда-

рами соціальной бури и произойдетъ переоцѣнка соціальныхъ цѣнностей: то, что знаменовало силу бумажныхъ аристократовъ — ихъ освобожденіе отъ всякой личной борьбы, атрофія способности къ организованному натиску и сопротивленію—станетъ источникомъ ихъ слабости, источникомъ ихъ неизбѣжнаго пораженія.—Возрастаніе числа собственниковъ, идущее параллельно концентраціи производства, не увеличиваетъ, а уменьшаетъ потенціальную энергію ихъ сопротивленія соціальному перевороту.

Намъ могутъ возразить, что «собственниками»—акціонерами промышленныхъ предпріятій являются не одни паразиты-рантье. Значительная часть сбереженій «трудовыхъ» слоевъ населенія также помѣщается сюда. Англійскіе и американскіе капиталисты зачастую выпускаютъ особыя дешевыя акціи и прилагаютъ спеціальныя старанія къ тому, чтобы распространить ихъ среди своихъ рабочихъ и такимъ образомъ заинтересовать послѣднихъ въ безостановочномъ и интенсивномъ развитіи доходности предпріятія.—Къ сожалѣнію, однако, никакими ухищреніями нельзя превратить каждаго мелкаго буржуа въ крупнаго капиталиста, и еще труднѣе сдѣлать рабочаго своимъ собственнымъ эксплуататоромъ. Хотя число мелкихъ акціонеровъ очень значительно, но на долю каждаго приходится такая гомеопатическая доза «собственности», что въ общей суммѣ капиталъ ихъ составляетъ лишь ничтожную часть цѣнности, сосредоточенной въ рукахъ настоящихъ, чистыхъ капиталистовъ. Для соціалистическаго режима нѣтъ поэтому никакой необходимости и никакого интереса экспропріировать эти жалкія ренты. Собственники накопленныхъ трудовыхъ грошей могутъ быть совершенно спокойны за свои «сбереженія»,— отъ соціализма имъ не грозитъ ни малѣйшей опасности [1]).

[1]) Каутскій предлагаетъ очень остроумный способъ вознаградить мелкихъ рантье, не вознаграждая крупныхъ. Для этого стоитъ только

Но если мелкіе буржуа, въ качествѣ владѣльцевъ процентныхъ бумагъ, не имѣютъ особаго основанія противиться соціализму, то не являются ли они его злѣйшими врагами, въ качествѣ самостоятельныхъ производителей, одержимыхъ фанатизмомъ собственности?

Здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить, что самый объектъ этого фанатизма въ значительной степени разрушенъ капиталистическимъ развитіемъ. Чистый типъ мелкаго буржуа, т. е. соединеніе въ одномъ лицѣ работника и самостоятельнаго предпринимателя, непосредственно выносящаго свои продукты на рынокъ, является, какъ мы уже упоминали выше, рѣдкимъ исключеніемъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ о такой самостоятельности мелкаго производителя не можетъ быть и рѣчи; можно говорить лишь о формахъ его зависимости отъ капитала. Среди многочисленныхъ видоизмѣненій этихъ формъ выдѣляются двѣ основныя. Или капиталистъ служитъ только посредникомъ между рынкомъ и мелкимъ производителемъ, эксплуатируя послѣдняго, въ качествѣ скупщика; или капиталистъ не только скупаетъ продукты мелкаго производителя, но и снабжаетъ его средствами производства.

Очевидно, только въ первомъ случаѣ сохраняется почва для мелкобуржуазнаго «фанатизма», ибо только въ этомъ случаѣ мелкій хозяйчикъ болѣе или менѣе самостоятельно организуетъ и ведетъ свое производство. Этотъ типъ отношеній особенно распространенъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; и если бы соціализмъ угрожалъ крестьянину немедленнымъ лишеніемъ самостоятельности, превращеніемъ каждаго хозяйчика въ рабочаго обще-

---

выкупить по полной стоимости капиталистическія предпріятія и затѣмъ устранить всѣ доходы, превышающіе извѣстную норму, путемъ соотвѣтственно разсчитаннаго подоходно-прогрессивнаго налога.

ственно организованнаго крупнаго предпріятія, то онъ несомнѣнно встрѣтилъ бы въ крестьянской средѣ отчаянное сопротивленіе. Но, какъ мы уже говорили, соціалистическій переворотъ не можетъ взять на себя такой задачи, да вовсе и не нуждается въ ея *немедленномъ*, насильственномъ осуществленіи. Вся непосредственная перемѣна въ положеніи крестьянина сведется къ тому, что вмѣсто скупщика выступитъ, въ качествѣ *заказчика*, соціалистическая организація работниковъ обрабатывающей промышленности. Развитіе товарищескихъ формъ въ организаціи сельскохозяйственнаго производства будетъ, конечно, неизбѣжнымъ результатомъ побѣды соціализма, но оно возникнетъ самопроизвольно подъ вліяніемъ новой среды, оно не можетъ быть сразу декретировано сверху.—Такимъ образомъ, крестьянинъ, поскольку онъ самостоятельный работникъ на своей нивѣ, а не эксплуататоръ батрацкаго труда, сохранитъ самоопредѣленіе во всемъ, что касается веденія его «собственнаго» хозяйства, и лишь будетъ получать несравненно больше за свой трудъ, такъ какъ соціалистическое общество не имѣетъ ни интереса, ни фактической возможности подвергать его такой эксплуатаціи, какую онъ прежде выносилъ со стороны скупщика-ростовщика.

Что касается мелкой буржуазіи городовъ, то она почти сплошь уже утратила самостоятельность въ организаціи предпріятія. Она превратилась, какъ мы видѣли, въ рабочихъ домашней промышленности, для которыхъ, какъ и для всякихъ рабочихъ, соціализмъ несетъ съ собой только освобожденіе.

При такихъ условіяхъ мелкая буржуазія, казалось бы, уже теперь должна являться сторонницей соціализма. Мы знаемъ однако, что въ дѣйствительности этого не наблюдается. Только немногіе элементы мелкой буржуазіи увлекаются потокомъ пролетарскаго движенія, пре-

обладающая же масса ея продолжаетъ вездѣ сохранять свою обособленную позицію.

Правда, цѣльность мелкобуржуазнаго міровоззрѣнія давно уже разбита исторіей. Нашему времени совершенно чужды тѣ мощные, точно изъ одной каменной глыбы высѣченные фанатики «свободы, равенства и братства», которые въ славные дни конвента съ непоколебимой энергіей шли къ своему идеалу, безпощадно отсѣкая все то, что справа или слѣва мѣшало ихъ утопической мечтѣ воплотиться въ жизнь. Идеалъ братства свободныхъ и равныхъ товаропроизводителей не только потускнѣлъ съ тѣхъ поръ, впитавъ въ себя цѣлый рядъ компромиссовъ, но, что особенно характерно, онъ удалился изъ предѣловъ практической досягаемости. Идеологи мелкой буржуазіи выработали теорію, по которой всякій идеалъ тѣмъ то и «цѣненъ», что онъ абсолютно неосуществимъ и совершенно независимъ отъ жизни; соціалистическая конечная цѣль представляется имъ „низменной“ уже по одному тому, что соціалисты видятъ въ ней не заоблачную грезу, а реальную задачу, подлежащую воплощенію во всей ея полнотѣ. Эта возведенная въ принципъ оторванность идеала отъ жизни лучше всего показываетъ, насколько далеко ушло разложеніе даннаго класса, насколько безнадежными представляются ему самому мечты о соціальномъ строѣ, обезпечивающемъ торжество желательныхъ для него формъ и отношеній. Идеалы современной мелкой буржуазіи—это парадные аппартаменты ея скуднаго жилища; въ обычное время они крѣпко заперты на ключъ и открываются лишь для особо почетныхъ гостей и по особо торжественнымъ днямъ. На практикѣ мелкіе буржуа примиряются со своимъ подчиненіемъ власти капитала, какъ съ неумолимымъ рокомъ. Причемъ въ зависимости отъ характера этого подчиненія вырабатывается двоякое отношеніе къ господину.

Тамъ, гдѣ имѣется хоть какая-нибудь возможность смотрѣть на себя, какъ на существо привилегированное по сравненію съ «простымъ» рабочимъ, развивается характерная психологія излюбленныхъ, приближенныхъ слугъ. Взгляните, напримѣръ, на какого-нибудь мелкаго „клерка“, ничтожнаго „служащаго“ въ какой-нибудь капиталистической конторѣ или канцеляріи капиталистическаго государства. Съ какимъ великолѣпнымъ презрѣніемъ посматриваетъ онъ съ высоты своихъ обязательныхъ крахмальныхъ воротничковъ на засаленную куртку рабочаго! Въ полномъ согласіи съ теоріей автора «Буржуазной революціи и рабочаго дѣла» онъ относитъ себя къ командующимъ классамъ,—вѣдь онъ «интеллигентъ», одѣтый въ „господское“ платье. И вы ни за что не убѣдите его, что трудъ „простого“ рабочаго во многихъ профессіяхъ требуетъ несравненно большей интеллигентности, чѣмъ переписываніе бумагъ и щелканье на счетахъ. Даже нерѣдкое превосходство заработка у „рабочаго“ не всегда въ состояніи поколебать тотъ пьедесталъ, который воздвигъ себѣ «служащій».— Въ промышленныхъ странахъ идеологія „излюбленнаго слуги“ становится мало-по-малу характерной для тѣхъ слоевъ мелкой буржуазіи, которые у насъ въ Россіи принято называть „интеллигенціей“ Съ развитіемъ промышленнаго капитализма представители умственнаго труда —даже въ томъ случаѣ, если они принадлежатъ къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ—дѣлаются все болѣе и болѣе зависимыми отъ капитала. Являясь частью наемными организаторами, частью ближайшими исполнителями предначертаній капитала или капиталистическаго государства, «интеллигенты» въ общемъ и цѣломъ представляютъ дѣйствительно привилегированную группу слугъ современнаго строя. Кромѣ того, это своеобразное промежуточное положеніе даетъ интеллигенціи возмож-

ность въ моменты обостренія соціальныхъ противорѣчій сыграть роль того добавочнаго груза, присоединеніе котораго окончательно склоняетъ вѣсы въ ту или другую сторону. Вотъ почему даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ мелкая буржуазія далеко уже не составляетъ большинства, „общественное мнѣніе", направляющееся всегда по равнодѣйствующей борящихся соціальныхъ силъ, формируется преимущественно профессіональной «интеллигенціей».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда—какъ напримѣръ, въ типичной домашней промышленности—для иллюзіи привилегированности не остается никакого мѣста, основной тонъ мелкобуржуазной психологіи—приниженная, заискивающая покорность, стремленіе не прогнѣвить какънибудь господина, заслужить его милость. Такое настроеніе создаетъ самая форма эксплуатаціи, убивающая въ своихъ жертвахъ всякую способность къ систематической организованной борьбѣ, всякую вѣру въ свои собственныя силы.

Само собою разумѣется, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ приверженность мелкой буржуазіи къ ея господину—капиталу прочна лишь до тѣхъ поръ, пока власть послѣдняго грозна и непоколебима. Если бы стало для всѣхъ очевиднымъ, что въ рукахъ промышленныхъ рабочихъ уже сосредоточена сила болѣе значительная, чѣмъ та, которой располагаетъ капиталистическій классъ, мелкая буржуазія немедленно отшатнулась бы отъ своего обанкротившагося властителя. И уже въ настоящее время въ тѣхъ случаяхъ, когда пролетаріату удается какимъ-либо неожиданнымъ ударомъ внести временное смятеніе въ ряды руководителей капиталистическаго строя, наблюдается иногда такая измѣна мелкой буржуазіи, внезапный поворотъ «общественнаго мнѣнія».

Въ общемъ и цѣломъ получается, слѣдовательно, такой

выводъ. Хотя мелкая буржуазія въ строгомъ смыслѣ этого слова уже уничтожена капиталистическимъ развитіемъ, хотя самостоятельные мелкіе производители современнаго общества «самостоятельны» лишь по формѣ, по существу же являются рабами капитала,—тѣмъ не менѣе промышленный пролетаріатъ въ ближайшемъ будущемъ не можетъ разсчитывать на сколько-нибудь серьезную и систематическую поддержку этихъ слоевъ населенія. Они будутъ на сторонѣ пролетаріата, но лишь тогда, когда въ рукахъ его сосредоточится сила, способная импонировать капиталистическому строю. Накопить эту силу пролетаріатъ долженъ одинъ, опираясь только на самого себя, въ процессѣ самостоятельной классовой борьбы.

IX.

Положительныя общественныя предпосылки соціализма.—Формы рабочаго движенія.

Складывается ли,—и если да, то какимъ именно образомъ складывается пролетаріатъ въ ту силу, которая способна совершить соціалистическій переворотъ?

Попытаемся съ этой точки зрѣнія подвести итоги исторически выработаннымъ формамъ пролетарской борьбы.

Если оставить въ сторонѣ кооперативы, не стоящія въ прямой связи съ боевыми задачами пролетаріата, то всѣ остальные виды рабочаго движенія сведутся къ двумъ основнымъ потокамъ, которые до сихъ поръ пробивали свой путь обособленно, порою враждебно сталкиваясь между собой и расходясь въ разныя стороны, порою сближаясь и перекрещиваясь, но никогда не сливаясь въ одно общее русло. Мы имѣемъ въ виду политическую и экономическую борьбу.

Классической страной экономической борьбы является

Англія. Здѣсь выработались образцовые по своему матерьяльному могуществу и стройной организаціи типы профессіональныхъ союзовъ, здѣсь были достигнуты наиболѣе крупныя экономическія завоеванія, здѣсь же сложилось особое трэдъ-юніонистское міровоззрѣніе, извѣстное у насъ въ Россіи подъ именемъ «экономизма». Надо однако замѣтить, что тѣ формы капиталистическаго развитія, которыя вызвали расцвѣтъ классическаго англійскаго трэдъюніонизма, отнюдь не были сами по себѣ классическими, т. е. типичными для развитія капитализма вообще. Наоборотъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ условіями, совершенно исключительными, которыя въ настоящее время исчезли въ самой Англіи и не могутъ болѣе повториться ни въ одной странѣ.

Блестящіе успѣхи трэдъ-юніоновъ относятся къ періоду 50-хъ—80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда англійскій промышленный капиталъ занималъ монопольное положеніе на всемірномъ рынкѣ, нигдѣ не встрѣчалъ себѣ достойнаго соперника и эксплуатировалъ всѣ остальныя страны, какъ свои вассальныя владѣнія. Пользуясь такимъ исключительно благопріятнымъ положеніемъ міровыхъ эксплуататоровъ, англійскіе капиталисты сравнительно легко могли пойти на серьезныя уступки рабочимъ. Само собой разумѣется, никакой склонности къ уступкамъ капиталисты не обнаруживали и въ этотъ періодъ, каждое улучшеніе рабочимъ приходилось завоевывать упорной стачечной борьбой; но самое отношеніе капиталистовъ къ стачкамъ носило болѣе дѣловой, менѣе принципіальный характеръ, нежели въ другія не столь благопріятныя эпохи. Капиталистъ просто разсматривалъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, что̀ ему выгоднѣе, согласиться на условія рабочихъ или дожидаться, пока голодъ заставитъ ихъ прекратить забастовку. Вопросъ объ организованномъ противодѣйствіи самой формѣ стачечной

борьбы, о томъ, чтобы сдѣлать успѣшныя стачки вообще невозможными, возникалъ сравнительно рѣдко. Съ другой стороны, постоянно повышающійся спросъ на рабочія руки при отсутствіи рѣзкихъ промышленныхъ кризисовъ заставлялъ рабочихъ относиться съ довѣріемъ къ прочности завоеванныхъ ими позицій въ рамкахъ существующаго строя. Рабочіе союзы радовали капиталистическія сердца солидною умѣренностью своихъ требованій, корректнымъ стремленіемъ къ гармонизаціи классовыхъ противоположностей. Рабочимъ удалось улучшить не только свое экономическое, но и свое юридическое положеніе въ предпріятіи. Самодержавная фабрика превратилась въ конституціонную: большинствомъ капиталистовъ трэдъ-юніоны были признаны оффиціальными представителями рабочихъ, договоры о наймѣ заключались черезъ посредство секретарей союзовъ, выработанныя союзами нормы заработной платы пользовались широкимъ признаніемъ. Многимъ уже начинало казаться, что эта фабричная конституція столь же прочно вошла въ нравы, стала столь же неотъемлемой принадлежностью англійскаго строя жизни, какъ и прерогативы парламента. Среди англійскихъ соціалистовъ-постепеновцевъ («фабіанцевъ») появились даже опасные мечтатели, которые стали подумывать объ изысканіи мирныхъ путей для постепеннаго превращенія конституціонной фабрики въ фабрику республиканскую...

Тѣмъ временемъ международное положеніе англійской промышленности измѣнилось; интенсивное развитіе капитализма въ сѣверной Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ положило конецъ періоду промышленной монополіи Англіи; вездѣ выросли опасные конкурренты,—и «конституціонное» настроеніе англійскихъ капиталистовъ испытало рѣзкій поворотъ въ сторону былого самодержавія. Трэдъ-юніонизмъ былъ разжалованъ изъ столповъ общества и провозглашенъ, какъ въ дни его дѣтства, угрозой

общественному порядку и спокойствію; «общественное мнѣніе» повернулось противъ него; суды и палата лордовъ выступили на поддержку капиталистовъ, занявшихся систематической травлей профессіональныхъ союзовъ. Въ результатѣ трэдъ-юніоны, несмотря на свои громадныя матерьяльныя средства, становятся все безсильнѣе и безсильнѣе, въ качествѣ органовъ экономической борьбы, все болѣе и болѣе превращаются въ простыя кассы взаимопомощи.

Не трудно убѣдиться, что чисто стачечная профессіональная борьба можетъ вообще быть успѣшной или при такихъ совершенно исключительныхъ условіяхъ, какія имѣлись въ Англіи въ періодъ промышленной монополіи, или же при недостаточномъ развитіи капитализма, когда формы сопротивленія класса капиталистовъ еще не выработаны. Въ самомъ дѣлѣ, при какихъ условіяхъ капиталистъ *вынужденъ* уступить стачкѣ? Такъ какъ источники средствъ существованія у капиталиста всегда несравненно обильнѣе, нежели у любого изъ его рабочихъ, то, очевидно, никакой профессіональный союзъ, сколько бы онъ ни накопилъ сбереженій изъ заработной платы, не можетъ и мечтать о томъ, чтобы голодомъ принудить врага сдаться на капитуляцію. Стачка не угрожаетъ гибелью капиталисту, какъ индивидууму. Но она при извѣстныхъ условіяхъ можетъ вызвать гибель его, какъ предпринимателя. Если капиталистъ имѣетъ срочные заказы, если онъ долженъ внести срочные платежи, если конкуррентъ ждетъ только удобнаго случая, чтобы вытѣснить его съ рынка, то даже непродолжительная забастовка можетъ привести предпріятіе къ полному краху, и капиталистъ вынужденъ уступить подъ угрозой банкротства. Какъ мы видимъ, всѣ обстоятельства, благопріятствующія стачкѣ, обусловливаются исключительно противорѣчіями интересовъ между самими капиталистами и существуютъ лишь

постольку, поскольку капиталисты, имѣющіе то или другое отношеніе къ забастовавшему предпріятію, не только не поддерживаютъ своего удрученнаго горемъ собрата, но, наоборотъ, всячески стараются использовать его затруднительное положеніе въ своихъ интересахъ. Но разъ этого нѣтъ, разъ существуетъ союзъ предпринимателей, обязующихся взаимно поддерживать другъ друга при забастовкахъ, стачка становится совершенно безсильнымъ оружіемъ, она превращается въ состязаніе между кассою группы капиталистовъ и кассою работающихъ у нихъ пролетаріевъ. Само собою разумѣется, на *этомъ* поприщѣ рабочимъ никогда не угнаться за капиталистами. Въ настоящее время всѣми компетентными дѣятелями профессіональнаго движенія признано, что въ тѣхъ областяхъ производства, гдѣ предприниматели объединены въ тресты или картели, успѣшная экономическая стачка невозможна. Правда, такое тѣсное объединеніе предпринимателей далеко не всегда осуществимо. Сохраненіе конкурренціи является, вообще говоря, жизненной потребностью капитализма, и это въ значительной степени затрудняетъ организацію стройнаго предпринимательскаго отпора рабочимъ. Однако мало-по-малу затрудненія эти все же преодолѣваются. Чѣмъ интенсивнѣе развивается экономическая пролетарская борьба, тѣмъ скорѣе создаются такія соглашенія между капиталистами, которыя, не уничтожая конкурренціи вообще, отнимаютъ въ то же время у рабочихъ возможность использовать ее въ своихъ интересахъ. Боевые профессіональные союзы капиталистовъ слѣдуютъ по пятамъ за боевыми профессіональными союзами рабочихъ, все успѣшнѣе и успѣшнѣе парализуя дѣятельность послѣднихъ. Вотъ почему въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, процентъ успѣшныхъ стачекъ несравненно выше, чѣмъ въ передовыхъ западно-европейскихъ странахъ. Надо впрочемъ замѣтить, что за послѣдніе

годы особенно обостренной соціальной борьбы наши капиталисты быстро догоняютъ своихъ западныхъ товарищей въ области классового самосознанія и классовой организаціи.

Приходится, такимъ образомъ, признать, что съ развитіемъ классовой борьбы мало-по-малу утрачиваетъ свое значеніе стачка въ ея первоначальной, классической формѣ, т. е. пріостановка работъ данной профессіональной группой, опирающейся только на кассу своего союза и борющейся за улучшеніе условій труда только въ предѣлахъ своей профессіи.

По мѣрѣ того, какъ профессіональная экономическая борьба самымъ своимъ развитіемъ, самыми своими успѣхами создаетъ условія, задерживающія ея дальнѣйшее развитіе, исключающія возможность ея дальнѣйшихъ успѣховъ, взоры рабочихъ массъ все настойчивѣе и настойчивѣе обращаются въ сторону «политики».

Политическое движеніе рабочаго класса охватываетъ всѣ виды и формы давленія на государственную власть, направленные къ тому, чтобы вырвать законодательныя мѣры, улучшающія экономическое и правовое положеніе рабочихъ,—всѣ виды и формы организованной борьбы, способные усилить вліяніе рабочихъ на ходъ общественныхъ дѣлъ и подготовить завоеваніе политической власти классовой партіей пролетаріата. Такъ смотритъ на задачи политической борьбы соціальдемократія. Такимъ образомъ, собственно *парламентская* борьба—даже въ обычное «мирное» время—представляетъ лишь важнѣйшую, но далеко не единственную форму политической борьбы, признаваемой и практикуемой соціальдемократіей.

Задачи, преслѣдуемыя парламентской дѣятельностью соціальдемократіи, можно свести къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ.

1. Представляетъ крупную важность использовать

въ цѣляхъ агитаціи и пропаганды парламентскую трибуну, пользующуюся особымъ авторитетомъ въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ.

2. Соціальдемократическая фракція въ парламентѣ стремится провести законы, охраняющіе рабочихъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи и укрѣпляющіе ихъ позицію въ борьбѣ за соціализмъ.

3. Выборы въ парламентъ, если они производятся на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, даютъ удобный способъ сдѣлать подсчетъ силъ, выяснить численность населенія, идущаго подъ знаменемъ соціализма [1]).

4. Завоевавъ большинство въ странѣ, а слѣдовательно,—при всеобщемъ избирательномъ правѣ,—и въ парламентѣ, соціальдемократія дѣлаетъ послѣдній орудіемъ соціалистическаго переворота.

Использованіе парламента, въ качествѣ агитаціонной трибуны, имѣетъ особенно важное значеніе въ первые годы развитія соціалистическаго рабочаго движенія, когда, съ одной стороны, непосредственное вліяніе соціалистической партіи незначительно, съ другой стороны, среди широкой рабочей массы еще живы буржуазно-демократическія иллюзіи, заставляющія видѣть въ парламентѣ органъ абсолютной, сверхклассовой справедливости. Но

---

[1]) Насколько важно для партіи имѣть точное представленіе о числѣ ея сторонниковъ въ странѣ, понятно само собой. Надо однако замѣтить, что число голосовъ, полученныхъ на парламентскихъ выборахъ—въ особенности при условіи тайнаго голосованія—не всегда даетъ надежную цифру для практическихъ расчетовъ. Такъ, напримѣръ, едва ли можно думать, что тѣ сотни тысячъ мелкихъ буржуа, которые голосуютъ за нѣмецкихъ соціальдемократовъ, стали бы открыто на сторону соціальдемократіи, если бы разыгрался непосредственный внѣпарламентскій конфликтъ. Тайное голосованіе за соціальдемократа даетъ очень удобный способъ всякому обиженному мелкому буржуа безнаказанно отомстить своимъ господамъ. Но отъ невиннаго желанія подложить капиталу свинью въ видѣ тайнаго бюллетеня до революціоннаго выступленія противъ капитала еще очень большой шагъ.

по мѣрѣ того, какъ растетъ и обостряется классовая борьба и классовое сознаніе, миражъ «всенародной» правды, вѣщаемой устами «всенародныхъ» представителей, мало-по-малу разсѣивается, и для всѣхъ становится ясно, что парламентъ, какъ и всякое иное поприще, на которомъ сталкиваются представители различныхъ классовъ, есть лишь арена борьбы противоположныхъ интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціалистическая партія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе авторитета, дѣлается общепризнанной выразительницей интересовъ рабочаго класса. Ея лозунги имѣютъ теперь вѣсъ и значеніе независимо отъ того, съ какой трибуны они провозглашаются. Въ Германіи, напримѣръ, гдѣ третья часть избирателей голосуетъ за соціальдемократовъ, народныя массы прислушиваются къ голосу соціальдемократическихъ съѣздовъ не съ меньшимъ, если не съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ рѣчамъ, раздающимся съ парламентской трибуны. Это не значитъ, конечно, что парламентская дѣятельность утрачиваетъ всякое агитаціонное значеніе. Исчезаетъ только тотъ исключительный ореолъ, который дѣлаетъ парламентскую трибуну несравнимой со всѣми другими орудіями агитаціи и пропаганды. Тѣмъ не менѣе, въ ряду этихъ послѣднихъ парламентъ продолжаетъ играть очень крупную роль. Поэтому, отказаться отъ парламентской дѣятельности, какъ того требуютъ анархисты, значило бы просто частично разоружиться, наложить на себя добровольное обязательство не пользоваться однимъ изъ важныхъ способовъ расширенія идейнаго вліянія партіи.

Что касается воздѣйствія на законодательство страны въ интересахъ рабочихъ, то, само собою понятно, до тѣхъ поръ, пока соціалисты составляютъ меньшинство представительнаго собранія, они могутъ добиться какихъ-либо результатовъ въ этомъ направленіи, лишь пользуясь

противорѣчіями среди буржуазныхъ партій, привлекая часть буржуазіи на свою сторону. Въ особенности затруднительно это въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о законахъ, защищающихъ спеціальные интересы рабочихъ, слѣдовательно, о законахъ, въ которыхъ положительно не заинтересована ни одна изъ буржуазныхъ группъ. И дѣйствительно, несмотря на всѣ усилія соціалистовъ, рабочее законодательство даже въ наиболѣе «прогрессивныхъ» странахъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Но и въ этой въ общемъ страшно узкой области законодательнаго творчества все сравнительно болѣе крупное было осуществлено не соціалистами въ союзѣ съ отколовшимися отъ буржуазнаго большинства группами: въ однихъ случаяхъ фабричные законы обязаны своимъ возникновеніемъ противорѣчіямъ интересовъ среди господствующихъ классовъ въ эпоху, когда соціализмъ еще не возникалъ,—въ другихъ случаяхъ они вводились правительствомъ съ цѣлью подорвать успѣхи зарождающагося соціализма. На этой послѣдней почвѣ расцвѣло, напримѣръ, соціальное реформаторство Бисмарка. Молодое еще тогда соціальдемократическое движеніе считалось оффиціальными сферами случайнымъ налетомъ, результатомъ преходящаго недовольства рабочихъ массъ; государственное страхованіе должно было умиротворить рабочія сердца, отвлечь ихъ отъ агитаторовъ и склонить на сторону правительства. И когда выяснилось, что никакими подачками въ предѣлахъ существующаго строя нельзя сокрушить соціализмъ, что всякія уступки рабочимъ только усиливаютъ и укрѣпляютъ позиціи принципіальныхъ враговъ капитализма, соціально-реформаторскій зудъ какъ рукой сняло съ правящихъ сферъ Германіи; въ области рабочаго законодательства была поставлена солидная «точка», которая остается незыблемой и до сего дня.

Но и обще-демократическія реформы, въ которыхъ, кромѣ пролетаріата, заинтересованы широкіе слои буржуазіи, встрѣчаютъ несравненно менѣе сильное сопротивленіе въ парламентѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда соціалистическія партіи еще не пользуются особымъ вліяніемъ въ странѣ.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ обще-демократическое движеніе увѣнчалось сколько-нибудь замѣтными успѣхами только во Франціи, гдѣ мелкая буржуазія сравнительно многочисленна и самостоятельна, гдѣ пролетарскій соціализмъ былъ до недавняго времени лишенъ единства и рядомъ нечувствительныхъ переходовъ сливался съ мѣщанскимъ соціальнымъ радикализмомъ. При такой группировкѣ общественныхъ силъ «красная опасность» не гнететъ еще постояннымъ кошмаромъ буржуазныхъ сердецъ; «за соціализмъ» или «противъ соціализма» не является еще тѣмъ лозунгомъ, который по поводу всякаго сколько-нибудь важнаго политическаго вопроса дѣлитъ на два лагеря общество и парламентъ.—Во главѣ демократическаго движенія во Франціи идетъ до сихъ поръ радикальная мелкая буржуазія. Походъ противъ реакціонной военщины былъ начатъ въ періодъ «Дрейфусады» буржуазными радикалами; соціалисты (за исключеніемъ Жореса) присоединились къ нему лишь впослѣдствіи. Въ борьбѣ съ клерикализмомъ гегемонія движенія принадлежитъ опять-таки буржуазнымъ элементамъ.

Въ Германіи демократизмъ можетъ похвалиться кое-какими успѣхами только въ нѣкоторыхъ южныхъ государствахъ, гдѣ опять-таки сравнительно сильна мелкая буржуазія, а рабочее движеніе окрашено мѣщанскими тенденціями такъ называемаго «ревизіонизма». Наоборотъ, «красное» королевство Саксонія съ его высокоразвитымъ капитализмомъ и абсолютнымъ преобладаніемъ революціонной соціальдемократіи надъ всѣми другими партіями

очень далеко отъ демократизма. Здѣсь торжествуетъ суровая реакція. Ухудшеніе избирательнаго права въ саксонскій ландтагъ было единственнымъ средствомъ устранить соціалистовъ отъ политическаго господства въ странѣ; передъ этимъ соображеніемъ «государственной безопасности» смолкли всѣ традиціи буржуазнаго либерализма: правящая буржуазія поспѣшила, пока не поздно, измѣнить избирательное право, — и двери ландтага захлопнулись передъ соціалистами.

Въ общеимперскомъ рейхстагѣ соціальдемократическая партія, давно уже считающая свои голоса милліонами, очень далека отъ демократическихъ завоеваній. Ей съ трудомъ удается отражать реакціонныя посягательства на завоеванныя уже позиціи. Но и этотъ отрицательный успѣхъ объясняется не столько страхомъ буржуазіи передъ непосредственной силой соціалистическаго пролетаріата, сколько нежеланіемъ ея толкнуть въ ряды соціальдемократіи тѣхъ рабочихъ, которые еще идутъ на буксирѣ буржуазныхъ партій. Только благодаря содѣйствію партіи центра, соціальдемократіи удалось провалить ультрареакціонные законопроекты, направленные противъ свободы пропаганды, права коалицій и т. п. (такъ называемые «Umsturzgesetz», «Zuchthausgesetz»). Только благодаря несочувствію вождей центра, отложена пока идея отмѣнить всеобщее избирательное право въ рейхстагъ. Центръ въ главной массѣ своей — мелкобуржуазная партія. Но отнюдь не настроеніе самой мелкой буржуазіи заставляетъ его бороться съ реакціей. Все дѣло въ томъ, что къ партіи центра принадлежатъ еще десятки тысячъ организованныхъ рабочихъ. Боязнь потерять этихъ рабочихъ, толкнуть ихъ «въ объятія соціальдемократіи» является единственной причиной сравнительно стойкой оппозиціи центра тѣмъ реакціоннымъ мѣропріятіямъ, которыя прямо и непосредственно на-

правлены противъ пролетаріата. Въ другихъ случаяхъ, когда интересы рабочихъ нарушаются не столь явно (напримѣръ, въ вопросахъ милитаризма), центръ всегда вступаетъ въ соглашенія съ правительствомъ и въ концѣ концовъ поддерживаетъ его реакціонную политику; нерѣдко онъ даже самъ выступаетъ иниціаторомъ крайне ретроградныхъ законопроектовъ, напр., пресловутаго «Lex Heinze».

Въ Германіи, какъ и во всякой капиталистически развитой странѣ, мелкая буржуазія, утрачивая соціальную самостоятельность, теряетъ въ то же время свои «независимыя» демократическія убѣжденія, становится прихвостнемъ реакціонной крупной буржуазіи. Отъ торжества антипролетарской и антидемократической реакціи Германію спасали до сихъ поръ тѣ принадлежащіе къ центру и партіи свободомыслящихъ рабочіе, которые уже достаточно сознательны для того, чтобы возстать противъ законовъ, ограничивающихъ свободу пропаганды и стачекъ или избирательное право въ рейхстагъ, но еще недостачно сознательны для того, чтобы стать подъ знамя соціализма и бороться противъ всѣхъ мѣропріятій, укрѣпляющихъ силу капитала и капиталистическаго государства. Внезапный переходъ въ ряды соціальдемократіи всѣхъ «евангелическихъ», «гиршъ-дункеровскихъ» (либеральныхъ) и «католическихъ» (партіи центра) рабочихъ привелъ бы не къ парламентскому апоѳеозу соціализма, а къ парламентскому торжеству реакціи.

Чѣмъ дальше зашло капиталистическое развитіе, чѣмъ острѣе классовая борьба между предпринимателями и рабочими, чѣмъ ничтожнѣе самостоятельная роль промежуточныхъ элементовъ, чѣмъ больше рабочихъ объединено въ партіи революціоннаго соціализма, тѣмъ изолированнѣе соціалисты въ борьбѣ за общедемократическія требованія, тѣмъ плотнѣе смыкаются ряды всѣхъ

несоціалистовъ подъ знаменами общественной и политической реакціи, тѣмъ труднѣе становится путемъ парламентской дѣятельности расширять политическія права рабочихъ, или хотя бы только защищать уже отвоеванныя позиціи.

Мирное завоеваніе большинства въ парламентѣ дѣлается все болѣе и болѣе проблематичнымъ, по мѣрѣ того какъ приближается моментъ завоеванія большинства въ странѣ. Судьба красной Саксоніи является внушительнымъ memento mori для соціалистическихъ партій всѣхъ быстро развивающихся и, слѣдовательно, быстро «краснѣющихъ» странъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что буржуазія вездѣ попытается политически обезвредить пролетаріатъ наканунѣ его парламентской побѣды, или отнявъ у рабочихъ избирательное право, или сведя на нѣтъ компетенцію парламента.

Изъ этого несомнѣннаго факта упадка парламентаризма на извѣстной ступени развитія и обостренія классовыхъ противорѣчій анархисты пытаются создать новый аргументъ въ пользу своей теоріи неучастія въ парламентской борьбѣ. Парламентъ, говорятъ они, есть органъ господства буржуазіи; органъ этотъ начинаетъ разлагаться; а соціальдемократы вмѣсто того, чтобы содѣйствовать этому процессу, стараются гальванизировать трупъ, вовлекая все новые, свѣжіе, полные силъ элементы народа въ парламентскую дѣятельность; соціальдемократы укрѣпляютъ такимъ образомъ силу падающаго капитализма. Несостоятельность такой аргументаціи бросается въ глаза. Парламентъ только потому и разлагается, что онъ перестаетъ быть органомъ безраздѣльнаго господства буржуазіи и грозитъ превратиться въ органъ господства пролетаріата. Только подъ напоромъ политической борьбы соціалистовъ изъ подъ ногъ буржуазіи ускользаетъ парламентская опора. И если

даже въ конечномъ итогѣ получится не завоеваніе парламента соціалистами, а разрушеніе его, то, очевидно, даже этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ не анархической декламаціей противъ парламентаризма, а только планомѣрной соціалистической борьбой на парламентской почвѣ. Но, само собою разумѣется, соціальдемократія не склонна мириться съ такимъ чисто отрицательнымъ успѣхомъ. *Въ извѣстный моментъ и при извѣстныхъ условіяхъ* для партіи, принципіально враждебной буржуазному строю, можетъ быть выгодно лишить господство буржуазіи всякой санкціи закономѣрно представленной народной воли, заставить буржуазію опираться только на голую силу. Несравненно выгоднѣе однако не только выбить парламентское оружіе изъ рукъ врага, но и завладѣть имъ самому. Поскольку избирательные бюллетени не достаточны для этой цѣли, приходится искать другихъ, болѣе рѣшительныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствій. И нѣмецкой соціальдемократіи дѣйствительно пришлось серьезно задуматься о новыхъ методахъ политической борьбы: уже второй годъ злобой дня въ партіи является вопросъ о массовой политической забастовкѣ, уже второй партійный съѣздъ выноситъ резолюцію, допускающую примѣненіе политической забастовки въ случаѣ покушенія на всеобщее избирательное право.

Политическая массовая забастовка родилась не въ головахъ руководителей движенія, какъ теоретическій выводъ изъ уроковъ исторіи. Нѣтъ, подобно всѣмъ другимъ методамъ массовой борьбы, она возникла стихійно и притомъ за самое послѣднее время. Еще 20 лѣтъ тому назадъ массовыя политическія забастовки были, можно сказать, совершенно неизвѣстны. За послѣдніе 13 лѣтъ можно насчитать до 10 случаевъ политическихъ стачекъ въ самыхъ разнообразныхъ странахъ: въ Бельгіи,

Голландіи, Швеціи, Италіи, Австріи, Россіи. Разумѣется, каждая изъ массовыхъ забастовокъ, въ зависимости отъ условій мѣста и времени, носила особыя, ей только свойственныя черты [1]), но среди этого почти безконечнаго разнообразія можно все же намѣтить два основные типа. Это, во-первыхъ, забастовка рабочихъ одной только отрасли промышленности, спеціальныя требованія которыхъ поддерживаются политической агитаціей въ странѣ и политическимъ давленіемъ въ стѣнахъ парламента. Во вторыхъ, «всеобщая» забастовка, т. е. забастовка всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, многихъ отраслей промышленности, преслѣдующая какую-либо общую для всего рабочаго класса задачу и направленная, такимъ образомъ, противъ буржуазнаго общества и буржуазнаго государства въ цѣломъ. Всеобщія забастовки опять-таки извѣстны въ двухъ видахъ: 1) политическая забастовка-*демонстрація*, имѣющая цѣлью путемъ пріостановки производства на извѣстный, заранѣе опредѣленный срокъ оказать моральное давленіе на буржуазное общество, и 2) *боевая* политическая забастовка, которая стремится силой вырвать у буржуазіи и государства опредѣленную уступку, а слѣдовательно, продолжается до тѣхъ поръ, пока требованія, выставленныя забастовщиками, не исполнены.

При какихъ же условіяхъ политическая забастовка можетъ имѣть успѣхъ?

Наиболѣе поучительный примѣръ политической стачки въ отдѣльной отрасли промышленности имѣлъ мѣсто въ Австріи, гдѣ забастовка горнорабочихъ была поддержана соціальдемократической агитаціей въ странѣ и парламентѣ. Группа австрійскихъ угольныхъ бароновъ, какъ

---

[1]) Читателей, интересующихся вопросомъ о всеобщей забастовкѣ и отношеніи къ ней соціальдемократіи мы отсылаемъ къ работѣ *Роландъ Гольстъ*: Всеобщая забастовка и соціальдемократія. Изд. тов. «Знаніе»

и всякій капиталистическій союзъ, объединяющій въ своихъ рукахъ цѣлую отрасль промышленности, была достаточно сильна для того, чтобы не бояться никакихъ стачекъ. И дѣйствительно, непосредственное давленіе забастовавшихъ углекоповъ на предпринимателей не имѣло успѣха,—*экономически* стачка была проиграна. Но политическая кампанія была выиграна. Общественное мнѣніе, взбудораженное забастовкой, повернулось противъ шахтовладѣльцевъ, и соціальдемократамъ удалось вырвать у рейхсрата девятичасовой день въ пользу углекоповъ. Мы знаемъ, что́ означаетъ это благопріятное для рабочихъ «общественное мнѣніе». Это значитъ, что предприниматели въ цѣломъ не оказали достаточно дружной поддержки угольнымъ баронамъ, разсматривая ихъ исключительно высокіе барыши, какъ незаслуженную монополію. Только на этой почвѣ расцвѣли гуманныя симпатіи общества къ «бѣднымъ», «загнаннымъ», «угнетеннымъ» углекопамъ. Но стоило капиталистамъ провозгласить дѣло шахтовладѣльцевъ своимъ классовымъ дѣломъ, объявить притязанія углекоповъ опасностью для государства,—и мы услышали бы изъ устъ гуманныхъ столповъ общественнаго мнѣнія совсѣмъ иныя рѣчи: мы услышали бы о безумныхъ утопіяхъ, питаемыхъ невѣжествомъ толпы, о полной неспособности дикой черни считаться съ условіями реально осуществимаго, о печальной обязанности государства принять рѣшительныя мѣры противъ анархіи, дезорганизующей столь важную отрасль промышленности и т. д. и т. п. Въ результатѣ рейхсратъ, несмотря на все краснорѣчіе соціальдемократовъ, не оказалъ бы, конечно, ни малѣйшей поддержки «анархистамъ» и «дезорганизаторамъ».

Такимъ образомъ, по общему своему характеру условія успѣха при политической стачкѣ въ отдѣльной отрасли промышленности тѣ же, что и при обычной чисто эко-

номической забастовкѣ: пролетаріатъ можетъ побѣдить, лишь пользуясь недостаточной организованностью и солидарностью своихъ враговъ. Расширяется только базисъ борьбы. Для того, чтобы сдѣлать безуспѣшной всякую чисто экономическую забастовку, достаточно оборонительнаго соглашенія предпринимателей въ одной отрасли производства. Но даже трестъ, объединившій въ одно централизованное предпріятіе цѣлую отрасль производства, не въ состояніи собственными силами подавить политической кампаніи, поднятой на защиту забастовщиковъ *классовой* партіей пролетаріата. Только организованный политическій отпоръ *класса* капиталистовъ обезпечиваетъ въ данномъ случаѣ побѣду данной группѣ предпринимателей.

Всеобщія политическія забастовки оказывались до сихъ поръ успѣшными лишь въ тѣхъ случаяхъ, если онѣ застигали господствующій классъ врасплохъ, совершенно неподготовленнымъ къ нимъ. При такихъ обстоятельствахъ даже забастовка-демонстрація можетъ, какъ показываетъ опытъ Швеціи, достигнуть серьезныхъ результатовъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ буржуазное государство, наученное горькимъ опытомъ, успѣвало приспособить свои средства обороны къ новой формѣ пролетарской борьбы, всеобщія забастовки терпѣли пораженіе. Такъ, напримѣръ, было въ Бельгіи, гдѣ черезъ девять лѣтъ послѣ удачной политической забастовки разразилась новая, еще болѣе энергичная и дружная, и тѣмъ не менѣе безсильная вырвать у буржуазнаго государства хоть малѣйшую уступку.

Любопытна здѣсь опять-таки роль тѣхъ мелкобуржуазныхъ общественныхъ слоевъ, которые въ лицѣ своихъ «интеллигентныхъ» представителей, состоящихъ въ той или другой формѣ на службѣ у капитала, формируютъ такъ называемое общественное мнѣніе. Въ обычное время въ конституціонныхъ странахъ «общественное

мнѣніе» стоитъ, какъ извѣстно, на стражѣ основъ существующаго строя, возмущаясь лишь отдѣльными эксцессами или «злоупотребленіями» господствующаго класса. Когда пролетаріатъ неожиданнымъ ударомъ сотрясаетъ до самаго основанія сложившіеся устои общежитія, когда государственная власть дезорганизована, безпомощно хватается то за то, то за другое одинаково недѣйствительное орудіе борьбы, издаетъ рядъ противорѣчивыхъ распоряженій, — въ такой моментъ всѣ тѣ, которымъ дѣйствительно дороги «основы существующаго строя», должны бы, казалось, особенно плотно сомкнуть свои ряды вокругъ господствующей соціальной группы, грудью отразить натискъ ея врага. Между тѣмъ дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ. Именно въ моментъ наибольшей безпомощности правительства и, слѣдовательно, наибольшей опасности для «существующаго строя» мелкобуржуазные элементы оказываются особенно ненадежной опорой власти, именно тогда со стороны «общественнаго мнѣнія» изливается по адресу государства и крупной буржуазіи обильнѣйшій потокъ насмѣшекъ, требованій, угрозъ. Вчерашніе «принципіальные» сторонники и защитники сегодня отрясаютъ отъ ногъ своихъ прахъ всякихъ «принциповъ» и «традицій»; они заискиваютъ передъ пролетаріатомъ; имъ импонируетъ эта новая сила, организованность которой возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ дезорганизуется «существующій строй»; они не прочь бы окончательно покинуть стараго опростоволосившагося господина и встрѣтить восторженной «Осанной» нарождающійся пролетарскій режимъ, если бы.... если бы только была гарантія, что молодой хозяинъ дѣйствительно прочно вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ. На этой почвѣ — и только на этой почвѣ— господствующій классъ и находящееся въ его рукахъ государство вынуждены быстро уступить всеобщей заба-

стовкѣ, захватившей ихъ врасплохъ. О прямой и непосредственной побѣдѣ забастовщиковъ надъ буржуазіей, о физической невозможности для послѣдней выносить дальнѣйшую пріостановку промышленности не можетъ быть и рѣчи: всеобщая забастовка столь же мало способна уморить капиталистовъ голодомъ, какъ и частичная забастовка. Только необходимость возстановить колебающійся авторитетъ «существующаго строя» заставляетъ буржуазное государство итти на уступки, лишь бы вернуться какъ можно скорѣе къ «нормальному» ходу жизни.

Совершенно обратная картина получается въ тѣхъ случаяхъ, когда буржуазное правительство заранѣе подготовлено ко всеобщей забастовкѣ, когда оно въ состояніи съ самаго начала обезпечить функціонированіе наиболѣе важныхъ нервовъ своей организаціи (желѣзныхъ дорогъ, почтово-телеграфнаго дѣла и т. п.) и можетъ спокойно выжидать истощенія рабочихъ. Несмотря на то, или, лучше сказать, именно *потому,* что основы существующаго строя не подвергаются теперь ни малѣйшей опасности, хранители этихъ основъ выступаютъ противъ забастовщиковъ, хотя бы задачей забастовки было введеніе всеобщаго избирательнаго права или другой чисто либеральной реформы, нѣкогда красовавшейся на первомъ мѣстѣ въ ряду традицій и принциповъ, освященныхъ общественнымъ мнѣніемъ.

На фонѣ потрясающихъ кризисовъ, которые создаются всеобщими забастовками, съ особенной яркостью проявляется характерная для современной мелкой буржуазіи двойственная психологія «слуги». Здѣсь же съ особенной ясностью обрисовываются тѣ обусловленные соотношеніемъ общественныхъ силъ границы, въ предѣлахъ которыхъ этотъ слуга «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» охраняетъ основы капиталистическаго строя. По-

слѣднее имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ пролетаріатъ *уже* достаточно силенъ для того, чтобы мобилизовать противъ себя организованное сопротивленіе класса капиталистовъ, но *еще* недостаточно силенъ для того, чтобы одержать побѣду въ открытомъ бою съ капиталистическимъ строемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не достигнута еще первая граница, когда слаба классовая солидарность и организованность предпринимателей, мелкая буржуазія обладаетъ болѣе или менѣе самостоятельной политической идеологіей и программой, хранитъ вѣрность своимъ исконнымъ демократическимъ традиціямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пролетаріатъ грозитъ переступить вторую границу, мелкая буржуазія окончательно теряетъ подъ собой почву: «межъ двухъ началъ колеблется усердье» вѣрнаго защитника существующихъ основъ.

Подводя итоги международному опыту [1]), мы приходимъ, повидимому, къ тому пессимистическому заключенію, что побѣдоносная всеобщая стачка возможна только одинъ разъ. На самомъ дѣлѣ, однако, это не такъ. Тѣ техническія приспособленія, которыя выработаны государствомъ для борьбы съ политической забастовкой, не представляютъ чего-либо абсолютно непреодолимаго. Къ совершенствованію способна не только техника буржуазной самообороны, но и техника пролетарскаго нападенія. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на вопросѣ, въ чемъ именно долженъ заключаться техническій прогрессъ метода всеобщей забастовки. Ясно во всякомъ случаѣ, что всеобщая политическая забастовка не можетъ *замѣнить* текущей повседневной борьбы. При всѣхъ условіяхъ, при всякихъ усовершенствованіяхъ она

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду международный опытъ всеобщихъ забастовокъ на почвѣ упрочившагося буржуазно-конституціоннаго строя. Русскія всеобщія стачки, возникшія въ совершенно иной соціально-политической атмосферѣ, носятъ особый характеръ.

останется героическимъ средствомъ, примѣнимымъ лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Тѣмъ не менѣе, неправильно было бы утверждать, что всеобщія забастовки не могутъ оказать никакого вліянія на обычныя «будничныя» формы пролетарской борьбы, оставляютъ совершенно неприкосновенной ту «старую, испытанную тактику», которую съ такимъ жаромъ стараются оградить отъ всякихъ реформъ консерваторы европейской соціальдемократіи. Мы склонны, наоборотъ, думать, что въ интенсивномъ примѣненіи всеобщей забастовки за послѣдніе годы сказалось между прочимъ стихійное стремленіе рабочаго класса приспособить «старую, испытанную тактику» къ новымъ измѣнившимся условіямъ,—мы склонны думать, что нѣкоторыя черты, характерныя для всеобщей забастовки, какъ особой формы движенія, должны быть усвоены и повседневной будничной борьбой.

До сихъ поръ, какъ мы уже упоминали, экономическое и политическое движенія пролетаріата развивались самостоятельно, въ лучшемъ случаѣ, мирно уживаясь между собой, въ худшемъ—враждебно сталкиваясь.

«Всякій рабочій, *какъ представитель опредѣленной профессіи*, долженъ участвовать въ профессіональномъ союзѣ; всякій членъ профессіональнаго союза, какъ *представитель рабочаго класса*, долженъ участвовать въ классовой партіи пролетаріата», — вотъ формула, выработанная въ Германіи, гдѣ оба вида борьбы развивались наиболѣе гармонично. Двѣ души живутъ въ груди каждаго пролетарія: экономически-профессіональная и политически-классовая, причемъ каждая имѣетъ свой самостоятельный, автономный уголокъ. Можно желать лишь, чтобы это сожительство протекало въ мирѣ и согласіи, блистая просвѣщенной взаимной терпимостью и при случаѣ дружеской взаимопомощью. Мелкія недо-

разумѣнія здѣсь, конечно, неизбѣжны, но они легко улаживаются, и все остается по старому, пока въ общемъ каждая изъ двухъ сторонъ преуспѣваетъ на своемъ поприщѣ. — Но, какъ мы видѣли, преуспѣяніе это само подрываетъ подъ собой почву. Успѣхи, какъ профессіонально-стачечной, такъ и партійно-парламентской борьбы покоятся на недостаточной организованности профессіональнаго и классового отпора капиталистовъ. И именно эти успѣхи заставляютъ въ концѣ концовъ капиталистовъ преодолѣть всѣ трудности и выработать стройныя боевыя организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ профессіонально-экономическая, такъ и парламентски-партійная формы движенія, взятыя каждая въ отдѣльности, все менѣе и менѣе обѣщаютъ побѣдъ рабочимъ. Естественно возникаетъ стремленіе соединить оба метода борьбы. Ихъ благожелательный взаимный нейтралитетъ оказывается недостаточнымъ; назрѣваетъ потребность пустить въ ходъ всѣ имѣющіяся въ рукахъ боевыя силы для одновременнаго натиска на врага. Въ политической массовой забастовкѣ эта тенденція развитія находитъ свое наиболѣе яркое воплощеніе. Стачечная борьба теряетъ здѣсь свой профессіональный характеръ; она становится непосредственно классовой, и непосредственно же въ каждомъ боевомъ актѣ сливается съ массовой политической борьбой. Рабочая партія, которая до сихъ поръ лишь «идейно» объединяла всѣ виды пролетарской борьбы подъ общимъ знаменемъ соціализма, практически же являлась *одной* изъ параллельно развивающихся формъ пролетарскаго движенія, осуществляетъ здѣсь конкретное единство всѣхъ доступныхъ рабочему классу формъ и способовъ борьбы.

Вотъ эта-то сторона всеобщей забастовки, вытекающая не изъ какихъ-либо спеціальныхъ исключительныхъ условій, но изъ общей тенденціи капиталистическаго развитія, должна быть, по нашему мнѣнію, усвоена повсе-

дневной борьбой пролетаріата, измѣнивъ соотвѣтственно старую тактику.

И не только теоретически ясна необходимость развитія пролетарской борьбы въ указанномъ направленіи, но и фактически, на практикѣ примѣняются пріемы борьбы, которые при извѣстныхъ условіяхъ могли бы стать исходнымъ пунктомъ такого развитія.

Для примѣра укажемъ прежде всего на особый видъ забастовки, который въ Россіи называютъ иногда «посмѣнной забастовкой». Суть ея заключается въ томъ, что рабочіе, вступившіе въ борьбу съ капиталистами, бастуютъ не всѣ сразу, а группами, «посмѣнно». Легко уяснить себѣ значеніе этого способа борьбы. Представимъ себѣ, что въ данной отрасли—или въ нѣсколькихъ отрасляхъ промышленности — занято 100.000 рабочихъ, предъявившихъ общія требованія капиталистамъ. Если послѣдніе объединены въ союзъ — будетъ ли это оборонительный союзъ противъ рабочихъ или трестъ,— одновременная забастовка всѣхъ 100.000 рабочихъ не можетъ увѣнчаться успѣхомъ: матерьяльныя средства у рабочихъ будутъ исчерпаны гораздо скорѣе, чѣмъ у капиталистовъ. Но 100.000 рабочихъ безъ особаго труда могутъ въ любой моментъ содержать отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ забастовщиковъ. Они въ состояніи, слѣдовательно, неопредѣленно долгое время поддерживать забастовку, придавъ ей летучій характеръ, послѣдовательно поражая непріятеля въ различные пункты и организовавъ эту кампанію такимъ образомъ, чтобы численность бастующихъ отрядовъ въ каждый данный моментъ не превышала 3—5 тысячъ. Взять такую забастовку измором капиталисты, очевидно, не въ состояніи. Но, возразятъ намъ, такая забастовка въ свою очередь не въ состояніи сломить упорство капиталистовъ: разъ рабочіе безъ особаго труда могутъ поддерживать 3—5% бастующихъ

товарищей, объединенные капиталисты и подавно могутъ помириться съ пріостановкой 3—5% предпріятій данной отрасли промышленности. Это не совсѣмъ такъ.— Если матерьяльныя жертвы, требуемыя стачкой отъ рабочихъ, зависятъ только отъ числа бастующихъ, если прокормить тысячу данныхъ рабочихъ стоитъ ровно столько же, какъ и тысячу любыхъ иныхъ рабочихъ, то различныя части и функціи капиталистическаго производственнаго механизма далеко не равноцѣнны между собой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ задержка груза одного только корабля, кратковременная пріостановка работъ на одной только фабрикѣ можетъ нанести тяжелый ударъ капиталистамъ цѣлой отрасли промышленности. Конечно, если бы забастовка все время концентрировалась на данной группѣ предпріятій, то какъ бы ни были важны сами по себѣ эти послѣднія, объединенные капиталисты нашли бы въ концѣ концовъ способъ приспособиться къ этому урону. Но такъ какъ стачка является летучей, никакія приспособленія къ ней не осуществимы. Забастовка легко переносится съ мѣста на мѣсто, всегда неожиданно поражая врага въ самый чувствительный пунктъ, останавливая какъ разъ то колесо, которое въ данный моментъ особенно важно для безпрепятственнаго хода всего производственнаго механизма. Летучая посмѣнная забастовка есть методъ борьбы, позволяющій рабочему классу использовать, какъ преимущество, сплоченную однородность своей товарищеской организаціи въ противовѣсъ сложной дифференцированности капиталистически организованной промышленности.

Въ настоящее время посмѣнныя забастовки еще не примѣняются, какъ систематическій, планомѣрный способъ борьбы; они возникаютъ болѣе или менѣе стихійно, ощупью, не опираясь ни на достаточное знакомство съ условіями промышленности, ни на соотвѣтственныя орга-

низаціи всѣхъ заинтересованныхъ рабочихъ. Несмотря однако на всѣ несовершенства, присущія теперешнимъ посмѣннымъ забастовкамъ, они зачастую настолько дезорганизуютъ промышленность, что капиталистамъ остается или уступить или прибѣгнуть къ «локауту», т. е. къ массовому расчету рабочихъ всѣхъ предпріятій, захваченныхъ движеніемъ. Не трудно однако убѣдиться, что успѣшность локаута, какъ способа борьбы противъ посмѣнной забастовки, обусловливается опять-таки недостаточной организованностью послѣдней. Можно объявить локаутъ на нѣсколькихъ фабрикахъ, въ крайнемъ случаѣ, въ цѣлой отрасли производства. Но если круговая порука посмѣнной забастовки объединила рабочихъ большинства, или хотя бы нѣсколькихъ важныхъ отраслей промышленности, локаутъ становится непримѣнимымъ. Вѣдь въ этомъ случаѣ локаутъ былъ бы всеобщей забастовкой, объявленной капиталистами; онъ означалъ бы банкротство капиталистовъ въ роли организаторовъ производства, ихъ собственное признаніе въ томъ, что никакого иного средства борьбы съ рабочими, кромѣ временнаго самоустраненія, въ ихъ рукахъ не имѣется. При такихъ условіяхъ «общественное мнѣніе», рѣшающее судьбу всеобщей забастовки, несомнѣнно обрушилось бы на ея иниціаторовъ, какъ на сторону, открыто сознавшуюся въ своей слабости; политическая кампанія въ пользу рабочихъ имѣла бы всѣ шансы на успѣхъ, пораженіе предпринимателей явилось бы неминуемымъ.

Посмѣнная забастовка, отнюдь не будучи героическимъ способомъ борьбы, соединяетъ однако въ себѣ тѣ характерныя особенности, которыя свойственны всеобщей забастовкѣ въ противоположность старымъ классическимъ формамъ экономическаго и политическаго движенія. Экономическая борьба теряетъ здѣсь характеръ состязанія двухъ кассъ, цѣль ея не матерьяльное истощеніе отдѣль-

ныхъ капиталистовъ, а систематическая деворганизація промышленности. Въ то же время она разрываетъ профессіональныя рамки. Распространеніе единой боевой организаціи на цѣлыя отрасли производства и въ конечномъ счетѣ на весь рабочій классъ диктуется здѣсь самыми формами борьбы, самыми условіями ея успѣха. Такъ какъ, далѣе, при такомъ расширеніи базиса экономической борьбы необходимо объединять всѣ отдѣльныя, частныя и спеціальныя требованія профессій въ рядъ лозунговъ, общихъ для всего класса, то каждый актъ экономической борьбы можетъ и долженъ осложняться политической борьбой, концентрированной на тѣхъ же лозунгахъ.

Къ этой же категоріи методовъ борьбы относится непосредственное осуществленіе въ промышленномъ строѣ тѣхъ или другихъ измѣненій самими рабочими, вопреки волѣ капиталистовъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ прямымъ— хотя частичнымъ и временнымъ — захватомъ рабочими организаторскихъ функцій капиталиста. Вотъ почему «революціонное» проведеніе 8-ми часового дня, практиковавшееся петербургскими рабочими въ прошломъ году, вызвало такой негодующій вой среди всѣхъ нашихъ либераловъ и демократовъ, не говоря уже о самихъ капиталистахъ. «Захватное право», «разрушеніе основъ существующаго строя путемъ голаго насилія и произвола»,— этого не могли вынести даже кадетообразные «соціалисты», которые тоже стремятся измѣнить «основы существующаго строя», но, разумѣется, въ корректной формѣ, т. е. на основѣ этихъ подлежащихъ измѣненію основъ.

Восьмичасовая кампанія потерпѣла неудачу и должна была потерпѣть неудачу въ той обстановкѣ, въ которой она проводилась. Народныя массы вели ожесточенную борьбу со старымъ режимомъ по всему фронту; выдѣлить 8-ми часовой рабочій день и сконцентрировать на

немъ всѣ способы партійнаго давленія не было никакой возможности. Промышленность была совершенно парализована интенсивной революціонной борьбой; поэтому массовые расчеты могли примѣняться легче, чѣмъ когда бы то ни было. Наконецъ, — и это самое важное, — рабочій классъ ни политически ни экономически не былъ достаточно сорганизованъ. Революціонное одушевленіе замѣняло до извѣстной степени силу организаціи для петербургскаго пролетаріата, но за предѣлы Петербурга движеніе не вышло, захватить всю русскую промышленность оно не могло, — и уже одно это обрекало его на неизбѣжное пораженіе. Захватныя реформы еще въ большей степени, чѣмъ посмѣнная забастовка, требуютъ широкой классовой организаціи движенія и непосредственнаго сочетанія политической и экономической борьбы.

Упомянемъ еще о методѣ борьбы, который можно назвать «промышленной обструкціей». Одинъ изъ наиболѣе яркихъ случаевъ ея примѣненія имѣлъ мѣсто въ Италіи во время желѣзнодорожной забастовки. Правительство объявило забастовщиковъ призванными на военную службу, грозя военнымъ судомъ за малѣйшее нарушеніе правилъ внутренняго распорядка; и рабочіе ухитрились совершенно дезорганизовать желѣзнодорожное движеніе не только безъ нарушенія этихъ правилъ, но именно *при помощи* ихъ строжайшаго, точнѣйшаго, добросовѣстнѣйшаго выполненія. Здѣсь былъ до совершенства доведенъ тотъ методъ «использованія легальныхъ возможностей», который, по словамъ Энгельса, давно уже заставлялъ буржуазію меланхолически восклицать: «c'est la légalité qui nous tue!»

Само собой разумѣется, не во всякомъ предпріятіи обструкція можетъ быть проведена на почвѣ использованія правилъ внутренняго распорядка. Пріемы обструкціи должны безконечно видоизмѣняться въ зависимости

отъ техническихъ особенностей того или другого производства. И со стороны рабочихъ требуется очень серьезная подготовка, очень детальное знакомство съ техникой предпріятія, для того чтобы заставить машины служить не созиданію, а разрушенію прибавочной цѣнности капиталиста. — Анархисты часто выставляютъ лозунгъ «плохая работа за плохую плату», причемъ по обыкновенію отрицаютъ необходимость широкихъ дисциплинированныхъ организацій для проведенія его въ жизнь. Между тѣмъ, очевидно, лозунгъ этотъ, брошенный въ неподготовленную и недостаточно сплоченную массу, очень мало опасенъ для капиталистовъ и очень легко можетъ дезорганизовать самихъ рабочихъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы возможно меньше понижая заработокъ рабочихъ, возможно сильнѣе понизить прибыль капиталиста. Тутъ нужна, слѣдовательно, не просто «плохая», небрежная работа, а, такъ сказать, *изысканно* плохая, т. е. въ своемъ родѣ чрезвычайно тщательная работа, основанная на глубокомъ изученіи дѣла. Съ другой стороны, такъ какъ обструкція, проводимая въ одной мастерской или фабрикѣ, непосредственно отражается въ нѣкоторыхъ случаяхъ на интересахъ рабочихъ другихъ мастерскихъ и фабрикъ, то при недостаточно широкой организаціи въ результатѣ получатся только взаимные раздоры среди самихъ же рабочихъ, что будетъ, конечно, на руку капиталистамъ.

Посмѣнная стачка, захватныя реформы, фабричная обструкція отнюдь не исчерпываютъ собою всѣхъ возможныхъ проявленій новой тенденціи развитія. Нельзя даже сказать, что именно эти формы борьбы станутъ исходными пунктами для приспособленія тактики къ измѣнившимся условіямъ. Жизнь можетъ выработать совершенно неожиданные пріемы, которыхъ въ настоящее время никто не въ состояніи предвидѣть. Все, что можно

указать съ достаточной степенью вѣроятности—это общее направленіе развитія; и только для *иллюстраціи* послѣдняго остановились мы на вышеприведенныхъ примѣрахъ.

Господствовавшее до сихъ поръ положеніе дѣлъ можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: рабочіе или оставались у своихъ станковъ, всецѣло подчиняясь созданной капиталистами организаціи производственнаго процесса, или всею массой бросали работу, опираясь въ борьбѣ на заранѣе накопленныя для этой цѣли сбереженія. Измѣнившееся соотношеніе силъ, дѣлая все болѣе и болѣе проблематичнымъ успѣхъ этой формы борьбы, выдвигаетъ новую задачу. Рабочіе, не покидая окончательно станковъ, не выпуская цѣликомъ изъ рукъ того источника средствъ къ жизни, которымъ является для нихъ заработная плата, должны въ то же время нанести чувствительные удары капиталистамъ путемъ планомѣрнаго нарушенія созданной послѣдними въ своихъ интересахъ организаціи производственнаго процесса, путемъ систематической *дезорганизаціи* производства.

Для успѣшнаго выполненія этой задачи необходимъ не только количественный ростъ рабочихъ союзовъ и сплачивающей ихъ организаціонной дисциплины,—необходимо коренное измѣненіе самаго характера этой послѣдней. Здѣсь совершается приблизительно та же перемѣна, какая произошла въ военномъ дѣлѣ, когда, вслѣдствіе прогресса техники убійства, боевыя дѣйствія густыми массами стали невозможны и замѣнились своего рода партизанской борьбой отдѣльныхъ группъ разсыпаннаго строя. Если бой ведется сплошной колонной, знакомство съ методами борьбы, съ условіями успѣха и пораженія, съ общимъ планомъ данной битвы необходимо только для командующаго колонной. Отъ солдата требуется лишь немедленное и точное выполненіе при-

казаній и такъ называемое боевое воодушевленіе, т. е готовность бокъ о бокъ со своими товарищами сражаться до послѣдней капли крови. То же самое можно сказать и относительно классической профессіональной стачки. Для успѣха послѣдней необходимо, конечно, тщательное изученіе даннаго производства, необходимо выбрать моментъ, когда условія рыночной конкурренціи дѣлаютъ забастовку особенно опасной для даннаго предпринимателя. Но вся эта работа можетъ быть выполнена и дѣйствительно выполняется обыкновенно «бюрократіей» профессіональнаго союза, спеціальными наемными руководителями trade-union'a или Gewerkschaft'a. Рабочіе должны лишь строго и стройно слѣдовать указаніямъ своихъ офицеровъ: дружно бросать работу по ихъ командѣ и стойко выдерживать забастовку. Дисциплина, развиваемая среди рабочихъ профессіональнымъ союзомъ классическаго типа, приближается по своему характеру къ старой армейской дисциплинѣ.

Совершенно иныя требованія предъявляетъ къ солдату борьба отдѣльными разсыпанными группами. Тутъ каждый долженъ усвоить себѣ общій планъ битвы, долженъ оріентироваться самостоятельно, долженъ проявлять собственную иниціативу, тщательно согласуя въ то же время свои дѣйствія съ дѣйствіями товарищей. —Такого же повышенія освѣдомленности, сознательности и иниціативы требуетъ отъ рабочихъ экономическая борьба, ставящая своей задачей парализовать созиданіе прибавочной цѣнности, не останавливая капиталистическаго производства цѣликомъ, но нанося ему рядъ отдѣльныхъ, планомѣрно комбинированныхъ ударовъ. Въ такой борьбѣ союзъ рабочихъ, оставаясь боевымъ — и именно на почвѣ своей боевой дѣятельности — вырабатываетъ въ себѣ всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы взять общественное производство въ свои руки, т. е. изъ ор-

ганизаціи борьбы превратиться въ организацію управленія.

Само собою разумѣется, это не можетъ быть достигнуто сразу. Передъ нами цѣлый періодъ развитія, который, въ зависимости отъ обстоятельствъ, можетъ быть и довольно короткимъ и весьма продолжительнымъ. Предстоитъ, конечно, рядъ ошибокъ и неудачъ; не разъ еще солидарность и сплоченность рабочихъ будетъ разбита частичными локаутами и иными формами репрессій, которыя не замедлятъ пустить въ ходъ капиталисты. Но безъ такихъ уроковъ не можетъ развиться и окрѣпнуть ни одно великое движеніе. Ясно во всякомъ случаѣ, что на этомъ поприщѣ ни богатство капиталистическихъ кассъ, ни объединеніе капиталистовъ хотя бы въ одну міровую организацію, не способно создать *непреодолимыхъ* препятствій для успѣха рабочихъ. На извѣстномъ уровнѣ организованности и сознательности перевѣсъ силы въ непосредственной борьбѣ окажется на сторонѣ тѣхъ, руки которыхъ приводятъ въ движеніе механизмъ общественнаго производства. Рано или поздно наступитъ моментъ, когда никакія ухищренія капиталистовъ и ихъ государства не смогутъ принудить рабочихъ работать такъ, какъ того требуютъ интересы возрастанія прибавочной цѣнности. Но, очевидно, пролетаріатъ, способный вести производство вопреки волѣ и въ нарушеніе интересовъ оффиціальныхъ организаторовъ производства, способенъ также вести его вполнѣ самостоятельно, подчиняясь лишь своей собственной волѣ и совершенно устранивъ безсильныхъ капиталистическихъ «руководителей». Всѣ промежуточные, колеблющіеся, мелкобуржуазные элементы поспѣшатъ тогда покинуть гибнущій корабль, и побѣда соціальной революціи будетъ обезпечена.

Мы не утверждаемъ, конечно, что каждый рабочій въ состояніи такъ изучить производственный механизмъ, какъ

изучаетъ его инженеръ. До тѣхъ поръ, пока среднее и высшее образованіе не есть достояніе каждаго человѣка,— а оно станетъ достояніемъ каждаго человѣка лишь при соціализмѣ,—средній рабочій не можетъ стать знатокомъ теоретической механики и высшей математики. Но этого и не требуется. Для успѣха соціалистическаго переворота вовсе не нужно, чтобы каждый рабочій самостоятельно вырабатывалъ планъ тѣхъ или другихъ преобразованій въ производствѣ,—для этого необходимо лишь, чтобы рабочіе могли вполнѣ сознательно отнестись къ каждому выработанному уже плану и обладали организаціей, приспособленной для его быстраго и умѣлаго воплощенія въ жизнь. При такихъ условіяхъ для успѣшнаго достиженія производственно-техническихъ задачъ грядущей революціи потребуется очень небольшое число ученыхъ руководителей, которые въ надлежащій моментъ всегда выдѣлятся изъ среды выдающихся рабочихъ и перебѣжчиковъ буржуазнаго стана. Между тѣмъ первые же успѣхи соціализма вызовутъ, конечно, массовое дезертирство теперешнихъ наемныхъ организаторовъ производства изъ рядовъ капиталистической арміи. Въ настоящее время господствуютъ, вообще говоря, преувеличенныя представленія о трудности товарищеской организаціи производства. Происходитъ это потому, что въ основу оцѣнки кладется обыкновенно опытъ производительныхъ рабочихъ ассоціацій, которыя раздираются присущимъ имъ противорѣчіемъ между соціалистическими тенденціями участниковъ и внѣшней необходимостью приспособляться къ требованіямъ капиталистическаго строя. Но и въ настоящее время имѣется уже опытъ другого рода, опытъ захвата рабочими производства,—правда временнаго и частичнаго. Такъ напр., опытъ завѣдыванія Сибирской дорогой забастовочными комитетами показалъ, что «измѣна» одного только средняго и низшаго техническаго персонала по-

зволяетъ уже рабочимъ самостоятельно вести такое сложное предпріятіе, какъ желѣзная дорога. Правда, съ технической стороны тогда не все обстояло благополучно, многіе паровозы были «заморожены» и т. п., но это произошло, повидимому, исключительно потому, что зачастую солдатскіе эшелоны непосредственно вмѣшивались въ дѣло, мѣшая забастовочнымъ комитетамъ регулировать движеніе. На тѣхъ участкахъ, гдѣ такого вмѣшательства не происходило, движеніе, судя по разсказамъ очевидцевъ, совершалось вполнѣ правильно. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что за два мѣсяца господства забастовочныхъ комитетовъ эвакуація арміи шла болѣе успѣшно, чѣмъ въ періодъ правительственнаго управленія дорогой, и вовсе не было серьезныхъ крушеній. Наоборотъ, возстановленіе «порядка» ознаменовалось сокращеніемъ числа эвакуируемыхъ ежедневно солдатъ и нѣсколькими крушеніями поѣздовъ.

Каково же отношеніе соціальдемократіи къ различнымъ формамъ борьбы, вырабатываемымъ жизнью?

Очень часто главную разницу между соціальдемократіей и анархизмомъ съ одной стороны, между соціальдемократіей и оппортунизмомъ съ другой, усматриваютъ въ неодинаковой принципіальной оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ формъ борьбы. Говорятъ, напримѣръ: оппортунисты признаютъ министеріализмъ, — соціальдемократы отвергаютъ его; анархисты признаютъ всеобщую экономическую стачку и отвергаютъ парламентскую борьбу, — соціальдемократы защищаютъ парламентаризмъ и отрицательно относятся къ идеѣ всеобщей экономической забастовки и т. п. Всякія такія разграниченія чрезвычайно поверхностны. Соціальдемократія «принципіально» не признаетъ и не отвергаетъ ни одного боевого метода. Для нея не существуетъ формъ борьбы, которыя бы были «*сами по себѣ*»

хороши или дурны, симпатичны или антипатичны, принципіально допустимы или недопустимы. Если соціальдемократы отвергаютъ анархическую всеобщую стачку, то вовсе не потому, что въ ней есть что-либо абсолютно несовмѣстимое съ соціальдемократической тактикой, а только потому, что при *данныхъ* конкретныхъ условіяхъ, при *данномъ* соотношеніи соціальныхъ силъ немедленный соціалистическій переворотъ вообще неосуществимъ; неосуществимы, слѣдовательно, рѣшительно всякіе способы вызвать этотъ переворотъ и въ частности та всеобщая экономическая забастовка, при помощи которой анархисты хотятъ произвести соціальную революцію. Величайшей пошлостью являются поэтому попытки нѣкоторыхъ нѣмецкихъ оппортунистовъ превратить формулу «Generalstreik-Generalunsinn», имѣющую смыслъ лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, въ какой-то абсолютный догматъ соціальдемократической вѣры. Равнымъ образомъ и оппортунистскій «министеріализмъ» соціальдемократы отвергаютъ только потому, что при данной группировкѣ соціально-политическихъ силъ и данномъ темпѣ борьбы во Франціи и другихъ странахъ Западной Европы вступленіе соціалистовъ въ министерство способно не усилить, а ослабить и дезорганизовать соціалистическое движеніе. Именно съ этой точки зрѣнія политической *цѣлесообразности* критикуетъ мильеранизмъ Каутскій въ своей брошюрѣ «Республика и соціальдемократія во Франціи»; онъ далекъ отъ утвержденія, что впредь до торжества новаго строя для соціалиста при всѣхъ и всякихъ условіяхъ *недопустимо* занимать какія бы то ни было оффиціальныя положенія. Наконецъ, и парламентаризмъ отнюдь не разсматривается соціальдемократіей, какъ панацея отъ всѣхъ золъ. И здѣсь тактика опредѣляется исключительно соображеніями цѣлесообразности при данной конкретной ситуаціи.

Соціальдемократія стремится въ своей борьбѣ съ

буржуазнымъ обществомъ провести тотъ самый принципъ, который въ соціалистическомъ строѣ будетъ опредѣлять собой всю организацію общественнаго хозяйства. Какъ мы уже говорили, соціализмъ не мирится съ какими-либо апріори установленными ограниченіями или правилами, регулирующими техническую организацію производства. Соціализмъ вынужденъ осуществлять всѣ техническіе пріемы, всѣ формы сочетанія и раздѣленія труда, разъ они соотвѣтствуютъ основной задачѣ его производственной организаціи — повышенію производительности человѣческаго труда. Равнымъ образомъ соціальдемократическая партія при выборѣ пріемовъ тактики, т. е. боевой техники, руководствуется исключительно принципомъ *цѣлесообразности*, принципомъ соотвѣтствія этихъ пріемовъ основной задачѣ: расширить соціалистическое сознаніе пролетаріата и увеличить фактическую силу его организаціи въ борьбѣ за соціализмъ. Всѣ намѣченныя жизнью формы борьбы она стремится организовать и комбинировать такимъ образомъ, чтобы эта основная задача осуществлялась пролетаріатомъ съ наименьшей растратой энергіи, чтобы трудъ, затрачиваемый рабочими на соціалистическую борьбу, былъ въ каждый данный моментъ наиболѣе производителенъ.

Иначе обстоитъ дѣло у анархистовъ. Для нихъ дѣйствительно существуютъ запретныя формы борьбы въ настоящемъ, какъ существуютъ запретныя формы производственной техники въ будущемъ строѣ. Анархизмъ въ его чистомъ видѣ признаетъ только первую сторону соціальдемократической задачи, только развитіе соціалистическаго сознанія; создавать организованную силу, способную на дѣлѣ осуществить соціализмъ, анархисты считаютъ излишнимъ, такъ какъ по ихъ ученію «народъ» всегда имѣетъ силу, достаточную для соціалистическаго переворота, лишь бы только онъ захотѣлъ. Послѣдова-

тельно проводя эту точку зрѣнія, приходится признать всякую борьбу, имѣющую своей непосредственною цѣлью какія-либо завоеванія въ рамкахъ капиталистическаго строя, не только безполезной, но и прямо вредной. Вотъ, напр., рабочіе, поддерживающіе забастовкой требованіе 8-ми часового дня. Почему они борются *только* за 8-ми часовой день, почему не за 7-ми, 6-ти часовой? Почему они не борются *прямо и непосредственно* за соціализмъ? почему не провозглашаютъ своей стачки началомъ соціальной революціи? Только потому, отвѣчаетъ анархистская теорія, что они еще плохіе соціалисты, недостаточно проникнуты жаждой соціалистическаго идеала, недостаточно интенсивно *хотятъ* соціализма. Отсюда логически вытекаетъ, что всякое *сознательное* стремленіе ограничить непосредственныя задачи борьбы, соразмѣрить ихъ съ наличнымъ соотношеніемъ силъ есть уже измѣна дѣлу соціализма.

Анархизмъ, поскольку онъ строго слѣдуетъ своимъ принципамъ, приводитъ, какъ мы уже видѣли выше, къ отрицанію всѣхъ и всяческихъ формъ борьбы, кромѣ «прямой и непосредственной» соціальной революціи, и къ признанію пропаганды единственно допустимымъ способомъ подготовки соціалистическаго возстанія. Однако на практикѣ анархизму не удается надолго сохранить вѣрность принципамъ. Какъ только онъ захватываетъ сколько-нибудь значительныя массы рабочихъ, онъ вынужденъ итти на крупнѣйшіе компромиссы, приспособляя свою теорію къ неумолимымъ требованіямъ жизни. Анархисты становятся защитниками такъ называемаго «революціоннаго синдикализма», противопоставляя послѣдній партійной парламентской борьбѣ соціальдемократіи.

Революціонный синдикализмъ представляетъ крупный шагъ впередъ по сравненію съ чистымъ доктринерскимъ анархизмомъ. Если не въ теоріи, то по крайней мѣрѣ

на практикѣ революціонный синдикализмъ уже покинулъ почву наивной вѣры, что рабочій классъ и вообще простой «народъ» по самой природѣ своей обладаетъ всѣми данными, необходимыми для немедленнаго осуществленія соціализма. Синдикалисты стремятся путемъ систематической борьбы сплотить пролетаріатъ въ организованную силу, способную низвергнуть капитализмъ и стать на его мѣсто. Въ этомъ ихъ преимущество также по сравненію съ защитниками традиціонныхъ формъ экономической борьбы. И англійскіе трэдъ-юніонисты, которые никогда серьезно не думали о соціализмѣ, и нѣмецкіе геверкшафтлеры, которые давно позабыли о соціализмѣ, не переставая номинально числиться соціальдемократами,— всѣ они являются одинаково непримиримыми фанатиками «старой», «испытанной» тактики. «Всеобщимъ безумiемъ» представляется имъ не только всеобщая забастовка, но и рѣшительно всякое серьезное отступленіе отъ священныхъ традицій классической профессіонально-стачечной формы борьбы. Революціонный синдикализмъ, какъ теченіе, проникнутое дѣйствительно революціоннымъ духомъ, склонное разсматривать каждый вопросъ текущей борьбы подъ угломъ зрѣнія соціализма, а не традиціи, окажется, вѣроятно, несравненно воспріимчивѣе, чѣмъ старый профессіонализмъ, къ тѣмъ новымъ формамъ экономическаго и политическаго движенія, которыя диктуются требованіями жизни. Однако, для полноты успѣха въ этомъ направленіи революціонному синдикализму необходимо еще эмансипироваться отъ многихъ пережитковъ анархическаго доктринерства. Сюда относится прежде всего боязнь широкихъ централизованныхъ организацій. Боязнь эта принимала зачастую прямо таки комическія формы; такъ напримѣръ, синдикалисты на своихъ собраніяхъ и съѣздахъ не рѣшались выбирать предсѣдателя, опасаясь, какъ бы созданная такимъ образомъ «власть» не изна-

силовала автономной воли собравшихся. Въ настоящее время синдикалисты предсѣдателей уже перестаютъ бояться; но этого, конечно, еще очень мало: они по прежнему сторонники полной автономіи мелкихъ группъ, тогда какъ тенденціи соціальнаго развитія требуютъ *классовой* организаціи пролетаріата въ области какъ экономической, такъ и политической борьбы.

Доктринерскимъ предразсудкомъ синдикалистовъ является также ихъ *принципіально* враждебное отношеніе къ партійной парламентской борьбѣ. Прославляя «непосредственную», «прямую», «революціонную» борьбу своихъ союзовъ, синдикалисты громятъ тотъ «торгъ» съ буржуазіей, тѣ «сдѣлки» съ капитализмомъ, которыми занимаются соціалистическія партіи въ парламентѣ. При этомъ забывается, что борьба революціонныхъ синдикатовъ при всей ея «непосредственности» ставитъ своей *непосредственной* задачей не поднять знамя возстанія, а вынудить у капиталистовъ рядъ уступокъ, имѣющихъ ровно столько же правъ на терминъ «сдѣлки съ буржуазіей», какъ и тѣ законы, которые соціалистическія партіи стремятся вырвать и дѣйствительно иногда вырываютъ у буржуазныхъ парламентовъ. Кромѣ того, при стачкѣ неизбѣжны переговоры между представителями капиталистовъ и рабочихъ, хотя бы въ формѣ простого предъявленія взаимныхъ требованій. Чѣмъ же *принципіально* отличаются эти переговоры отъ того «торга», который ведутъ въ парламентѣ представители различныхъ классовъ: вѣдь и тамъ дѣло сводится въ концѣ концовъ къ предъявленію требованій, практическое осуществленіе которыхъ зависитъ не отъ изворотливости ведущихъ «торгъ» депутатовъ, не отъ ихъ ораторскаго искусства, а отъ реальнаго соотношенія внѣпарламентскихъ общественныхъ силъ. Признавая экономическую борьбу, стремящуюся къ завоеваніямъ въ рамкахъ существующаго

строя, нелогично *принципіально* отвергать парламентскую борьбу, преслѣдующую ту же самую цѣль. Тутъ допустима, очевидно, только чисто практическая, «дѣловая» оцѣнка этихъ методовъ съ точки зрѣнія ихъ полезности въ предѣлахъ общей имъ обоимъ задачи. Но развѣ возможно отрицать, что «непосредственно» завоеванный рабочими короткій день очень *полезно* закрѣпить закономъ? Еще очевиднѣе эта *польза* парламентской борьбы въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственная борьба не въ силахъ добиться сокращенія дня, и только параллельное ей парламентское давленіе партіи соціалистовъ вынуждаетъ законодательную власть принять соотвѣтственный законъ,—случай, имѣвшій, какъ мы видѣли, мѣсто во время стачки австрійскихъ углекоповъ.

Но обиднѣе всего то, что теоретикамъ и вождямъ синдикализма практически не удается удержать рабочихъ совершенно въ сторонѣ отъ парламентаризма. Рабочіе все-таки голосуютъ, и доктринерамъ приходится итти еще далѣе по пути компромиссовъ. «Какъ члены революціоннаго класса, вы боретесь за соціализмъ въ синдикатахъ и только въ синдикатахъ; какъ граждане, вы можете голосовать за кого вамъ угодно»,—вотъ формула, которую въ настоящее время защищаетъ рядъ видныхъ синдикалистовъ (напр., Лягардель), и которую принялъ между прочимъ въ одной изъ резолюцій послѣдній конгрессъ французскихъ синдикатовъ въ Амьенѣ. Голосовать за кого угодно, отнюдь однако не образуя собственной рабочей партіи! Практически это значитъ проводить въ парламентъ голосами рабочихъ наиболѣе радикальныхъ или просто наиболѣе безсовѣстныхъ, наиболѣе щедрыхъ на обѣщанія представителей буржуазныхъ партій [1]). Лю-

[1]) Лягардель совѣтуетъ рабочимъ подавать голоса за соціалистовъ, но послѣднихъ онъ считаетъ—и, поскольку дѣло идетъ о Франціи, не безъ нѣкотораго основанія—за крайнюю лѣвую буржуазной демократіи.

бопытно что точка зрѣнія революціоннаго синдикализма совершенно совпадаетъ здѣсь съ точкой зрѣнія англійскаго трэдъ-юніонизма, и притомъ трэдъ-юніонизма стараго, въ настоящее время уже умирающаго типа. Неумолимая діалектика соціальнаго развитія превращаетъ гордое революціонное игнорированіе парламента въ его прямую противоположность: въ самый безпринципный, въ самый оппортунистическій парламентаризмъ.

Пережитки доктринерскаго анархизма сказываются и въ представленіи синдикалистовъ о грядущей соціалистической революціи. Нѣкоторые синдикалисты (напр., видный дѣятель итальянскаго синдикализма, Лабріола) полагаютъ, что синдикаты смогутъ осуществить товарищескую организацію производства, взявъ въ аренду у капиталистовъ ихъ предпріятія, а затѣмъ отказавъ имъ въ платежѣ арендныхъ денегъ, когда новый строй достаточно окрѣпнетъ.—Нужно или не нужно будетъ выкупать предпріятія у капиталистовъ, этого въ настоящее время предсказать немыслимо. Возможно, что соціалистическому режиму придется выкупить предпріятія; и въ этомъ случаѣ весьма правдоподобно, что соціалистическій режимъ, почувствовавъ прочную почву подъ ногами, немедленно же лишитъ капиталистовъ ихъ рентъ— или просто и прямо, или же косвенно, напр., путемъ подоходнаго налога съ гигантской прогрессіей, какъ это предвидитъ Каутскій. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что соціализмъ можетъ осуществиться только путемъ быстраго, планомѣрно организованнаго перехода въ общественное завѣдываніе *всѣхъ* капиталистическихъ предпріятій. Мечта объ арендованіи предпріятій *отдѣльными* синдикатами есть отрыжка теоріи мирнаго соціальнаго обновленія, теоріи вростанія соціализма въ капитализмъ. Революціонное анархическое доктринерство опять превращается здѣсь въ практическій оппортунизмъ.

Необходимо отмѣтить, наконецъ, что многіе синдикалисты ревностно ведутъ пропаганду всеобщей экономической забастовки. Въ обычное время пропаганда эта сводится къ болѣе или менѣе невинному словесному упражненію. Но разъ условія момента выдвигаютъ необходимость массовой политической забастовки, пропаганда экономической «послѣдней» забастовки можетъ принести крупный вредъ, можетъ дезорганизовать рабочихъ и облегчить побѣду надъ ними капиталистовъ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, революціонный синдикализмъ есть прогрессивное явленіе, поскольку онъ уже эмансипировался отъ традицій анархизма; онъ сыграетъ въ освобожденіи пролетаріата великую роль, если сумѣетъ предварительно освободить самого себя отъ анархической доктрины, скрывающей размахъ его борьбы.

X.

Соціализмъ и власть.

Выше мы видѣли, что апріорныя ограниченія размѣровъ производственной организаціи несовмѣстимы съ соціализмомъ. Никакія попытки втиснуть соціалистическое производство въ рамки небольшихъ автономныхъ коммунъ не могутъ имѣть успѣха; соціализму придется создавать обширную централизованную систему производства. Какъ же отразится это на политическомъ строѣ? Приведетъ ли централизація производства къ превращенію общества въ гигантскую казарму, какъ опасаются анархисты, или же «свобода и самоопредѣленіе личности» отъ этого не пострадаютъ?

Какъ мы уже говорили во второй главѣ, по марксистской теоріи, съ соціалистическимъ строемъ совершенно несовмѣстимо существованіе обособленныхъ отъ общества органовъ государственной власти, имѣющихъ своимъ назначеніемъ силою поддерживать общественный порядокъ.

Такіе органы необходимы и неизбѣжны лишь постольку, поскольку подлежащій охраненію «порядокъ» представляетъ совокупность нормъ, гарантирующихъ господствующему классу безпрепятственную эксплуатацію остальныхъ классовъ общества. Съ устраненіемъ классовыхъ и вообще соціально-экономическихъ противорѣчій исчезаетъ всякая необходимость и всякая возможность государственной организаціи.

Существуетъ, правда, мнѣніе, будто человѣкъ по самой природѣ своей настолько испорченъ и лѣнивъ, что даже въ соціалистическомъ строѣ, гдѣ нѣтъ эксплуатаціи, гдѣ всѣ работаютъ не на капиталистовъ, а на самихъ себя, безъ полиціи не загонишь народъ на фабрики. Что вы будете дѣлать съ лѣнтяями, съ охотниками поживиться на общественный счетъ? — спрашиваютъ добродѣтельные буржуа— столпы современнаго трудолюбія, — вамъ придется въ вашемъ «соціалистическомъ государствѣ» къ каждому рабочему приставить по городовому!

Устрашенные этой перспективой, анархисты начинаютъ увѣрять, что въ ихъ свободныхъ коммунахъ всѣ будутъ трудиться съ чрезмѣрнымъ рвеніемъ, будутъ приготовлять необходимые для жизни продукты въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ нужно... такъ что если городовой даже и потребуется, то отнюдь не для того, чтобы «ташшить» людей на фабрики, а развѣ для того, чтобы «не пущать» ихъ туда. — Впрочемъ, въ основѣ этихъ мечтаній анархистовъ лежитъ правильная мысль, что тягостенъ не трудъ самъ по себѣ, а лишь современная подневольная его форма. Освобожденный отъ капиталистическаго ярма, обставленный вполнѣ гигіенично, трудъ станетъ «удовольствіемъ», т. е. удовлетвореніемъ основной потребности человѣка. Какъ извѣстно, еще Фурье положилъ въ основу организаціи труда въ своихъ «серіяхъ» эту задачу: путемъ цѣлесообразнаго сочетанія различныхъ работъ,

приспособленныхъ къ требованіямъ природы человѣка, превратить процессъ труда въ непрерывное удовольствіе.

Мы также нимало не сомнѣваемся въ томъ, что въ соціалистическомъ обществѣ люди будутъ затрачивать на трудъ гораздо больше времени, чѣмъ тѣ немногіе часы, которые необходимы для удовлетворенія всѣхъ насущныхъ потребностей общества. Мы убѣждены, что освобожденный отъ капиталистическаго проклятія, одухотворенный художественнымъ геніемъ трудъ воскреснетъ въ свободныхъ ассоціаціяхъ будущаго и воплотится въ творенія искусства, несравненно болѣе богатыя и грандіозныя по замыслу и выполненію, чѣмъ тѣ храмы, которые создавали нѣкогда свободные союзы средневѣковыхъ ремесленниковъ. Но ни откуда не слѣдуетъ, что въ каждый данный моментъ человѣку захочется дѣлать именно то, чего требуютъ отъ него текущія, не терпящія отлагательства нужды общества. Конечно, этотъ «обязательный» трудъ будетъ сокращенъ до ничтожнаго минимума; онъ будетъ оставлять каждому индивидууму вполнѣ достаточно времени для свободнаго творчества [1]), тѣмъ не менѣе его *обязательный* характеръ отъ этого не уничтожится. Будетъ лишь гораздо легче отбывать эту трудовую повинность, нежели въ современномъ строѣ экономическаго рабства. И для того, чтобы обезпечить добросовѣстное отбываніе ея всѣми членами общества, къ услугамъ городового прибѣгать не придется, — не только потому, что городовой вообще не желателенъ, но и потому, что въ этой области онъ былъ бы совершенно безсиленъ. Единственно возможнымъ и единственно дѣйствительнымъ средствомъ является въ данномъ случаѣ та товарищеская дисциплина, которая уже въ настоящее

[1]) Есть основанія думать, что уже при современной техникѣ «обязательный» промышленный трудъ могъ бы быть сокращенъ соціалистической организаціей производства до 4-хъ, 5-ти часовъ въ день.

время создается въ рабочихъ организаціяхъ и заставляетъ каждаго отдѣльнаго члена безъ всякаго внѣшняго принужденія мириться съ цѣлымъ рядомъ личныхъ неудобствъ ради достиженія общей цѣли. Правда, пока живы еще психологическіе пережитки буржуазнаго общества, самая эта «дисциплина», самый этотъ «контроль» общественнаго мнѣнія не можетъ не ощущаться иногда, какъ *внѣшнее* принужденіе. Но для поколѣній, родившихся и воспитавшихся въ атмосферѣ соціалистическаго строя, необходимость участвовать въ работѣ, поддерживающей жизнь общества, будетъ представляться чѣмъ-то совершенно естественнымъ, само собою разумѣющимся, безъ чего немыслимо представить себѣ самое существованіе человѣка. Вѣдь и въ настоящее время можно указать рядъ несомнѣнныхъ неудобствъ и стѣсненій, наложенныхъ на человѣка общежитіемъ, и въ то же время настолько сросшихся съ «природой» каждаго индивидуума, что освобожденіе отъ нихъ ощущалось бы, какъ еще горшее неудобство и стѣсненіе. Всякій согласится, напримѣръ, что въ душной комнатѣ, переполненной густой толпой, одежда есть совершенно очевидное стѣсненіе, и однако даже высоко принципіальный анархистъ врядъ ли рѣшится сбросить съ себя это «ярмо», хотя въ данномъ случаѣ оно не имѣетъ за собой никакихъ разумныхъ основаній, навязано исключительно *деспотизмомъ* общественнаго мнѣнія.

Но если внѣшнее принужденіе и авторитарное руководство не потребуется для того, чтобы заставить членовъ соціалистическаго общества стать на работу, то, быть можетъ, оно необходимо для организаціи самой этой работы, для правильнаго функціонированія такого сложнаго, грандіознаго по своимъ размѣрамъ механизма, какимъ является соціалистическое производство.

Въ капиталистическомъ обществѣ властныя, «автори-

тарныя» отношенія связаны не только съ государственной организаціей, но проникаютъ собой сверху до низу весь общественный и въ частности производственный строй. Но зависитъ это вовсе не отъ того, что производство слишкомъ концентрировано, что общественное раздѣленіе труда зашло слишкомъ далеко,— нѣтъ, источникомъ всякой власти, всякаго принужденія является здѣсь, какъ и вездѣ, соціальный конфликтъ, противорѣчіе интересовъ.

Капиталистическая фабрика переполнена безчисленными надсмотрщиками, понукателями, соглядатаями, контролерами. Техническое управленіе орудіями производства неразрывно связано здѣсь съ авторитарнымъ управленіемъ людьми, примѣняющими къ дѣлу эти орудія. Всякій организаторскій планъ, необходимый для процвѣтанія производства, долженъ вылиться въ рядъ безапелляціонныхъ повелѣній фабричной администраціи, въ рядъ «законовъ», которые могутъ быть осуществлены лишь подъ контролемъ власти, способной принудить работниковъ къ ихъ выполненію. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на эту картину бросается въ глаза, что власть необходима здѣсь вовсе не потому, что организація производства слишкомъ сложна, что рабочіе безъ авторитарнаго руководства не въ состояніи оріентироваться въ этомъ запутанномъ механизмѣ. Если человѣкъ не знаетъ, что и какъ онъ долженъ дѣлать, для него требуется не приказаніе, а объясненіе; и приказаніе имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда объясненіе уже усвоено, всѣ трудности уже преодолѣны, когда человѣкъ уже знаетъ, что и какъ дѣлать, но не хочетъ дѣлать, не видитъ для себя *интереса* въ томъ, чтобы строго выполнять это «что и какъ».

Быть можетъ, однако, мы не правы, быть можетъ, самое «усвоеніе» въ данномъ случаѣ недоступно среднему человѣку; быть можетъ, требуется особо выдающійся

талантъ, для того чтобы опредѣлить въ любой моментъ функціи каждаго отдѣльнаго участника производственнаго механизма, и, такимъ образомъ, даже при соціалистической организаціи, устраняющей конфликтъ интересовъ, рабочіе вынуждены будутъ на каждомъ шагу слѣпо слѣдовать указаніямъ высшихъ руководителей.—Само собой разумѣется, что открытіе новыхъ орудій или методовъ труда, повышающихъ производительность работы, требуетъ исключительнаго таланта. Но вѣдь здѣсь дѣло идетъ не объ изобрѣтеніяхъ, которыя навсегда останутся индивидуальнымъ творческимъ актомъ, возникающимъ совершенно непредвидѣнно и потому не поддающимся никакой заранѣе опредѣленной организаціи. Мы говоримъ о производствѣ, которое организуетъ примѣненіе *уже готовыхъ* изобрѣтеній въ данной опредѣленной области.—Предстоитъ изготовить опредѣленное количество опредѣленныхъ предметовъ потребленія; изъ всѣхъ извѣстныхъ методовъ производства требуется избрать такіе, примѣненіе которыхъ обезпечиваетъ достиженіе этой цѣли съ наименьшею затратою труда. Очевидно, передъ нами чисто математическая задача. Для того, чтобы уразумѣть, правильно или неправильно она рѣшена, не нужно обладать ни художественнымъ чутьемъ, ни особою проницательностью,—достаточно знать тѣ математическіе пріемы, при помощи которыхъ произведены вычисленія. А это доступно рѣшительно всякому человѣку, получившему надлежащую школьную подготовку. Въ соціалистическомъ строѣ всякій вопросъ производственной техники превращается въ математическую задачу указаннаго типа, и притомъ въ задачу, въ правильномъ разрѣшеніи которой заинтересованы всѣ безъ различія участники производства; поэтому здѣсь становится невозможнымъ не только «авторитарное», но и вообще какое бы то ни было руководительство, не остается также мѣста и для «деспотизма» большинства

голосовъ. Правильность математическаго вывода не можетъ быть установлена ни декретами, ни всеобщимъ голосованіемъ,—тутъ царствуетъ безусловная свобода и самоопредѣленіе индивидуума, и въ то же время немыслимо никакое «нарушеніе порядка»: полное единогласіе само собою обезпечивается общезначимостью математическихъ аксіомъ. Работники данной отрасли производства могутъ поручить особой группѣ лицъ слѣдить за всѣми новыми изобрѣтеніями и производить всѣ необходимыя для ихъ оцѣнки математическія выкладки. Но выдѣлять изъ своей среды *власть*, предписывающую подъ страхомъ наказанія признать эти выкладки правильными и принять ихъ къ обязательному руководству, рабочимъ, конечно, не придетъ въ голову, ибо нѣтъ никакихъ основаній ожидать, что соціалистическій переворотъ вызоветъ всеобщее авторитарное помѣшательство.

То, что мы только что сказали о технической постановкѣ каждаго отдѣльнаго предпріятія, примѣнимо рѣшительно ко всѣмъ функціямъ соціалистической организаціи. Возьмемъ хотя бы функціи центра, регулирующаго ходъ всего производственнаго цѣлаго. Вотъ, казалось бы, почва, гдѣ пышнымъ цвѣтомъ можетъ распуститься власть со всѣми ея эксцессами. Держать въ своихъ рукахъ всѣ нити мірового производства! Вѣдь это такой источникъ могущества, по сравненію съ которымъ дѣтской игрушкой кажутся матерьяльныя силы, составлявшія опору власти величайшихъ деспотовъ древнихъ «всемірныхъ» монархій. Какія тщательныя гарантіи выборности, отвѣтственности, смѣняемости, подсудности и т. д. и т. п. необходимы для того, чтобы лица, которымъ будетъ довѣренъ этотъ высокій постъ, находились подъ неослабнымъ общественнымъ контролемъ и не могли обратиться въ тирановъ, деспотически помыкающихъ населеніемъ земного шара! Такъ дѣло и представлялось бы, если бы мы повѣрили

анархистскому жупелу и допустили возможность того «государственнаго капитализма», который, по увѣреніямъ анархистовъ, неразрывно связанъ съ централизаціей производства. Въ дѣйствительности однако чортъ далеко не такъ страшенъ, какъ малюетъ его анархическая кисть. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ услугахъ со стороны «центра» нуждается отдѣльная соціализированная отрасль промышленности? въ чемъ можетъ выразиться ея зависимость отъ центра? Работникамъ той или другой индустріи надо знать, сколько и какихъ именно продуктовъ они должны изготовить для удовлетворенія данной общественной потребности. Никакія «предписанія» по сему поводу со стороны центра не нужны, а слѣдовательно, и невозможны,— все, что требуется отъ него, это тщательный статистическій учетъ мірового потребленія и своевременное опубликованіе систематизированныхъ итоговъ. Перераспредѣленіе работниковъ, вызываемое измѣненіемъ вкусовъ и прогрессомъ техники, въ значительной мѣрѣ совершается въ предѣлахъ каждой данной отрасли промышленности и потому не касается центра; и опять-таки оно требуетъ не принудительнаго раскассированія и формированія промышленныхъ отрядовъ, а лишь точнаго учета силъ, недостающихъ или излишнихъ въ той или другой профессіи. Такимъ образомъ, грозное «центральное міровое правительство» при ближайшемъ разсмотрѣніи превращается въ скромное «центральное статистическое бюро», завѣдующее не міровымъ производствомъ въ цѣломъ, а лишь одной изъ многочисленныхъ детальныхъ работъ, входящихъ въ систему этого послѣдняго. Цѣлесообразность и планомѣрность общественной организаціи производства въ томъ-то и состоитъ, что дѣленіе на руководящіе и исполнительные органы устраняется, и на мѣсто группъ, отдающихъ и выполняющихъ приказанія, становятся автономныя въ предѣлахъ своей функціи,

равноправныя между собой подраздѣленія общественно-расчлененнаго труда.

Но мы уже слышимъ тяжкій вздохъ, вырывающійся изъ груди читателя. «Боже мой, какъ скучно будетъ жить въ этомъ новомъ обществѣ, гдѣ все математически разсчитано, гдѣ нѣтъ мѣста для борьбы страстей, для драматическихъ коллизій между индивидуумами!» Скука, да еще скука человѣка, психика котораго приспособлена къ современной соціальной атмосферѣ, конечно, не аргументъ противъ будущаго строя. Тѣмъ не менѣе мы спѣшимъ на выручку удрученному читателю. Математически разсчитано будетъ далеко не «все». Далеко не вся дѣятельность человѣка можетъ быть включена въ обязательную общественную организацію. Внѣ ея останется какъ разъ самое важное, самое дорогое,—тѣ высшія жизненныя цѣнности, ради свободнаго расцвѣта которыхъ и нужна, между прочимъ, планомѣрно-математическая организація производства.

Каутскій проводитъ границу между общественно-организованной и свободной «анархической» дѣятельностью въ будущемъ строѣ слѣдующимъ образомъ: «Общественно организовано должно быть матерьяльное производство,—анархически, на основѣ свободнаго соглашенія, организуется умственный трудъ» [1]).—Но различіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ чрезвычайно поверхностно и не точно. Обыкновенно подъ умственнымъ трудомъ понимается, съ одной стороны, такой трудъ, который требуетъ особо квалифицированной образовательной подготовки, съ другой стороны, всякій трудъ, «орудіями» котораго являются перо, чернила и бумага. Не говоря уже о томъ, что трудъ при помощи пера во многихъ случаяхъ есть несравненно болѣе механическій,

[1]) См. его брошюру «Соціальный переворотъ.—На другой день».

или «физическій», чѣмъ нѣкоторыя отрасли «ручного» фабричнаго труда, съ точки зрѣнія организаціи производства будущаго интересна вовсе не эта сторона дѣла.

Общественной организаціи требуютъ, очевидно, всѣ тѣ функціи, *непрерывное* отправленіе которыхъ необходимо для покрытія какой-либо всеобщей, т. е. присущей каждому члену общества, потребности. Подъ эту рубрику подойдетъ цѣлый рядъ работъ, относимыхъ въ настоящее время къ категоріи «умственнаго» труда. Такъ, напримѣръ, систематическая хозяйственная статистика безусловно необходима для правильнаго функціонированія соціалистическаго производства. Слѣдовательно, эта статистика должна быть организована общественно, должна войти, какъ особое подраздѣленіе, въ систему общественно-организованнаго производства. То же самое приходится сказать о медицинѣ, о школьномъ образованіи и воспитаніи дѣтей. Съ другой стороны, художественное ремесло относятъ въ настоящее время къ категоріи физическаго труда; между тѣмъ, поскольку данное художественно-ремесленное произведеніе не сводится къ простому копированію модели, но воплощаетъ индивидуальную творческую мысль работника, оно—какъ и всякое произведеніе искусства—отнюдь не должно, да и не можетъ быть продуктомъ общественно-организованнаго производства.

Всякая творческая, изобрѣтательная, конструктивная дѣятельность человѣка должна остаться за предѣлами обязательной общественной организаціи, совершенно независимо отъ того, при помощи какихъ именно «орудій» она воплощается во внѣ. Соціализмъ отнюдь не связываетъ проявленій творческаго духа, онъ впервые освобождаетъ ихъ и дѣлаетъ, такъ сказать, общедоступными. Въ настоящее время для большинства, скованнаго рабскимъ трудомъ, область творчества вообще закрыта; но и для меньшинства, монополизировавшаго ее, она не

свободна, а неизбѣжно окрашивается такъ или иначе—положительно или отрицательно, сочувственно или негодующе—тѣми идеями, которыя порождены атмосферой соціальнаго рабства. Поэты, напримѣръ, очень красиво говорятъ иногда о томъ, что они «рождены не для корысти, не для битвъ», и съ большимъ эффектомъ изливаютъ свой гнѣвъ на «чернь», нарушающую свободный полетъ ихъ творческой мечты своими криками, стонами и проклятіями. Пока поэтъ только негодуетъ на свою зависимость отъ черни, онъ хорошъ, онъ выражаетъ интенсивное, богатое содержаніемъ настроеніе, которое выливается въ яркіе образы. Но стоитъ поэту вообразить, что онъ уже фактически освободился отъ власти земли, стоитъ ему сдѣлать попытку погрузиться въ сферу самодовлѣющихъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ»,—и фіаско неизбѣжно: получается или нѣчто ничтожно-микроскопическое, въ родѣ едва слышнаго Фетовскаго «шопота» и «робкаго дыханья», или хотя и крикливые, но зато уже совершенно пустопорожніе «фіолетовые звуки въ сладкозвучной тишинѣ».

Не только самый процессъ творчества получаетъ полную свободу при соціализмѣ. Проведеніе въ жизнь уже вполнѣ законченнаго художественнаго или научнаго плана должно быть также дѣломъ свободнаго соглашенія, разъ имѣются сторонники и противники даннаго плана, разъ вокругъ него кипитъ борьба различныхъ эстетическихъ вкусовъ и идеаловъ или различныхъ научныхъ теорій. Интенсивность и страстность *такой* борьбы между индивидуумами не понизится, конечно, въ соціалистическомъ обществѣ, а наоборотъ, пріобрѣтетъ небывалый размахъ.— Итакъ, во всемъ, что касается воплощенія новыхъ творческихъ замысловъ,—будетъ ли это какая-либо научная экспедиція, постройка дворца или памятника, требующая совмѣстной работы сотенъ и тысячъ людей,

или же дѣло идетъ о художественной бездѣлушкѣ, которую два-три работника могутъ изготовить въ одинъ вечеръ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ предпріятіе можетъ быть осуществлено только на почвѣ добровольнаго соглашенія отдѣльныхъ индивидуумовъ, соединяющихъ свои рабочія силы ad hoc. Какова бы ни была внутренняя организація такого добровольнаго и временнаго союза, она всегда *свободна* уже по одному тому, что каждый индивидуумъ можетъ въ любой моментъ выступить изъ нея.—«Обязательная» общественная организація охватываетъ лишь удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя общепризнаны, вошли въ плоть и кровь каждаго человѣка и потому не способны создать принципіальнаго столкновенія различно направленныхъ интересовъ. Но разъ данная потребность одинаково присуща всѣмъ, разъ желанія всѣхъ одинаково направлены, то весь вопросъ сводится къ техникѣ ихъ наиболѣе цѣлесообразнаго удовлетворенія. Слѣдовательно, здѣсь—и только здѣсь—вступаетъ въ свои права математика, причемъ, какъ мы уже говорили, математическія аксіомы очищаютъ область своего господства отъ всякихъ авторитарныхъ декретовъ еще съ гораздо большей легкостью, нежели принципъ свободнаго соглашенія индивидуумовъ.

Одинъ изъ градоначальниковъ города Глупова находитъ, что всѣ вообще законы, отъ градоначальнической власти исходящіе, можно раздѣлить на три категоріи: законы глупые, средніе и мудрые. Мысль философствующаго администратора сводится въ краткихъ словахъ къ слѣдующему. Законы *глупые* суть тѣ, кои противорѣчатъ естеству человѣческому, напр.: всякій обыватель да летаетъ по воздуху. Наоборотъ, *средніе* законы предписываютъ человѣку то, что уже предписано ему самимъ его естествомъ, напримѣръ: всякій обыватель да піетъ воду, а отнюдь не керосинъ. Наконецъ, *мудрые* законы содер-

жатъ въ себѣ правила, для общественнаго благоденствія необходимыя, но ограниченному разуму подданныхъ недоступныя въ своемъ значеніи.—Въ соціалистическомъ обществѣ всякая попытка издать «мудрый» законъ фатально обречена на неудачу. Здѣсь возможны «законы» или глупые, т. е. требующіе осуществленія чего-либо для всѣхъ явно нелѣпаго и вреднаго, или средніе, т. е. предписывающіе то, необходимость чего ясна и безъ всякаго предписанія. Атмосфера, менѣе всего способная поощрить развитіе авторитарнаго законодательства!

Не то въ капиталистическомъ обществѣ. Тутъ дѣйствительно существуетъ почва для «мудрыхъ» руководителей, требующихъ слѣпого подчиненія себѣ не только со стороны лицъ, угнетаемыхъ ими, но и со стороны тѣхъ, чьи интересы они выражаютъ, чьими «вождями» они являются.— Область, творящая героевъ-руководителей, есть прежде всего анархическій рынокъ. Рыночная конъюнктура, предстоящія измѣненія въ спросѣ, поведеніе конкуррентовъ—все это не поддается заранѣе строгому учету. Требуется своеобразное художественное чутье, спеціальный талантъ, специфическая изобрѣтательность для того, чтобы имѣть удачу на капиталистическомъ рынкѣ. Капиталистическое хозяйство не есть цѣлесообразно организованное примѣненіе уже извѣстныхъ методовъ. *Изобрѣтеніе* новыхъ методовъ входитъ здѣсь, какъ одно изъ звеньевъ, въ процессъ реализаціи уже изготовленнаго продукта: каждая данная группа товаровъ, выброшенная фабрикой на рынокъ, нуждается, вообще говоря, въ особомъ, спеціально для нея придуманномъ «изобрѣтеніи», чтобы оттѣснить конкуррентовъ и пробить себѣ дорогу къ потребителю. Но такъ какъ изобрѣтенія по самому существу своему не могутъ быть вычислены и организованы заранѣе, то единственный способъ включить ихъ въ хозяйственный процессъ—это

подчинить предпріятіе «авторитарному» руководству талантливаго изобрѣтателя въ надеждѣ, что въ надлежащій моментъ богъ творчества осѣнитъ его въ надлежащей мѣрѣ. Талантами такого рода и являются высшіе наемные руководители капиталистическихъ предпріятій. Организаторы производственной техники въ узкомъ и строгомъ смыслѣ этого слова цѣнятся сравнительно низко;—на первый планъ выступаютъ организаторы, приспособляющіе производство къ прихотливымъ колебаніямъ рыночной конъюнктуры. Само собою разумѣется, ихъ директивы не могутъ быть обоснованы математически и потому выполняются болѣе или менѣе «слѣпо» не толькорабочими, не заинтересованными въ ихъ успѣхѣ, но и владѣльцами предпріятій, чрезвычайно заинтересованными въ этомъ.

Но то, что мы только что сказали о руководителяхъ капиталистическаго предпріятія, справедливо въ извѣстной мѣрѣ и по отношенію къ «вождямъ» всѣхъ борющихся между собою общественныхъ партій или группъ. Вычислить вполнѣ точно равнодѣйствующую соціальныхъ силъ въ каждый данный моментъ нѣтъ никакой возможности. Въ атмосферѣ обостренныхъ общественныхъ конфликтовъ, гдѣ каждая изъ воюющихъ партій пускаетъ въ ходъ всѣ свои матерьяльныя и интеллектуальныя силы для наилучшей организаціи обороны и нападенія, выработка правильной тактики, умѣнье высмотрѣть самый слабый пунктъ врага и нанести ему мѣткій ударъ требуетъ исключительной проницательности, незаурядныхъ тактическихъ способностей. И само собою разумѣется, человѣкъ, доказавшій на дѣлѣ свое искусство въ этой области, неизбѣжно становится «авторитетомъ» въ глазахъ своихъ товарищей; послѣдніе неизбѣжно начинаютъ «слѣпо» слѣдовать его совѣтамъ, довѣряя его испытанному таланту тактика больше, чѣмъ своему собственному мнѣнію въ каждомъ данномъ случаѣ.

Съ другой стороны, здѣсь совершенно неустранимъ «деспотизмъ» большинства даже въ средѣ лицъ, связанныхъ полнымъ единствомъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, математически доказать правильность даннаго тактическаго лозунга невозможно. Если, несмотря на всѣ попытки убѣдить другъ друга, разногласіе все-таки не устранено, для оказавшихся въ меньшинствѣ не остается никакого другого выхода, какъ поддержать большинство, хотя бы избранный послѣднимъ путь представлялся имъ вреднымъ для интересовъ дѣла. Отказаться отъ такого подчиненія значитъ отказаться вообще отъ борьбы, ибо единство дѣйствія, какъ извѣстно, первый залогъ успѣха. Эти «авторитарныя» отношенія свойственны рѣшительно всѣмъ борющимся партіямъ и группамъ, независимо отъ того, сражаются ли они на экономической или на политической аренѣ. Причина лежитъ здѣсь въ самой сущности соціальной борьбы, въ ея объективной логикѣ, а вовсе не въ формахъ боевыхъ организацій, создаваемыхъ уставомъ партіи. Уставы, какъ и всегда, только формулируютъ фактически сложившіяся отношенія и служатъ лишь для улучшенія техники борьбы, намѣчаемой самой жизнью.

Анархисты не устаютъ поносить соціальдемократію за то, что она культивируетъ авторитарный духъ, подчиняя дѣятельность партіи единому центральному комитету. Какъ будто избраніе въ партійный центръ служитъ источникомъ «авторитета» вождей партіи! Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ, конечно, какъ разъ наоборотъ: сложившаяся потребность въ авторитарномъ руководствѣ заставляетъ партію поручить лицамъ, *уже пользующимся* авторитетомъ, направлять партійную работу въ предѣлахъ воли, выраженной съѣздомъ. Централизація партіи лишь облегчаетъ технику сношеній отдѣльныхъ членовъ съ «вождями», которые и безъ

всякой оффиціальной должности были бы все-таки ее *авторитарными* руководителями. И пока они оказываются на высотѣ возложенныхъ на нихъ задачъ, пока ихъ директивы оправдываются жизнью, ихъ фактическое вліяніе несравненно шире скромныхъ рамокъ компетенціи центральнаго комитета. Но стоитъ имъ впасть въ противорѣчіе съ тенденціями соціальнаго развитія, стоитъ взять тактическую линію, идущую въ разрѣзъ съ требованіями жизни,—и дѣйствительное значеніе ихъ въ партійной жизни становится гораздо меньше ихъ оффиціальныхъ «правъ», какъ членовъ центральнаго комитета. Авторитарность создаютъ не формы организаціи, а неумолимыя требованія соціальной дѣйствительности, которыя можно затушевать, но отнюдь не устранить провозглашеніемъ принциповъ личнаго самоопредѣленія, автономіи группъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ номинальная автономія группъ и даже индивидуумовъ гарантируетъ хоть сколько-нибудь анархистовъ отъ авторитарныхъ руководителей на дѣлѣ? Развѣ, напримѣръ, многіе и многіе изъ «автономныхъ» сподвижниковъ Бакунина не были фактически слѣпыми орудіями его могучей воли? Допустимъ, что Бакунинъ со своею склонностью къ заговорщицкимъ организаціямъ не былъ достаточно принципіальнымъ анархистомъ. Но развѣ нѣтъ слѣпыхъ послѣдователей у самого архилибертэрнаго Кропоткина?

Соціальдемократію имѣло бы смыслъ упрекать въ культѣ авторитарныхъ отношеній лишь въ томъ случаѣ, если бы она стѣсняла проявленія критическаго духа, если бы она старалась скрывать колебанія и разногласія, имѣющія мѣсто въ рядахъ руководителей, умышленно поддерживая въ массахъ слѣпое довѣріе къ вождямъ. Но ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Въ нѣмецкой соціальдемократической партіи всѣ сколько-нибудь

серьезныя разногласія широко обсуждаются въ прессѣ и на народныхъ собраніяхъ. О нашей россійской соціальдемократической партіи нечего и говорить: ея склонность къ «дискуссіямъ по тактическимъ вопросамъ» стала, что называется, притчей во языцѣхъ.

Если анархистамъ, поскольку они ведутъ какую-нибудь борьбу, лишь на словахъ удается избавиться отъ авторитарнаго руководительства, то рѣшительно то же самое приходится сказать и о подчиненіи меньшинства большинству. Представимъ себѣ, напримѣръ, что большинство членовъ какого-нибудь рабочаго анархическаго союза хочетъ объявить стачку,—меньшинство считаетъ успѣшную стачку при данныхъ условіяхъ неосуществимой. Какъ поступитъ это меньшинство? Неужели оно будетъ продолжать работу, отнимая у своихъ товарищей малѣйшую надежду на успѣхъ? А между тѣмъ присоединеніе къ большинству въ дѣлѣ, которое я считаю явно вреднымъ, есть несомнѣннѣйшій отказъ отъ индивидуальной автономіи, несомнѣннѣйшее признаніе «власти» большинства. Такимъ образомъ, и здѣсь корень зла вовсе не въ формѣ организаціи, не въ томъ, что такой-то параграфъ устава гласитъ: «меньшинство должно подчиняться большинству». Необходимость внѣшней дисциплины, необходимость соразмѣрять свои дѣйствія съ волей большинства диктуется самыми условіями борьбы и не можетъ быть устранена простымъ зачеркиваніемъ авторитарныхъ параграфовъ. Стройная организація только облегчаетъ технику выясненія большинства въ каждый данный моментъ. Дезорганизованность борьбы, не устраняя тѣхъ стѣсненій индивидуума, которыя вытекаютъ изъ необходимости единодушныхъ дѣйствій при невозможности единогласныхъ рѣшеній, прибавляетъ сюда еще новыя стѣсненія, создаетъ мучительное чувство связанности,—чувство, охватывающее человѣка, «бродящаго въ

потемкахъ», и обусловленное въ данномъ случаѣ отсутствіемъ средствъ быстро уяснить для всѣхъ ту волю большинства, безъ содѣйствія которой никакія успѣшныя дѣйствія немыслимы.

Вести массовую политическую или экономическую борьбу въ формахъ, совершенно свободныхъ отъ авторитарнаго руководительства и подчиненія меньшинства большинству,—задача абсолютно неосуществимая. Можно, конечно, отрицать въ теоріи то, что постоянно практикуешь на дѣлѣ,—но такая политика страуса, нимало не защищая автономіи борющихся индивидуумовъ, лишаетъ ихъ только возможности выработать технику борьбы, наилучше гарантирующую успѣхъ.

Устранить авторитарныя отношенія и дисциплину на дѣлѣ удается лишь въ томъ случаѣ, если никакой практической борьбы не ведется, если вся работа партіи сводится къ теоретической пропагандѣ ея взглядовъ. Тутъ дѣйствительно не только не желательны, но и фактически не осуществимы никакія «права» центральныхъ комитетовъ,—достаточно идейнаго объединенія автономныхъ пропагандистскихъ группъ. И съ другой стороны, тутъ не можетъ имѣть мѣста власть большинства, ибо не представляетъ, очевидно, никакого интереса и никакого смысла рѣшать большинствомъ голосовъ вопросы теоретическаго убѣжденія. Такимъ образомъ, чистоту либертэрнаго принципа анархистамъ удается сохранить лишь постольку, поскольку они не признаютъ въ рамкахъ современнаго строя никакой иной дѣятельности, кромѣ пропаганды. Но, какъ мы уже упоминали, даже авторитарнѣйшіе изъ якобинцевъ-соціальдемократовъ въ періодъ исключительно пропагандистской работы практиковали тѣ же самыя либертэрныя формы организаціи. И здѣсь, слѣдовательно, формы организаціи диктуются не апріорными принципами, а самымъ характеромъ выполняемыхъ ею функцій.

Особенно убійственнымъ для индивидуальной свободы анархисты считаютъ расширеніе размѣровъ общественной организаціи. Мы уже видѣли, какъ они боятся концентраціи производства; эту же опасность усматриваютъ они и въ концентраціи боевыхъ силъ пролетаріата.—Въ дѣйствительности, развитіе авторитарнаго духа и авторитарныхъ отношеній отнюдь не зависитъ отъ величины союза, которая, какъ и все, касающееся организаціи, опредѣляется объективными условіями борьбы. Пока преобладающимъ типомъ экономической борьбы является стачка отдѣльной профессіи, профессіональный союзъ есть господствующая форма экономической организаціи. Но разъ подъ вліяніемъ измѣнившихся условій, поле борьбы раздвинулось и требуетъ координаціи усилій рабочихъ цѣлой отрасли промышленности, возникаютъ централизованные союзы соотвѣтственнаго размѣра — «Industrieverbände» въ Германіи, «amalgamated societies» въ Англіи. Дальнѣйшее развитіе соціальныхъ противорѣчій и конфликтовъ выдвигаетъ вопросъ о непосредственно классовой организаціи экономической борьбы.

Какъ же вліяетъ этотъ процессъ концентраціи рабочихъ союзовъ на индивидуальную свободу членовъ? Можно ли сказать, что самостоятельность и самоопредѣленіе индивидуума все болѣе и болѣе сводятся на нѣтъ по мѣрѣ развитія этихъ гигантскихъ организацій?— Какъ разъ наоборотъ. Именно въ эпоху расцвѣта узкопрофессіональной борьбы, въ эпоху, когда профессіональные союзы сражались не только съ капиталистами, но порою и другъ съ другомъ,—именно тогда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упрочился строго авторитарный, олигархическій, иногда даже монархически-неограниченный образъ правленія (въ полномъ смыслѣ слова самодержцемъ являлся, напримѣръ, въ своемъ союзѣ извѣстный трэдъюніонистъ Робертъ Найтъ). Расширеніе рамокъ борьбы

не только увеличиваетъ размѣры организаціи, но въ то же время требуетъ отъ каждаго индивидуума больше сознательности, иниціативы, самодѣятельности. И, какъ мы видѣли, эти требованія особенно сильно повышаются какъ разъ тогда, когда экономическая борьба принимаетъ непосредственно классовой характеръ. Размѣры организацій не прямо пропорціональны ихъ «авторитарности», какъ утверждаютъ анархисты, а скорѣе обратно пропорціональны. Тѣ самыя тенденціи общественнаго развитія, которыя расширяютъ боевой союзъ пролетаріата, эмансипируютъ каждаго отдѣльнаго пролетарія отъ *слѣпого* подчиненія руководителямъ, заставляютъ его выучиться стоять на собственныхъ ногахъ.

Но само собой разумѣется, только на почвѣ вполнѣ развившагося и упрочившагося соціалистическаго строя исчезнутъ окончательно авторитарныя отношенія. — Анархисты мечтаютъ начать соціальную революцію съ полнаго уничтоженія государства и всѣхъ вообще формъ власти. Въ ихъ представленіи защитники стараго строя сразу улетучиваются, лишаются всякой силы сопротивленія послѣ перваго же побѣдоноснаго революціоннаго удара. Допустимъ, фантазируетъ Кропоткинъ въ своемъ «Завоеваніи хлѣба», что соціальная революція побѣдила только въ Парижѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. И допустивъ это, онъ въ дальнѣйшемъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на тѣхъ методахъ производства и формахъ организаціи, при помощи которыхъ соціалистическая коммуна сможетъ прокормиться трудомъ автономныхъ группъ, пресѣкающихъ въ самомъ зародышѣ козни властолюбивыхъ якобинцевъ. А что же въ это время дѣлаетъ весь остальной міръ, гдѣ по прежнему царствуютъ старыя власти? Кропоткинъ совершенно забываетъ о нихъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что представители стараго режима отнюдь не склонны будутъ спокойно на-

блюдать, какъ новые люди совершенствуютъ методы земледѣлія и разводятъ плоды въ коммунальныхъ паникахъ и оранжереяхъ; не подлежитъ сомнѣнію, что они пустятъ въ ходъ всѣ остающіяся въ ихъ рукахъ матерьяльныя силы, для того чтобы вернуть мятежную коммуну на путь капиталистическаго спокойствія и порядка.

Итакъ, коммунѣ придется не только организовать по новому производство, но и отражать интенсивный натискъ защитниковъ стараго производственнаго строя, придется, быть можетъ, вести гражданскую войну.—Врядъ ли есть необходимость доказывать, что на войнѣ невозможно побѣдить безъ централизованнаго «командованія» войсками. Врядъ ли можно оспаривать, напримѣръ, что военное сопротивленіе парижской коммуны 1871 года было такъ быстро сломлено именно потому, что центральное командованіе оказалось несостоятельнымъ, согласовать дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ не удалось, и каждый кварталъ самостоятельно защищалъ свои баррикады, не заботясь о сосѣдяхъ. Насколько неустранима власть въ обстановкѣ гражданской войны, видно уже изъ того, что сами анархисты, когда имъ на практикѣ приходилось участвовать въ гражданской войнѣ, вынуждены были брать на себя функціи власти. Такъ, напримѣръ, во время испанской революціи 1873 года анархисты не могли уклониться отъ участія въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, кое-гдѣ входили даже въ составъ—horribile dictu—«временнаго революціоннаго правительства» возставшихъ городовъ. Теорія автономности индивидуумовъ и группъ привела лишь къ тому, что анархисты очень плохо выполнили свою «правительственную» роль, не смогли объединить движенія и дали небольшому непріятельскому отряду по очереди разбить всѣ возставшіе города.

Авторитарной власти потребуетъ не одна только во-

енная самооборона. Капиталисты и ихъ сторонники попытаются, конечно, всѣми способами дезорганизовать новый строй производства, взорвать его, такъ сказать, изнутри. Пролетаріату придется пустить въ ходъ всѣ средства принужденія, необходимыя для того, чтобы быстро и рѣшительно покончить съ конвульсіями умирающаго строя. Господство пролетаріата въ періодъ незакончившейся еще революціи не можетъ не принять формы *политической диктатуры*. Это не значитъ, конечно, что партія пролетаріата ограничится простымъ захватомъ органовъ государственной власти въ томъ видѣ, какъ они сложились въ старомъ строѣ. Нѣтъ, немедленная и самая радикальная демократизація будетъ необходима, необходима именно для успѣха пролетарской диктатуры.

Наконецъ, и сами положительныя задачи соціалистическаго общества потребуютъ на первыхъ порахъ сохраненія авторитарныхъ отношеній. Промышленный пролетаріатъ, вырабатывающій уже въ теперешней борьбѣ съ капитализмомъ формы организаціи, необходимыя для товарищескаго управленія производствомъ, въ большинствѣ странъ составляетъ меньше половины населенія. По всей вѣроятности, и въ моментъ соціалистической революціи онъ далеко не вездѣ будетъ включать въ свои ряды абсолютное большинство націи. Во всякомъ случаѣ промежуточные мелкобуржуазные элементы, совершенно не приспособленные къ дружной товарищеской организаціи, будутъ представлять очень значительную массу. Эта масса и послѣ пріобщенія ея къ соціалистической организаціи производства, не можетъ не нуждаться въ теченіе извѣстнаго времени въ авторитарномъ руководствѣ. Да и промышленные рабочіе, выросшіе въ капиталистическомъ обществѣ, не сразу сумѣютъ обойтись безъ авторитарныхъ указаній, и они — просто вслѣдствіе не-

достаточной образовательной подготовки—въ отдѣльныхъ случаяхъ вынуждены будутъ вѣрить на слово руководителямъ.

Бояться, что эти авторитарныя отношенія могутъ упрочиться и закрѣпиться, отдавъ снова міръ въ руки «насильниковъ», нѣтъ рѣшительно никакого основанія. Въ соціалистическомъ обществѣ исчезаетъ *объективная* почва для развитія авторитарнаго духа и никакимъ ухищреніямъ зловредныхъ «якобинцевъ» не удастся спасти престижъ власти.—Въ самомъ дѣлѣ, укрѣпленіе авторитарныхъ формъ, развитіе *бюрократическаго* управленія означаетъ торжество рутины, застойность разъ сложившихся формъ хозяйственной дѣятельности. Эта послѣдняя въ свою очередь кладетъ препоны развитію производительныхъ силъ труда. Между тѣмъ въ соціалистическомъ строѣ въ непрерывномъ повышеніи производительности труда *каждаго* работника заинтересованы *всѣ* безъ различія члены общества. Соціалистическое общество самымъ кровнымъ образомъ заинтересовано въ томъ, чтобы «власть» не могла пустить прочныхъ корней ни въ одномъ изъ уголковъ и закоулковъ сложнаго общественнаго механизма. Возможно скорая реорганизація всѣхъ отраслей труда по типу чисто товарищескаго союза будетъ настоятельной заботой всѣхъ и каждаго. Притязанія властныхъ натуръ, встрѣчающія такую благодарную почву въ обстановкѣ современной соціальной борьбы, станутъ возбуждать все болѣе и болѣе ироническое недоумѣніе по мѣрѣ укрѣпленія соціалистическаго хозяйства. И когда исчезнутъ послѣдніе пережитки капиталистическаго строя, когда въ атмосферѣ соціализма вырастутъ новыя поколѣнія, «вкусъ къ власти» будетъ представляться такимъ же патологическимъ явленіемъ, какимъ представляется намъ вкусъ нашихъ предковъ къ человѣческому мясу.

Закончимъ словами Энгельса: «Первый актъ, въ которомъ государство выступаетъ дѣйствительнымъ представителемъ всего общества— захватъ государствомъ средствъ производства отъ имени всего общества—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній самостоятельный актъ государства, какъ такового. Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія становится излишнимъ въ одной области за другой и такимъ образомъ постепенно само собой прекращается. На мѣсто командованія лицами становится завѣдываніе вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отмѣняется», оно *отмираетъ*».

ИНСТИТУТ ... ОРМАЦИИ
... ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
24.Г.77

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава	I. Вмѣсто предисловія.	3
»	II. Доктрина анархистовъ-коммунистовъ	8
»	III. Программа и тактика анархистовъ-коммунистовъ.	28
»	IV. Какъ надо дѣлать революцію?	38
»	V. Истинно-русскій анархизмъ.	46
»	VI. «Индуктивная наука» анархистовъ и «метафизика» соціальдемократовъ	56
»	VII. Типы развитія производительныхъ силъ, характеризующіе натуральное, товарное и соціалистическое хозяйства	79
»	VIII. Техническія и отрицательныя общественныя предпосылки соціализма.	95
»	IX. Положительныя общественныя предпосылки соціализма.—Формы рабочаго движенія	120
»	X. Соціализмъ и власть	160